

Владимир Кузнецов

ОСЕНЬ НА ЛУНЕ

ДАЙДЖЕСТ-ПРЕСС ЛТД.

М о с к в а
2006

УДК 821.161.1-3

ББК 84 (2Рос=Рус)4-5

К 89

Владимир Кузнецов

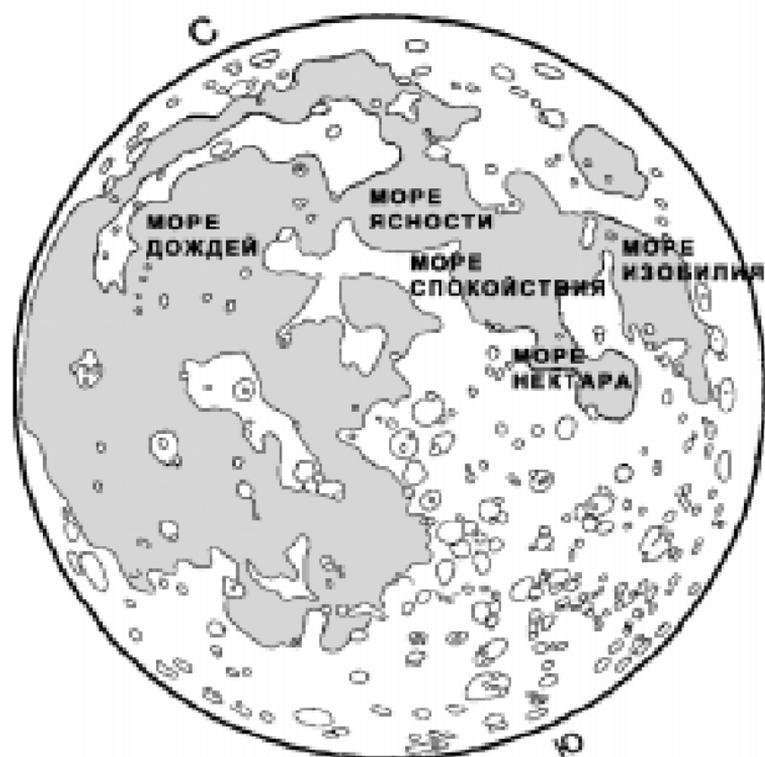
К 89 Осень на Луне. – М.: Дайджест-Пресс
Лтд., 2006. – 256 с.

ISBN 5-88532-012-8

© В.Кузнецов, 2006

Эта книга –
подарок друзьям ко дню
моего рождения
26 октября

СМЫСЛ И ПРИЧИНА СТРАДАНИЯ

Полнолуние, и снова тот же, однажды найденный образ, видится мне в очертаниях лунных морей: на Луне сидит Заяц и пьет вино из кувшина...

Справа вверху – длинные уши – море Спокойствия, море Изобилия, море Нектара... Слева, где море Дождей – кувшин с вином в его лапах, а голова соответствует морю Ясности.

Полнолуние, катится по небу Луна, и Заяц заваливается на спину, все выше поднимая кувшин.

Если в страдании есть *сила*, освобождаящая от привязанности, то значит – страдание не бессмысленно. Но ведь Будда в страдании видел не избавление, а только неизбежное следствие привязанности: а к избавлению от страданий и от привязанности, и к достижению нирваны ведет – “благородный восьмеричный путь”.

А вот Артур Шопенгауэр мыслил страдание как преодоление воли к жизни. Чем больше страданий и разочарований, тем лучше, а предельный смысл и цель страдания – победа над привязанностью к самой Жизни, когда уже нет стремления к отдельному своему и для себя – бытию.

“Нелюбимым Бог дает корыто сытости, а любимым Он скитания дает”.

Да и наша христианская традиция говорит, что любимым своим чадам Господь дает страдание, и что мучения и гонения, и разочарования в земной юдоли – на благо души нашей. Ведь страдание – предпосылка покаяния, а покаяние – есть изменение в лучшую сторону. Непрерывное покаяние, а значит, и страдание – путь к Спасению.

Я пострадать хочу! – воистину, русское восклицание: чтобы додуматься, надо почувствовать и пережить нечто другое, необыкновенное, что противоречит обычным нашим стремлениям.

Кусок мрамора сопротивляется скульптору, здесь мрамор – инертная косная материя. Тварь в руках Творца пищит и стонет, не хочет меняться, не хочет страдать, НО:

“Что без страданий жизнь поэта
И что без бури океан?” – *Лермонтов.*

Вот и добрались! – мои излюбленные темы: материал и творец, Материя и Дух, Создатель и его творение... Как проявляются во мне духовное и тварное начало, где тело, где душа, а где – Господь?

В общем, русская рефлексия супротив проблем американских!

Напряженные искания и мучительные раздумья на подобные темы, иногда

вызывали во мне странные аффекты эмоционального свойства. (Страдать хочу!)
Что выражалось и в моем творчестве:

Русская загадка

Вина хочу! – Вины хочу...
Хочу я пострадать.
А мера так мала...
Хочу давать, дарить...
Бери еще, свинья!
Смотри! – Я рву рубаху,
И в грудь свою стучу,
Широко так, сразмаху...
Еще вина хочу.

И топчут свиньи бисер,
И душу рвут, – давай!
Холодные, пустые выси –
Невкусный Рай.

Хотите жрать и наслаждаться,
И шкурою за все платить?
Дивятся нам американцы...
Страдать хочу, и –
Русским быть.

Материал всегда достаточно тверд и ждет равного по силе творца. Нежелание приспособливаться, быть пластилином в руках социума – естественно для духовного человека. Как прекрасно быть неподвластным – никому, только Богу одному.

вокруг оси и вокруг Солнца. А если мерить относительно скорости вращения Солнца вокруг центра Галактики, то это – галактическое время.

Относительно нашей жизни, от рождения до смерти, мы измеряем некую совокупность процессов, сводимую к судьбе человека, к его биографии.

Очевидно, что все движется. Куда оно все движется?

Как Дело совершенного Творца, все Творение движется к Совершенству. Значит время – это мера сопротивления. Время – это мера сопротивления косной, инертной материи, время – это мера нашего сопротивления, – сопротивление Благому Замыслу...

Мы не хотим меняться, не хотим страдать, но мы в руках Творца, и поэтому наше страдание, пока мы сопротивляемся, – неизбежно.

Причина страдания – сопротивление Любви. Божественная, истинная Любовь действует вне насилия – это значит, что страдание исходит от нас самих. Отсюда следует, что страдание не обязательно, – надо только понять, принять Чудо... Ведь получилось же у Будды!

Если мы не сопротивляемся Творцу, то нет и тягостного времени, а есть – Любовь. Такое благое состояние – это Чудо. Получается, что Любовь действует с помощью Чуда, ведь нет другого способа действовать без насилия.

Пока есть переживание времени, бессмысленного, напрасного, то будет и страдание, которое иногда обостряется так безмерно, как в “Бутырке”:

Одно здесь измеренье –
тягостное время.
Кирпичные сомкнулись своды.
Всей грешной жизни навалилось бремя,
И отлучило от свободы.

Процессы идут, и поэтому я могу наблюдать время. Процессы идут: тело мое стареет, но я не наблюдаю жизни, нет радости, нет удовлетворения... Наверное, это потому, что остановился главный процесс – движение Духа.

Где Оно – оживляющее, и всему дающее смысл, Дыхание?! Не слышу, не вижу, не наблюдаю. И бездна затягивает все глубже – пустое, простое, напрасное время, несущее разрушение и гибель. Черная тоска оставленности, ни почему, ни зачем, – ни понять, ни ответить. Пусто, ничего нет, ни в голове, ни в сердце нет ничего такого-этакого: значительного, важного, глубокого, да и просто интересного, – о чем имело бы смысл писать, – и я уже давно не писатель.

А кто я?

Ничего не достиг, ничего толком не умею, не могу, не делаю... – только

страдаю. Так тяжело и трудно живу в тоске да печали. И ничего у меня нет...

А я сам – я есть?

Сделать бы это последнее движение – отказаться от своего “я”. Всем сердцем, всей страстью – “движение Веры”! Кажется, что ОНО уже близко – “отвергни себя”, – ведь нет ничего такого-этакого, что могло бы поддержать мое самолюбие, за что могло бы зацепиться мое ЭГО, что потешило бы мою гордыню.

Вот если бы я смог вовсе, на самом деле от себя отказаться...

Я – образ, я – представление, такой сякой я...

Я один единственный на всем Свете среди многих и многих других “не я”, – ущербное и смертное мое для себя бытие в невыносимой бесконечности вечного ДРУГОГО.

Отказаться! От СТРАДАНИЯ и страха, тоски и неуверенности, от стыда, от смерти...

Ведь если я отвергну себя, то придет ТОТ, Тот, Кто может ДЕЛАТЬ.

Так ли это?

(Таклиэтом звали одного, во всем сомневающегося философа.)

Для меня, это так! Если бы я не знал, что все может быть по-другому, то не было бы ни рефлексии, ни шизофрении, ни тоски, ни печали. Однажды со мной случилось – то самое, высшее переживание, мистический экстаз, я и не я – одно, ни от чего не отделенное, неделимое сознание...

Это действительно запредельное сознание – такой ясности, яркости и силы, что оно вырывается за пределы всех возможных структур, взрывает сосуды любых идей, лишь миг держится в какой-нибудь вещи мира, и летит дальше и дальше – в бесконечность.

И все мое существо переживает ускоренный, подобный взрыву, полет.

Все было здесь и сейчас – высшее счастье. А теперь все не сейчас – несчастье, дальше некуда...

И как это я в поисках Истины довел себя до такого жалкого и бессмысленного существования? Но разве я мог выбрать само созидание и само укрепление, зная, что мой эгоизм никуда не ведет?

И тогда я выбрал саморазрушение и самопотерю со всеми жуткими следствиями. Последний раз, когда Божественная Благодать омыла мое существо, и спало с меня бремя отдельного и ограниченного существования (Неописуемо хорошо было – истинная Радость и Счастье!), вместо того, чтобы принять, находясь в этой щедрости великой, я стал думать и гово-

рить, что, мол, рано, не заслужил, не успел, как следует пострадать...

Написал стихотворение, в котором кричал, бил себя в грудь и кричал: “Хочу я пострадать”! Ну и пострадал, и страдаю, и бездна – дна нет...

Вот бывало, нырнешь в глубину, терпишь, борешься, чтобы дно достать, а потом оттолкнешься и – выныриваешь стремительно. Я все надеялся предел почувствовать, чтобы оттолкнуться, но, видимо, если бесконечность над нами, то и бездна внизу.

Скоро рассвет, еще чуть, и Луна закатится, мой Лунный Заяц сначала завалился на спину, а теперь и вовсе – на уши встал, кувшин пуст, разговор окончен...

Лунные разговоры... На Луне у меня, кроме Зайца, обитает Иван Скорпионов – великий коллекционер средств и способов самоубийства. Там же, уже давно ничего не делает, и ни на что не может решиться – Данет Яснетов (Да-нет, ясности нет...)

Заходите, залетайте, вина у нас море, пьем кувшинами, и есть, о чем поговорить!

Осень на Луне
продолжается...

(Лунный Заяц, скучая по драконам, с таким чувством и так много о них рассказывал, что я тоже расчувствовался, и стал вспоминать собаку.)

СОБАКА

Собака на улицу хочет,
Но хозяина не тревожит...
Ведь всю ночь он читал и думал,
Мыслей в доме, что осенью блох...
Хорошо, что мозгов не много
У собаки,
Не то, что шерсти...

Первый раз в жизни, и уже год, как я живу без собаки...

И моя левая рука проваливается в пустоту...

Вообще-то слово “собака” тюркского происхождения, но слышится, что от слова – “с боку”, – со мной с боку идет моя собака.

С двухнедельного возраста и до пяти лет со мной неразлучно и неотлучно была собака – Альма, очень старая и умная восточносибирская лайка. На охоту она уже не ходила, а жить ей позволялось в комнатах, в дедушкином кабинете: других собак дальше кухни не пускали. А мне позволялось засыпать с ней в обнимку на ее подстилке. Так тепло и приятно было уткнуться в эту чуть

колючую, волчью, зонарносерого окраса, густую шерсть...

Я даже не знал, что Альма – собака, все время с ней разговаривал, помню, обижался на нее, когда мы играли в прятки, потому что она меня сразу находила, а я ее долго не мог найти: “Альма, ну где ты, я больше не играю”. И каждый раз, засыпая, я просил ее рассказать мне сказку, и до сих пор помню все ее сказки, и до сих пор в глубине души не верю, что собака не говорила со мной.

Собака со мной говорила, а последний раз – совсем даже недавно...

Была ночь, я возвращался от друзей, после долгих философских бесед, и был изрядно пьян, шел и напряженно думал о самом главном.

И, вдруг, – милиция...

Я рванулся и побежал, потому что пьяных они забирают, так как ничего не понимают в философии. В общем, я побежал, а они – молодые и трезвые – за мной. И ни одного подходящего дерева, на которое я мог бы залезть и спастись, ведь по деревьям я и пьяный лучше всех лазаю. Думал, уж все! – поймают, но тут вдруг увидел открытый люк, – если не вверх, то вниз...

Вот я и кинулся туда, в крошечную тьму, стараясь двигаться как можно быстрее, а то вдруг – погонятся следом...

Но милицейские, видимо, постояв наверху в крайнем изумлении, удалились вылавливать для “галочки” другого – нормального, нормально пьяного мужика.

Шел дождь, бурлили грязные потоки, я постоянно бился головой в бетонные стены, плутая в подземных коммуникациях, и не было нигде не малейшего просвета.

Только часа через два забрезжил вверху слабый свет, и я, поднявшись по лестнице колодца, последним усилием, упиравшись головой, сдвинул чугунную крышку. И выполз в ночь, в дождь, неизвестно где, а в уме была, только одна мысль, – я шептал и думал: “Собака, собака, собака...”

Ведь если бы со мной была собака, то ни чего этого бы не случилось, с собакой они не забирают, и я бы спокойно дошел до дома. А у меня тогда был огромный, мощный, черный дог: “Против Тома нет приема, если нет другого Тома!” – звали его, как вы догадались, Том.

Так вот, мокрый, грязный, я лежал на асфальте неизвестно где и звал собаку. И собака пришла, ткнулась в меня носом, горячим языком слизывая с лица слезы, и говорит: “Чего ты хочешь?”

Это была не моя, а другая, тоже крупная, но лохматая и белая собака. Это была – Собака!

Я встал, несмотря на усталость, и поздоровался с ней: “Здравствуй,

Главный Пес! Спасибо, что ты снова пришел ко мне. Отведи меня, пожалуйста, домой!” И мы пошли, разговаривая по дороге, и добрались до дома, думаю, что самой короткой дорогой.

Моя черная большая собака ушла спать под стол, а мы с белой устроились на собачей подстилке, и я снова, как в детстве, слушал и смотрел чудесные сказки. Мы сидели у костра, мы охотились, да разве расскажешь обо всех приключениях, но всегда мы были вместе, – всегда была собака.

Наутро я открыл дверь, и белая собака, – уже просто собака, – ушла.

А в гостях у меня в ту ночь был сам Главный Пес, общесобачья индивидуальность, “собачность”, некто вполне разумный, давний друг и спутник Человека – СОБАКА, КОТОРАЯ УМЕЕТ ГОВОРИТЬ.

На правде своей стою упрямо.
Не станет собака меня кусать,
Потому что могу я прямо
На собаку взглянуть и понять,
Потому что я чту собаку,
И во мне пес читает аншлаг:
На Вашу уважаемую лапу
Не наступит мой грубый башмак!

С чудесами, встречаясь на свете,
Вводим в этику эстетизм:
Ни какой-то при встрече – “Приветик!”
А шляпой – справа-налево-вниз.

ОБОРОТЕНЬ

Мой дедушка был страстным охотником: с восьми лет брал меня на охоту, а в шестнадцать подарил ружье, и всегда у нас были собаки.

Мой черный дог, несмотря на то, что прошел все курсы служебного собаководства, в основном, был собакой охотничьей: я брал его с собой в лес, и он мне приносил уток. Он сплавлялся вместе со мной на плотах и даже ехал на крыше поезда. И вот, наконец, мы отправились с ним ловить мамонта.

Это была серьезная экспедиция. Есть авторитетные свидетельства, а так же многочисленные рассказы аборигенов о том, что в 20-х годах 20-го века в марийской тайге видели мамонта. Мне, например, мариец – собиратель сосновой смолы – показывал покинутую деревню и говорил: “Очень большой лохматый все время приходил и все топтал, пришлось людям уйти. Этот большой – Обло зовут, под землей живет...”

А ведь в “Марийке” столько карстовых провалов и озер, – значит, есть под землей и огромные пустоты, пещеры. Кто там живет, ни туда ли мамонты ушли?

Вообще-то, марийцы народ суеверный, у них в лесах и лешие, и водяные, и оборотни водятся. С нами, в этом

смысле, где-то на 7-й день путешествия, приключилось нечто весьма забавное.

Наша экспедиция состояла из меня, двух моих друзей, и, конечно, с нами была собака. Мы шли с тяжелыми рюкзаками, и ружье висело у меня на шее. Была ранняя весна, неустойчивая холодная погода, иногда даже шел снег. Когда по лесному завалу мы переходили небольшую, быструю и бурлящую речку, мой пес сорвался туда – в черную ледяную воду...

Все обошлось, мы его достали, но Черный так дрожал от холода, аж посинел. Недолго думая, я выдернул из-под клапана рюкзака меховую куртку и надел на него. Куртка еле сошлась на его могучей груди, а в талии болталась, тогда я затянул ее своим ремнем, на котором так и остался висеть большей охотничий нож. И пес, согревшись, радостно побежал вверх, на речной обрыв.

А вот когда следом поднялись мы, то – нарочно не придумаете!

На полянке стоял мариец, в совершенно немыслимой позе и, чтобы не упасть, опирался на старенькую одностволку. К ногам его, жалобно скуля, жался маленький тощий гончак. А мой пес важно ходил вокруг, поливая кустики. Увидев нас, и все же не отводя глаз от чудовища, мариец прошептал: “Кто это?” Понимая, что дело не ладно, я стал говорить ему, что это просто собака,

только большая, и стал рассказывать о породе...

“А почему ОН в шубе?”...

Тогда я стал рассказывать, как мы переходили речку, о том, что шерсть у него короткая, что пес замерз...

Но тут мариец, покрутив пальцем над головой, сказал: “Е-е-е, а ножик у НЕГО зачем?”

И больше никто ничего не сказал. Я не смог ответить, не смогли и мои друзья объяснить ему, с какой целью вооружилась собака таким очень даже не маленьким ножиком. Мы молча ушли, а мариийский охотник так и остался...

Интересно было бы съездить еще раз и узнать – в какого мамонта превратился мой дог, или, может быть, собиратели фольклора знают...

Жаль! Столько приключений, столько историй, но теперь, видите ли, Иван Скорпионов будет рассказывать, а истории у него – все о том же...

МОЙ ДРУГ ВЕГЕТАРИАНЕЦ

Братья мои и сестры мои, самоубийцы!
– Никогда, никогда, никогда! Всю свою жизнь, всего себя посвятил я поиску самоубийства без убийства, потерпите,

потерпите еще чуть, уже близко – есть, есть такой способ!

А история, – вот какая!

Мой друг, музыкант и великий путешественник взял как-то, да и женился. Хорошая жена попадетя – счастливым будешь, а если она – Ксантиппа, то станешь Сократом, ему же такая попалась, что стал он вегетарианцем.

А вышло все, – вот как...

Должны были придти родственники жены, и она послала его петуха зарезать (они там кур разводили), он взял самый большой и острый нож и пропал...

Долго, долго его не было, все родственники разъехались, а потом пришел, весь бледный и без петуха. Петуху он голову так и не смог отсечь, зато отсек себе – крайнюю плоть.

С тех пор мясо, рыбу, кур и яйца он не ел, а жена его выгнала.

И вот идет он один в лютый мороз по какой-то дорожке, и видит башмак, вмерзший в утрамбованный снег. И вдруг подумалось ему, что, может быть, не одному ему так плохо, что если, вдруг, – его папа напился, и упал где-то там, и сейчас вмерзает в снег как этот башмак. И ему так захотелось спасти папу, что он стал выковыривать из снега башмак, напрягая все силы, ногтями и зубами...

Но... И тогда он сел в позу “лотоса” прямо на башмак.

– Ой! Выпей еще кувшинчик! – перебил Яснетова Заяц. – От ума помогает, – и поделился с нами секретом бессмертия.

СЕКРЕТ БЕССМЕРТИЯ

Конечным мерить Бесконечность –
Для этого, нужна нам Вечность!

Быть метром – Мэтром для всего,
Что можно выудить из Ничего.

А если перестанешь мерить,
От слова “смерить” – смерть!
Что мерил, тем и жил,
Потом у мер того, что смерил –
Умер.

Неизмеримое – вот истинное Нечто,
Что можно мерить *вечно*.

Да, такие яркие звезды осенью на
Луне, и бесконечная Вселенная вокруг,
и вина у нас море...

Но я вспоминаю Землю, мои леса, и
ту далекую осень в марийской тайге...

Прощание с Илетью

И дым уплыл по реке,
Пуста глазница костра.
Колючая лапа в руке,
От инея хвоя остра.

Прощай, не забуду! Память
В темно-зеленый окрашу.
Елки машут ветвями,
Елки машут, машут...

Иду иль теку устало
В своем замерзшем русле.
Ляжет на грудь одеяло,
Звонкое, словно гусли.

Река затянется льдом,
Затянет холодом рану.
Уйду в сверкающий дом,
Кристаллом прозрачным стану.

**Где она – та осень?
Где-то там, далеко, на Земле...**

Здравствуй, Лес, я вернулся,
Я не расстался с ружьем.
Дай надышаться сырыми туманами,
Дай умыться холодным дождем,
Под осенними тучами рваными...

С ружьем я давно расстался, теперь
даже собаки нет, одни воспоминания
и – лунная пыль.

Зима в парке

Зиме навстречу старые деревья,
Как дети, тянут руки –
Простое и безмерное доверье...
Она пришла их убаюкать.

К МОЕМУ НЕВОЗМОЖНОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Скажи, кто твой читатель, и я скажу, какой ты писатель...

Если я невозможный неписатель, который все же пишет, про пьяных лунных зайцев, всегда одно единственное произведение, под названием –

“ОСЕНЬ НА ЛУНЕ”, то...

Где ты, мой невозможный нечитатель, который все же прочитает эту “Осень на Луне”, потому что с Луны свалился?

Я-то уж точно – свалился однажды, например, с дерева, потому что любил с дерева на дерево прыгать, – свалился с высоты (ребята ради интереса измерили) 17-ти метров. А потом на меня пальцем показывали и кричали: “Человек-белка, человек-белка!”

Вот именно, что не однажды! Просто, мое паденье с дерева – всем известный факт, а то, что я с Луны свалился...

– Кто Вы, представьтесь, пожалуйста?

“На вопрос на такой есть ответ простой”.

Все как-то отвечают, могут ответить...

А как бы я ответил? Ведь мне, когда спрашивают, приходится как-нибудь и что-нибудь говорить, что я, мол, старый лесоруб, лесник, последний русский философ, искатель истины. Вот когда найду, тогда и отвечу, а пока мой ответ прост:

Я не знаю...

Кто я? Я не знаю. Если бы знал, то древняя формула – “Познай себя” потеряла бы для меня свой таинственный глубокий смысл, и пропал бы во мне искатель истины и философ, – “один татарин остался”.

Это из анекдота, мой дедушка, прошедший всю Войну, рассказывал: Немцы окружили высотку, а взять не могут, и кричат в мегафон: “Русс сдавайся!” Но никто не сдается, они снова кричат: “Русс сдавайся!” А сверху в ответ: “Русс нет, один татарин остался”, и стрельба. Так немцы высотку и не взяли.

Познавать себя – это значит, каждый раз признаваться себе, что не знаешь, кто ты, что ты, почему ты...

Почему, почему Лунный Заяц загрустил, Иван Скорпионов скучает, даже Данет Яснетов зевает и звезды считает. Видимо, пора возвращаться к моей “осени”, – к осени, которая на Луне.

10 лет назад я раздал друзьям по экземпляру рукописи, пытаюсь поставить точку в разговоре о самом главном.

Рукопись называлась – “Осень на Луне”. Эти слова я прочитал в ясное полнолуние на волнах прибоя.

Отражение Луны – лунная дорога все сужалась к берегу, а у самых моих босых ног превращалась в тонкую серебряную нить, которая плясала на волнах прибоя и – писала что-то неразборчивым почерком. Я долго стоял и смотрел, стараясь разобрать хоть слово, и вдруг прочитал...

Осень на Луне

Да у нас тут всегда осень. Ползают по кратерам желтые туманы, бесшумно падают и взрываются метеориты, от чего пыль спекается в древние символы, поющие в пустоте. Все как обычно, вино пьем кувшинами, под лунной поверхностью такие запасы, что за десять тысяч лет Заяц, не просыхая, неумоимо черпая, и половины не выпил. В общем, и вина пока хватает, и поговорить есть о чем.

Вот только Иван Скорпионов безобразиие устроил.

Помните?

Овеществил в лунном флюиде свой субъективный город, конечно не без помощи кувшинчика...

Дома, машины, всюду мусор какой-то валяется, и множество людей, и все с этим, – с этим самым синдромом: братья

мои и сестры мои – самоубийцы... Но вся эта субъективная нереальность у Зайца под колпаком из желтого позапрошлогоднего тумана. И только один Скорпионов, когда перепьет, верит, что город настоящий, и зовет его Казанью.

Почему Казань, да на Луне, да на обратной ее стороне, да в центре потустороннего круга?

Я проснулся, как в наказанье,
Снова в Казани, снова в Казани.
Мне все равно, обидно просто –
Снился остров, прекрасный остров...

Ночь всю качался я на лианах,
И хохотали вокруг обезьяны,
Я собирался утром рано
Через джунгли идти к океану...

Вижу в окошко лазурное небо,
Как океан, у которого не был...
Час – и очнется, как в наказанье,
Город, который зовется Казанью...

Да и ладно, пусть будет Казань, с Земли все равно не видно. Да и кому сейчас дело до обратной стороны Луны?

Но, если исходить из истины, дело есть, я уже говорил, не забывайте, что эта история касается всех, потому что Луна спутник Земли, и вообще – единство! Как угодно можете отъединяться, как угодно мыслить, но единство придется признать. Во всей нашей

Ничего. Пустые диоды, пустые триоды из эха извечного – “Есть” или “Нет”.

Так вот, прилунился Данет Яснетов, где прилунился, там до сих пор и сидит. Наверное, это возможно только в Казани, которая на Луне, но ему была предложена полная свобода выбора без какой-либо необходимости...

Представьте себе эту комедию: Данет Яснетов решил выяснить для себя окончательно и навсегда – или нет, или да. Ему, наверное, и вечности не хватило бы...

Что там буриданов осел? С голода умер, а если и в еде нет необходимости? У нас-то, все как обычно, кувшины не пустеют, разговоры не иссякают, вина на Луне море. А он все сидит на том же месте, как тот ворон: “Все сидит он, и сидит он, пусть идут, идут года. И душе не встать из тени, знаю, больше никогда”.

Скучно, смотреть не на что. А тут как раз слово одно модное до нас докатилось, американское – “проблемы”. Мы его повертели и так, и сяк, и решили на Яснетове испробовать. Подходим к нему, просто, без суеты – спешить некуда, и Заяц немного по-американски спрашивает: “В чем Ваши проблемы?”

Вот тут он нас и ошарашил:

“В необходимости внутренней” – говорит: “Сам вижу, что внешней

необходимости ни в чем нет. Но вот как быть с истинным внутренним обоснованием наших внешних без видимой необходимости действий? Надо бы еще подумать, прежде чем что-то делать”.

Даже Заяц задумался!

– “Проблемы?”

Все просто: делая что-нибудь без всякой на то необходимости, человек исходит из так называемой *гордыни* (см. гортыква, горарбуз).

Представьте себе, что это даже не фрукты, а такие огромные страшно ядовитые ягоды, губящие не только душу человека, но и отравляющие всю “окружающую среду”. Как жаль земную Природу, вот необходимая необходимость – спасти ее надо, и очевидно, что *уборка мусора* уже давно стала делом самым необходимым. А вот ругань, драки, войны, любое возвеличение и увеличение себя и своего – не имеют под собой никакой необходимости, а служат удобрением для этой злобной гордыни (гортыквы и горарбуза).

Что мной движет, когда я пишу мою “Осень”, которая на Луне?

Всю жизнь я наблюдаю войну, непримиримую вражду на одной грядке, – войну в душе человека. Если побеждает Гордыня, собирая все соки под свою толстую шкуру, то чахнет Любовь.

А ведь только Любовь видит и чувствует истинную необходимость, как внешнюю, так и внутреннюю.

А когда, под ударами судьбы, чахнет Гордыня, когда мне, как всегда, – по “тыкве”, да еще раз по “тыкве” и по “дыне”, и по “арбузу”...

То тогда остается пустая грядка, а на ней Тоска, да Печаль, да еще какой-то туман клубится...

Я пишу от тоски и печали, они ведь тоже – движущая сила.

“А в тайге по утрам туман –
дым твоих сигарет.
Если хочешь сойти с ума,
лучше способа нет”.

И есть – необходимость!

Я всегда пытался вернуться в тот День, который больше жизни, и рассказать о том, что видел там, далеко, той осенью, которая на Земле.

Ради дерева вы умираете, листья!
Ради жизни вечной жертва ваша.
И, понимая светлую истину,
Вы становитесь краше и краше.

Умирая, цветете, так ярко и радостно:
Ведь дерево будет, и лето придет!
Ради ветра и солнца
этот прекрасный –
Листьев прощальный полет.

Сказано: “Ничто не будет сверх сил ваших”, – но, как всегда, кажется, что сил не хватит, т.к. слишком и чересчур: дорога слишком длинна, боль чересчур сильна, тоска слишком остра, печаль чересчур темна...

Но Свет и Радость ведь тоже были – слишком и чересчур!

О Главном! Надо рассказать о Главном, ведь нет мне другого оправдания, мне – не писателю, который все же пишет, потому что в нем есть нечто, что по своей природе стремится отдавать, жертвовать собой, страдать, – потому что есть – “листьев прощальный полет”.

Вот только сил не хватает взобраться на ту высоту, с которой можно говорить по праву.

Не просто вдруг сойти с Луны:
Шагну, лечу, но это – только сны.
Проснусь, и кресло старое
Опять рыдает,
Далекие леса,
дожди и ветер вспоминает.

ИСКАТЕЛЬ ИСТИНЫ

Мне и самому как-то странно признаться вдруг, что я – Искатель Истины...

Но, рассуждая снова, стараясь быть критичным, ироничным и вновь с полной серьезностью отвечая на вопрос – чем

я с большим постоянством занят, чему готов посвятить жизнь, повторяю – Истине.

Да и что в этом странного?

Ведь сказано, что сначала – Бог, а остальное – приложится...

И служить надо одному Богу, а не “двум господам”. Ведь я пишу с большой буквы Истина – “что есть истина?”

Не что, а – Кто, Бог есть Истина, искать Истину – искать Бога. Говорю определенно, чтобы не было путаницы: Истина значит для меня – еще одно Имя Божье.

Имя не Он Сам, имя – это дверь, в которую можно стучать. Вот я и стучу... Но я ведь человек здравомыслящий, рассудительный, и поэтому – никакой “палаты №6”, хотя иногда бывает, за неимением более разумных средств, – стучу лбом – Господи, помилуй! Ведь – жажда, ищущий не имеет, само искание свидетельствует...

Но все же, искатель Великого Сокровища уже чем-то богат: мечтой, романтикой, каким-то отсветом еще не найденного золота. Главное то, что он верит, и поэтому посвящает поиску всю жизнь.

Значит – я верю в Бога.

Так что, ничего особенного в своем искании я не нахожу, кроме одного – веры в Бога. Является ли Вера чем-то

особенным? Я спрашивал многих, и многие мне отвечали, что верят...

Единственное, что меня всегда удивляло: почему человек, говорящий, что верит – не ищет? По-моему, одно естественно вытекает из другого... Ведь если человек знает, что есть Несравненное Сокровище, то...

Надо искать... Худо ли бедно, ишу, а с недавнего времени осознанно – цель жизни поставлена. И, конечно, надеюсь на вашу помощь. Я всегда мечтал о самом большом походе. Снова с друзьями – вперед, к прекрасной цели...

Материя и Дух, материал и Творец... Это, как две руки Господа, а между ними весь Мир, все формы. Материя не может быть чем-то иным, если она выдерживает прикосновение Духа, – материал всегда достаточно тверд и ждет равного по силе творца.

Кто я здесь – материя или Дух? Когда духовное пребывает во мне, то я могу творить и творю себя, а когда преобладает материальное, то все творят внешние обстоятельства. Что-то происходит, что-то случается, а в результате – понимание...

Понять – значит измениться, понимание – самое ценное внутреннее достояние. Оно – венец всех мук и страданий и, может даже, самой жизни.

Обычно понимание приходило ко мне в силу обстоятельств внешних, они загоняли в угол, заставляли думать,

страдать, напрягать душевные силы и – понимать. Видимо, сам я, по собственной воле, ничего не хотел понимать...

А разве нельзя напрягать волю, работать над собой и размышлять последовательно в силу обстоятельств внутренних? Ведь есть и жажда духовная. Неужели она не так сильна, чтобы вызвать напряжение, достаточное для понимания...

И так, я могу рассказывать о том, что понял... Еще я могу описать те обстоятельства своей жизни, которые заставили меня понять.

Высшая победа обстоятельств – загнать человека в такой тупик, из которого есть только один выход – Бог.

Однажды я оказался в таком тупике и понял... Все мое понимание можно выразить такими словами: Бог Есть!

А еще я пытался рассказать о тех обстоятельствах, которые подвели меня к этому...

Но вот если бы! На страницах книги создать такое “обстоятельство”, которое могло заставить читателя переживать и думать, и пришло бы к нему понимание...

Вряд ли мне по силам такое художественное произведение...

Произведение искусства – это такое искусственно созданное обстоятельство, переживая которое, человек получает понимание истинное.

“Нарисуй мне барашка!”

Маленький Принц увидел своего барашка через дырочки в яшике...

У меня есть нечто настоящее, истинно ценное – то, чем бы я хотел поделиться со своим другом, но не получается, – я не писатель и не поэт...

И все же, ящик я могу нарисовать, а каждая фраза, каждая попытка сказать – будут теми дырками, через которые...

Может, ты, Мой Друг, увидишь нашу с тобой Истину!

ДРИАДА

Однажды, весь август, всю долгую осень и начало декабря я проторчал на болотах под Талдомом, 9 км до ближайшей станции. У меня был сплошной лесоповал: часть болот осушили и отдали московскому дачному кооперативу, я же подрядился срубить все деревья на участке площадью около 20 гектар.

Черная ольха, осина, береза, даже ельник – довольно густой лес на кочковатой, уже пересохшей почве. Изрытый вдоль и поперек глубокими канавами, он был обречен, но все равно до сих пор жаль каждое ни в чем не повинное дерево, в которое с визгливым ревом вгрызались зубья бензопилы.

Мои работодатели давно меня знали, и поэтому смело бросили одного с тремя бензопилами, и свод военной шатровой палатки 37-го года снится мне до сих пор.

Приезжали по воскресениям, привозили бензин и консервы, а я каждый раз просил их найти мне помощника. Не потому, что валка в одиночку нарушает технику безопасности, и трудно одному пилить и толкать, и таскать через завалы пилу, топор, бензин, сумку с инструментами... А потому что – “одиночество, как твой характер крут!”

По утрам, каждый раз, заставляя меня за разжиганием костра, пролетала семья воронов: шесть черных птиц приветствовали меня своими громкими, со звоном металла, криками. Особенно старался один молодой ворон – Предпоследний, он всегда летел предпоследним и очень мной интересовался. Однажды, пролетая над лагерем, он снизился и вдруг перевернулся на спину, и долго летел совершенно прямо, но вверх ногами, а потом, приняв обычное положение, радостно раскричался, сделал крюк и повторил трюк – вот как я умею!

Пожелав воронам всяческих успехов, я шел за водой, всегда в одно и то же место, где ближе и легче было зачерпнуть из канавы. Но это место облюбовала большая черная гадюка, в руку толщиной. Сначала она не спеша уползала

со своего солнечного пригорка, а потом привыкла к ежедневному ритуалу и даже не шипела, наблюдая за мной. Однажды я отважился и погладил ее по головке. И, конечно, каждый раз с ней здоровался, разговаривал...

На одно плечо – бензопилу, на другое – сумку с инструментами и водой, в одной руке топор, в другой – канистра с бензином, и – вперед! Пилить и пилить, пока не стемнеет, ведь дни все короче...

Вот на высокой кочке стоит большая красивая береза, в пышной кудрявой кроне сверкают на солнце пряди желтой седины. Но валить надо, я подхожу и делаю запил. Как вдруг, шину моей бензопилы заливает яркая алая кровь.

Да, красная жидкость хлещет из березы, заливает пилу, и кровавый ручеек бежит по земле. В ужасе я бросаю все, делаю какой-то невысказанный жест, и восклицаю громко: “Ну вот, Дриаду зарезал!” – Зарезал нимфу, жившую в дереве, душу леса, принимающую облик прекрасной женщины, – зарезал. Она жила здесь, в этой березе, а я, вместо того, что бы подружиться с ней...

В этот день я больше не работал. Долго не мог ни на что решиться, и только на следующее утро произвел научное исследование данного феномена.

Оказалось, что в березе было большое сердцевинное дупло, а над ним в изгибе

ствола – морозобоина, случившаяся прошлой зимой. Весной березовый сок из глубокой трещины в коре натек в дупло, простояв там все долгое лето. Под действием березового дегтя и каких-нибудь бактерий он окрасился в цвет крови невинной нимфы.

Бедная Дриада!

Как хорошо было бы подружиться с какой-нибудь нимфой, дриадой, русалкой, а то...

Эта вторая – Ева,
Вместе с моим ребром,
Опять подалась налево.
Я пью валерьянку и бром.

Может, она и лучше,
Чем первая та – Лилит,
Но когда перестанет мучить,
По ней вся душа болит.

Господь, сотвори другую!
Не один должен быть человек.
Ребер не жаль,
Только дай мне такую,
Чтобы не жаждать вовек.

Да будет! Бери,
Если сможешь принять,
А зовут ее –
Благодать.

Хорошо, что я не мыслю себя поэтом, поэтому могу писать стихами, не забираясь слишком высоко.

Я решил прыгнуть со скалы в Черное море – это было давно, в Крыму, на мысе “Фиолент” – но медлил, сомневался...

Накатывали волны страха: то напрягались, то расслаблялись мышцы. Я говорил – “Нет”, поднимал голову и смотрел вдаль, огромность моря напоминала о высоте, на которой стою, и взгляд опускался вниз. Под скалой было достаточно глубоко – мерил, и до воды долечу – “Да!”

И снова напрягались мышцы.

“Нет!” – я уже знал, как опасны эти колебания, слишком долго, долго стою на краю.

“Все, ухожу, найду скалу пониже” – расслабляюсь и делаю шаг назад...

А потом было мгновение, о котором не рассказать, какие мысли пронеслись, какие чувства пережились? Много, много всего, а скорее даже – все, – все содержание тогдашней моей жизни вспыхнуло в попытке обрести смысл.

“Да!” – и страх отступил.

Незабываемое чувство освобождения: ни страха, ни сомнений, никакой внутренней борьбы. Сам себе я уже не мешал, шаг вперед, глубокий вдох, и – прыжок...

И вот снова, моя недостаточная решимость привела меня на край, – мучительные колебания: Да! – Нет!

Да, хотя уже давно решил, что я не писатель, но прыгать надо, т.к. слишком долго стою на краю. Здесь не очень высоко и, надеюсь, не очень опасно. Мне надо написать лишь одно единственное творение, под названием – “Осень на Луне”. Да, шаг вперед, глубокий вздох, и прыжок прямо на Луну.

МЕНТАЛИТЕТ

А там сидит Лунный Заяц, попивает вино из кувшина и с новым словом играет. Говорит, что до Луны словцо докатилось любопытное – “менталитет” называется.

Рассуждать о содержании сознания – это одно, а вот анализировать содержание своего собственного сознания – другое. Каждый человек блуждает в своей субъективной структуре мира: посмотри на Ивана Скорпионова, как он лихо скачет верхом на зеленой скамейке. У него все просто, – что думается, то и делается. А у всех остальных беда: каждому думается только то, что вписывается в его “менталитет”, кругозор, образованность, соц. принадлежность, и – прочие ограничения сознания.

А делается нечто, ничем не ограниченное, всеобщее, новое мгновение – новая Вселенная. Для понимания того, что делается, человеку дано одно единое сознание – свет, достаточной силы и яркости, если бы не “менталитет”...

Как это получается, что в одном едином сознании, по сути неделимом, такие глубокие пропасти, такие высокие заборы, такие темные лабиринты? В нем есть области, окрашенные то ненавистью, то страстью, то желанием, то злобой, есть область, которая называется – “Я” и противопоставляется всему остальному, своему же сознанию. Все это нереальное отражение реальности приобретает иногда столь уродливые формы, что даже в самых прекрасных весенних садах, человек не может выбраться из АДА собственного мировоззрения.

Где-то на Земле есть Красота, но она там, за стеклами, за очками, за всеми структурами любых “менталитетов”. О Красоте не только думают, ее созерцают и осознают, очищая тем свое сознание.

Небу доверь свой взор,
Пусть неба язык синий,
Весь накопившийся сор,
Из глаз твоих вынет.

Всегда и во всем должен быть смысл. Если я пишу, то надеюсь, что кто-нибудь прочитает. И прочитает внима-

тельно, ведь о Главном пишу, о смысле, о правде, об исканиях истины. Но это не есть – философский трактат, и не рассказы – “все другие существа”, а...
“Осень на Луне”.

Далее...

Из того, что было уже написано, я приведу то, что не уходит из памяти. В результате должна родиться только одна “Осень” – единое, единственное творение.

Первая “Осень на Луне” была издана, но не так, как бы я хотел, и, даже, не под моим названием. Издатель назвал книгу – “Путь к Кресту”.

Какой ни есть, но я – поэт, и никогда бы не написал, особенно в названии, такое сдвоенное “к” – “к кресту”.

Нет, всегда только “Осень” – осень, которая на Луне.

Вот они – мои прошлые тексты, в сокращенном виде, но с искажениями и добавлениями, вызванными процессом долговременного осмысления.

ПУТЬ К КРЕСТУ

ЛУННЫЙ ЗАЯЦ

И все же, я ошибался: кувшин, он привык пить вино кувшинами...

На Луне сидит Заяц. Когда-то, любуясь полной Луной, я догадался, что держит он в лапах. Всю ночь, то, выбегая на улицу и всматриваясь в небо до боли в глазах, то, рисуя дома на кухне, я искал истину. И, наконец, заметил, что Заяц понемногу заваливается на спину.

Так каждую ночь: он или сидит прямо, или уже запрокидывается, но в течение ночи все больше и больше заваливается и все выше поднимает бутылку. На Луне сидит Заяц, и всю ночь напролет пьет вино.

Выпьем с ним!

Но я ошибался. Он привык пить вино не из бутылки – кувшинами.

Мы с Лунным Зайцем только этим и занимаемся – пьем вино из кувшинов, да поем гимны Лемурии или скабрезные песенки Атлантиды. Вина у нас – море, под лунной поверхностью огромные резервуары.

Изумительное вино, к тому же на удивление питательное: несмотря на то, что никакой еды здесь нет, я не только не голоден, но даже начал поправляться, и скоро меня можно будет разглядеть на Луне рядом с Зайцем.

Как здесь красиво! Самое начало осени: ползают и шепчутся желтые туманы, падают, бесшумно взрываясь, метеориты, пыль спекается в магические талисманы, поющие в пустоте...

“Проявление феномена лунатизма не ограничивается внесознательно-двигательными явлениями, хождением по крышам в полнолуние и проч. Действия больного могут носить весьма сложный характер. Один наш пациент в сомнамбулическом состоянии писал роман, о котором в период бодрствования не имел ни малейшего представления. Кстати, днем он – обычный здоровый человек, работает лесорубом и ничего не пишет, даже писем” – из лекции по психиатрии.

Я просыпаюсь и – нахожу себя...

Когда просыпаюсь утром, то мне не до поисков себя: я нахожу будильник, нахожу день, полный забот... Поэтому я просыпаюсь ночью.

Я встаю среди ночи, иду на кухню – надо запомнить, обдумать сон и, главное, осознать себя – здесь, сейчас, найти мое настоящее, которое длится, позволяя мне думать и писать.

Сидя в углу на кухне, я курю, пью чай, а иногда – пишу, но не очень долго, чтобы оставить время хотя бы на один сон, который как стена отделяет меня от завтрашнего – другого мира.

Ночью я возвращаюсь к себе, к своему Главному, только ночью я вполне один, огражден и защищен сном – от завтра и вчера. На шести кухнях надо мной и двух подо мной – никого, все спят. Поэтому легче, не натываясь на людей, моей вертикальной мысли – взлетать к звездам и падать вниз...

Для своих записей я нашел довольно толстую, крепкую тетрадь, которая называлась “Ежедневник”, и переименовал ее в “Еженочник”, т.к. пишу ночью.

Я пишу одно единое и единственное произведение, как и жизнь одна, как одно у меня – Главное, о чем, во что бы то ни стало, я должен рассказать.

Так в путь!

Трудный, неведомый, еще один Большой поход... В большие походы мы брали с собой – флаг. Какой же рыцарь пустится в странствие без собственного герба и девиза?

“Осень на Луне” – дал я название всему моему творчеству, однажды найденные сокровенные слова.

И на Луне я нашел свой герб.

Кстати, по восточному гороскопу я – Заяц (Кот).

Я – заяц-русак, рыцарь пьяного образа. На моем гербе – Лунный Заяц, пьющий всю ночь из кувшина непростое лунное вино, и загорается сердце – опьянение творчеством!

ЗНАНИЕ, ПОЛУЧЕННОЕ ВО СНЕ

Я размышляю о снах и, конечно, вспоминаю из Лермонтова, что все то не сон, в чем есть хоть капля страдания. Мне думается, что полные переживаний и страданий сны – есть такая же атакующая разум и чувства реальность, как и вся остальная жизнь.

Мне нравятся белые сны, я чувствую, что интенсивный белый свет, несущий

все цвета и звуки, берет свое начало не во мне. Я чувствую напор, мощное давление, и белая яркость присутствует в этих снах постоянным, оживляющим все до предела фоном.

Долго и трудно после таких снов вхожу я в мою обычную жизнь. И дело не в яркости сна, а в том непрерывном вдохе... Проснусь – и снова дышать нечем.

Красные сны – терпеть не могу, и, боюсь, мое будущее снится мне на красном фоне. Картины, события... – все четко и разноцветно, но преобладает красный свет, – чтоб негатив не засветить, что ли?

Сбываются эти сны – один к одному, и я думаю о моей судьбе, о жизни, которая как бы уже и прожита...

А наибольшее значение я придаю снам, в которых сознание такое же, как наяву, ведь восприятие реальности зависит от яркости сознания. Если сознание как наяву, то сон так же реален, как явь. Если сознание еще ярче – сон реальной яви!

Вот я и сражаюсь за свое самосознание: и во сне, и наяву главное – ясность и яркость сознания.

Я осознал себя во сне, помнил решительно все о себе и о снах и, наб-

любая снившийся мир, старался понять, что вижу, как вижу...

Сознательные сны никогда не забываются.

Я шел по улице в мире моих снов, стараясь разглядеть, что же он есть – этот другой мир. И вот вижу, что-то непонятное у дороги... Подхожу ближе, вглядываюсь – это просто куча всякого мусора.

И только проснувшись, ужасаюсь, – откуда там мусор?! Видимо, всюду с дворниками беда. Не я ли дворник своего сознания?

Обычное здесь – удивительно там, и – наоборот.

Однажды, путешествуя в мире снов, я наткнулся на старушку с корзиной яблок, но не рассыпал их, как студент Ансельм... Интересно, из какого мира брал Гофман свои истории?

Я попросил вежливо и, взяв одно яблоко, стал его рассматривать. А потом говорю со старушкой, сам точно сознавая, что она мне снится. Тогда она зовет еще двух старушек и говорит им, что этот вот – догадался...

Старые ведьмы лезут ко мне, дают, душат... Я пытаюсь сохранить ясное сознание, остаться наблюдателем, но старухи не унимаются...

Пришлось прекратить эксперимент.

Проснувшись, я долго думал, что это значит: то ли та реальность не хотела,

чтобы ее осознавали, то ли дело это греховное – жить знанием, полученным во сне?

Но, не все ли – сон?!

Когда идет старый фильм, то часто на экране возникают яркие белые пятна, полосы...

Временами весь мир – все, что вижу вокруг, – казался мне таким старым фильмом: как бы через плоское изображение прорывался пятнами, белыми колкими иглами – Свет! Казалось, еще немного, и кончится фильм, прервется сон, – свет вспыхнет, и двери откроют.

Мне снилось: иду по улице, где дома, машины... – все ярко, четко, – иду и трогаю гранитные стены, бью каблуком в твердый асфальт. Реальность! Я напряженно думаю о реальности: “Какие жесткие и прочные камни, как же субъективный идеалист может отрицать, как может вся такая действительная действительность вокруг оказаться иллюзией, сном?!” – и вдруг проснулся...

А ведь почти поверил, что все настоящее... Я проснулся, и мне очень захотелось проснуться еще раз.

Мне снилось: я иду домой, измотанный долгой физической работой. Иду и думаю о том, что уже так поздно, мало времени до утра – не успею отдохнуть,

отвлечься, заняться своим. Просыпаюсь вдруг и оказывается, что мне идти на работу не завтра, а – прямо сейчас.

“Тра-та-та” – так звали бензопилу.

Раньше мне часто снилась Атомная война...

Но вот однажды мне привиделось (с тех пор Атомная война не снится, кошмары прекратились), что началось, и объявили... Все всюду кричали, выли сирены – ужас, паника, – все бежали и прятались и, наконец, – попрятались...

Меня звали с собой, кричали на меня, ташили в подземелье, но мне удалось вырваться.

Я выбежал наверх, на улицы совершенно пустого города. Нигде – никого, не кричали, не бежали... Я шел по пустынным улицам, прямо посередине, смотрел в пустые дома – окна казались без стекол и занавесей. Бомбы! Бомбы уже летели – сейчас, сейчас, сейчас...

И вдруг я увидел впереди фигуру человека, он шел мне навстречу. Я все яснее и яснее видел Его и то, как прекрасна Его поступь.

И я стал догадываться, – Кого я вижу...

Сильное жжение в спине и груди, и огонь в горле напомнили мне, что я сплю. Я открыл глаза и лежал с тем же

пристальным взглядом, почти без мыслей, все еще удерживая сон, и – наслаждался последними вспышками пламени, жаркого, страстного, сгореть в котором – я так бы хотел!

СЧАСТЬЕ

Я уверен, что счастье от – “сейчас”, – “сейчасье”. Счастье может быть только сейчас. Когда все сейчас – это счастье.

Человек в сейчас не живет: он всегда чего-нибудь хочет и живет в мечтах, в планах будущего, он все вспоминает о чем-то и живет в прошлом. Его чувства, силы его души растянуты во времени, и, обычно, лишь малая часть находится здесь и сейчас.

Но бывает и счастье! Если бы просто собрался человек в настоящем, – сразу бы пришло счастье. Своими силами сделать это трудно, это делают благоприятные обстоятельства.

Сбывается мечта, часть души, которая всегда жила в ней, возвращается в сейчас, человека здесь больше – свет ярче, слышно лучше, и – как красиво вокруг! А можно было и не мечтать вовсе...

Я знаю, что будущее и, особенно, прошлое никуда не денутся – можно оставить их в покое и жить в сейчас.

Сейчас – счастье!

Сейчас – мир прекрасен, и, наоборот, если мир прекрасен, – значит я здесь, в сейчас. Сложнее всего оставить в покое самый обычный способ жить в будущем – заботы, “проблемы”.

Поможет красота: в моменты восприятия прекрасного человек извлекается из прошлого и будущего в сейчас – в счастье. Извлекает – наслаждение, опасность, удерживает здесь – сложное дело, а лучшее средство – Творчество!

Когда приходит счастье, замедляется время, может и остановиться – “остановись мгновение – ты прекрасно!”

Есть, правда, одно условие: мгновение действительно остановится, когда есть только прекрасное сейчас, и совершенно нет – мыслей! В любой мысли всегда присутствует и прошлое, и будущее, – последним препятствием будет мысль.

И только тогда, когда СЧАСТЬЕ, как удар сверкающего меча, рассекает мысль – эту непрерывающуюся веревочку, – тогда, в острие сейчастного мгновения, остановится время. Весь огромный мир души соберется на лезвие, и будет – абсолютное счастье!

Весь человек целиком окажется в единой точке, не принадлежащей времени. На прямой линии, изображающей время, мгновение “сейчас” с его возможностями, я бы показал в виде угла вниз вершиной: из любой точки можно уйти вверх, неизмеримо далеко, и широко...

Несчастье. Не хочу быть сейчас, не

принимаю мира, который сейчас. Сейчас я страдаю, мучаюсь, – я жил и, может быть, буду жить, но не сейчас. Не принимая нечто личное, что происходит, или вот-вот произойдет, человек отворачивается от всего. Мир тусклый и серый, и нет красоты...

Быть сейчас или не быть сейчас – счастье или несчастье, в каких-то пределах волен человек, выбирать сам. Но если, например, страдание слишком сильно, как ни отворачивайся, оно привлечет тебя всего. И запомнишь все до мелочей, и свет будет ярок, и время пытки замедлится, а если остановится время – это будет Ад.

Но все равно, главное – быть здесь, сейчас, т.к. только сейчас есть нечто, чего нет в мыслимом нами прошлом и будущем.

Только находясь целиком здесь и сейчас, мы встречаемся с ТЕМ, Кто может все изменить, и вытащить нас из любого Ада.

Сейчас – счастье.

ТАРАКАНЯ ПРОБЛЕМА

Жил на свете Таракан,
Таракан от детства,
А потом попал в стакан,
Полный мухоедства...

Капитан Лебядкин

Сидели мы на Луне спокойно, пили вино из кувшинов... И вот! Без приглашения, в растерзанном виде, босиком... Но вооруженный до зубов всеми орудиями и способами самоубийства, явился Некто, отрекомендовавшийся как Скорпионов Иван.

Он сказал, что в пределы семи лунных дорог выскочил случайно, от чувства разочарования и отчаяния, – из обширных вневременных инфраастральных хранилищ, где изучал все когда-либо совершенные или задуманные самоубийства, зафиксированные в конгломерациях мыслеобразной субстанции.

Распаковав и разложив свою богатейшую коллекцию, он тут же заинтересовался моей шпагой, и весьма расстроился, узнав, что это не оружие, а магический талисман.

Затем, не поприветствовав нас толком, не осушив и кувшина, стал расспрашивать об орудиях самоубийства, известных на Луне.

Лунный Заяц предложил Скорпионову прекрасный, по его мысли, способ – прыгнуть в подлунное винное море...

“Нет!” – вскричал тот. – “Я не убийца!” И заплакал: “Не подходит, не подходит и этот способ. И вино не поможет мне...”

Услышав, что вино не поможет – его лунное вино! – Заяц, еле сдерживая гнев, потребовал немедленных объяснений.

И вот тогда, взобравшись на кубический камень и обратившись к ущербной Земле, –

Иван Скорпионов произнес речь...

“О, братья мои и сестры мои, самоубийцы, – страдальцы, замучившие себя собою, жаждающие освобождения от себя самих! Убейте ложь, злобу и мерзость, – убейте свое уродливое, противосущностное “я”. Но! Да не поднимется рука ваша на Человека!

Я знаю, как это трудно, я положу все силы, я должен найти для себя и для вас тот единственно верный способ – прихлопнуть таракана, не повредив Священного Храма человеческого существа.

Уверяю вас, что ваше “я” – всего лишь маленькое самосознание в огромном, удивительном Храме, величественном и грандиозном, столь же поражающем воображение, как вся Вселенная! Ведь Вселенная – это вы: закройте глаза, Солнце и звезды останутся, и чувство бесконечности пребудет с вами.

И ты, посягая на злобного, надоевшего тебе таракана, желая убить вредное насекомое, разрушаешь весь Храм?! Самоубийство – это ужасней и преступней, чем убийство другого человека, убийство может оправдывать неведение, – не знал, что он тоже человек, убивал

зверя... Хотя, даже зверя убить – все равно, что разрушить величайшее творение искусства!

Другого ты можешь не знать, но – себя? Настолько не знать Человека в себе, что перепутать его с тараканом... Как это возможно, если ты действительно стремишься, ищешь, познаешь?

Надо убить “я” – свое ложное, вздорное, сиюминутное самосознание. Надо очистить свой Храм от всех суетных “я”, от пыли и тараканов, пусть будет он пуст и светел, и ничто мелкое пусть не копошится там...

Ведь Храм предназначен для Духа!”

Мы прервали его, предложив выпить еще по кувшинчику, чтоб в горле не пересыхало.

Он согласился, и вот тут Заяц, подбрав, взял да и разрешил Ивану Скорпионову воспользоваться изначальными свойствами обратной стороны Луны, чтобы овеществить внутреннюю борьбу, все тайное сделать явным и очевидным...

Пойдем, говорит, поглядим на эту “тараканью проблему”, ведь мы на Луне...

“Я мечтал о такой возможности!” – воскликнул Скорпионов.

Торжественно, с полными кувшинами вина, мы проводили его в центр потустороннего круга.

“Да будет тайное – явным!” – вскричал Иван и вывернулся наизнанку...

Его “Эго”, ударившись о магические скалы, разбилось на психические атомы – мельчайшие неделимости, обладающие собственным сознанием. И тысячи осознавших себя эго-вихрей, закрутив лунные флюиды, воплотили свои мыслеформы...

Мы увидели множество разных дивных существ – псевдоличностей, которые, продолжая самореализацию, воссоздавали из того же флюида свои миры, пространства, вещественно-предметное окружение...

На Луне возник город!

Субъективное содержание сознания Скорпионова захлестывало Луну. Псевдоличности, рожденные его буйными фантазиями, пили лунный флюид, а многие добрались и до лунного вина и, естественно, все более овеществлялись, набирая энергию.

Неутомимо махал я магической шпагой... А Заяц чуть не разбил кувшин и, впервые за 10 тысяч лет протрезвев, завыл самые страшные лемурийские заклятия...

Попотев изрядно, мы, наконец, заключили все это безобразие за стены из желтого прошлогоднего тумана, который, не ограничиваясь во времени и про-

странстве, ограничил явление в количестве астральных субстанций.

Но!.. Все равно, по закону космического тождества, личная проблема Ивана Скорпионова успела притянуть всеобщие мыслеформы.

Так что – возникшая на Луне...

...тараканья проблема касается всех!

Как бы мне ни надоела вся эта – “Осень”, которая на Луне, но придется продолжить, чтобы добраться до моих основных идей, чтобы рассказать о Главном, хотелось бы быстрее, но с философией нельзя спешить: пробовал, и – ничего не получилось.

А если обо всем не спеша, ведь есть у меня “И ВСЕ ДРУГИЕ СУЩЕСТВА”: собака, ворона, жила у меня лиса, лягушка, крыса... Был я знаком с привидением, чуть было с дриадой не подружился...

Вот опять она разоралась, от сути внутренней во внешний день

отвлекает, –

ВОРОНА!

Вороны на рассвете

так громко кричат –

Будто только они здесь живут...

Бесстыдным карканьем нам возвещают,

Что день проведут
С максимальной бытия полнотой.

А теперь представьте, что ворона у вас дома, бегаёт за вами, запрокинув голову с широко разинутым клювом, молотит крыльями и громко, не стесняясь, непрерывно кричит: “Жрать! Жрать!”

Научил на горе себе и соседям, сначала она по-вороньи кричала, но тоже громко и противно, а я так ее передразнивал – что, мол, опять...

Вороны прекрасные звукоподражатели, не хуже попугаев, моя ворона слов десять успела выучить, да еще мяукала и лаяла – собаку и кошку дразнила.

Удивительно умная птица с неограниченными способностями к обучению, если хотите проверить, то заведите ворону!

Можно в конце мая поймать слетка, только не забудьте надеть строительную каску: взрослые вороны обязательно вас атакуют. Они будут пикировать сзади из-за спины, и могут поранить голову. И еще, у них отличная память: через год или даже два, на том месте, где вы ловили слетка, вас снова будут атаковать вороны.

Моя ворона досталась мне совсем птенцом – чуть перьев на синей коже. После ураганного ветра, утром, мы его с собакой нашли, и никто его не защищал, да и сам птенец сидел молча и тихо. Ох, и пришлось с ним повозиться! Да и

вообще, держать дома ворону – дело весьма хлопотное. Уже потом я Каркушу на балконе поселил, но с утра начинались такие крики, что приходилось впускать и кормить. Вороны на рассвете так громко кричат...

А в Москве ворон много, по подсчетам орнитологов в 2000-м году в Москве зимовало 1 миллион 300 тысяч ворон. Только на Тверском бульваре ночует стотысячная стая, все деревья сплошь украшены серыми шарами с хвостами по ветру.

Ворон у нас столько, сколько могут прокормиться, а помоек, свалок в Москве хватает, и мусорные баки не закрываются. Понаблюдайте за воронами, любимое их лакомство – молочные пакеты: разрывают профессионально, ведь на внутренних стенках всегда остается немного сливок.

А как они сухой хлеб размачивают, а как кость у собаки отнимают!

Вот и у меня, помню, вдруг грохот на кухне... Прибегаю, видите ли, забыл на плите кастрюлю с супом, крышка валяется на полу, а в супе по колено бродит ворона и вылавливает мясо.

Слово “ворона” происходит от общепринятого индоевропейского... Но так и слышится по аналогии с воробьем – вор она – вора бей...

Наша серая ворона – птица очень выносливая, жизнестойкая и живет долго. Я уж думал, что мне с Каркушей

придется лет 30 мучиться, но нашелся человек, который ее у меня выпросил, и был с ней счастлив. Да и ворона обрадовалась, потому что – страсть!

Моя ворона, просто удивительно как, пристрастилась к рыбной ловле, ну, конечно, и к бычкам-ротанам, и к карасикам, ведь вся мелочь ей перепадала. Несколько раз сходил я с ней на рыбалку и все: с поплавок глаз не сводит, чуть поклевка – Карр!

А рядом старичок, тоже страстный рыбак, много удочек, а глаза не очень... Так моя Каркуша и у него ни одной поклевки не пропустила. Вот он и оценил воронье зреньё, кто-кто, а ворона своего не проворонит. Сначала он заходил, ее с собой на рыбалку приглашал, а та с удовольствием – вольная птица: или сзади пешком идет, или вперед залетает, а больше любит на голове ехать. А потом Карлуша насовсем к старичку-рыбаку жить ушла – страсть!

Говорят, что она выучила новые слова: “Клюет!”, “Тащи!”, “Опять сорвалось...”

И ВСЕ ДРУГИЕ СУЩЕСТВА

Давайте начнем с того, что поклонимся на все четыре стороны, и пожелаем счастья и здоровья всем-всем, не только всем людям, но и всем другим существам.

Людей на Земле много, уже 6 миллиардов, но вы знаете, что, например,

на каждого человека в среднем приходится по 250 миллионов насекомых! Всех других существ на Земле гораздо больше, чем нас, людей, есть великое Царство Растений и Царство Животных, в котором человек – только один вид из полутора миллионов видов известных современной науке. А все вместе, БИОСФЕРА – живая оболочка нашей планеты. Живая планета Земля! И каждая жизнь – часть всеобщей Жизни, уникальна, бесценна, неповторима...

Так давайте поклонимся Жизни, и каждой букашке кивнем, всех-всех вспомним и не забудем, что мы на Земле не одни. Давайте вспомним обо всех других, иных, самое о них удивительное, интересное, ведь тема наших бесед неисчерпаема, это – И ВСЕ ДРУГИЕ СУЩЕСТВА.

А теперь опять на Луну, – вон Заяц кувшин поднимает! Хотелось бы мне говорить обо всем, шутя, играя и смеясь, но там опять – ОСЕНЬ, и еще какая-то сверхзадача в лунном тумане маячит...

КАДАБР С ТОГО БЕРЕГА СТИКСА

Очнись, Кадабр, живи!
Беги, лети, достигни!
Не будет Стикс преградой

Заклятье

День 4321-й

Пока я собирал дубовые галлы, мой Цербер от скуки открыл дверь лаборатории, а ворон, несмотря на строгий запрет, учинил разгром и опрокинул бутылку со свежим соком мухоморов. Погибло 340 пятен синей луны, к тому же, большая часть жидкости попала в ящик с малахитовым порошком.

Наводя порядок, в этот же ящик я вылил старое дымное масло – дыхание Горыныча (дурман, аконит, окопник). А так же выбросил все шесть фракций опыта N*364 – спорынья с герметической росой, и опыт N*9 – надкрылья жуужелиц-красотелов с жабьей слизью, и разный накопившийся мусор...

Закончив уборку, я тщательно перемешал то, что возникло в ящике – ярко-зеленую краску редчайшего оттенка.

(Из дневника экспериментатора)

Не красьте скамейки
Волшебной краской,
Пленен я навеки
Чудовишной сказкой.

Яркий осенний день, мне семнадцать лет, я гуляю с девушкой...

Там, на моей Земле, в лучшем из миров, в той первозданной линейной непрерывности, которая не вызывала сомнений. Обычный день, пока еще единой, настоящей жизни, вмещающей в себя весь свет моего естественного сознания.

Мы шли легко, беззаботно. Никуда не спешили, – впереди была вся жизнь...

В сквере, где резвилось и радовалось осеннее солнце, мы увидели невероятное – кто красит скамейки, на зиму глядя?! Скамейка была такой свежайше-зеленой, так не вязалась с красками осени, что выглядела нереальной, как бы выпадала из этого мира...

Мы подошли, потрогали, подивились, посмеялись и сели – хорошая удобная скамейка.

Мы еще не целовались, за руки держались, болтали о том, о сем... А потом она сказала, что собиралась в парикмахерскую, а в этой, что от сквера через дорогу, вроде бы мало народу, – не подожду ли с полчаса?

Я немного загрустил и важно сказал: “Жаль, нет сигареты, что-то покурить захотелось”. А потом вдруг быстро и с жаром заговорил: “Ты знаешь, что мой прадед жив и здоров, и даже, можешь не верить, но он – колдун, волшебник, ну совсем такой маг, как у Гофмана Проспер Альпанус. У него огромная собачища, с зубами, как у льва, и ворон есть – говорящий... Да вон дом, выше

на гору, за твоей парикмахерской! Видишь – мансарда с большим окном, там по крышам можно перейти на самую горку, в хитрый дворик, где вон те деревья, – он туда собаку выводит... Вообще-то он дома редко бывает, путешествует, травы собирает... Давай зайдем, сейчас как раз... – давай! А то я о нем опять забуду”.

“Ну, давай – зайти ты, только за ум, за разум не заходи, а я пока в парикмахерскую, – и встретимся через полчаса, на этой зеленой...” – глаза у нее тоже были зеленые, блестели... Мы встали и пошли. Когда перешли дорогу, и она нырнула в свою парикмахерскую, я оглянулся...

Сквозь желтую, красную, бурую листву, среди увядающей зелени – шевелилось, сверкало, ядовитое полосатое тело невозможного существа.

Через полчаса вернусь! Я побежал вверх по переулку к дому моего, – моего ли?! – прадеда.

Последний пролет лестницы был деревянным, тяжелые доски даже не скрипнули под ногами, единственная на маленькой площадке дверь – тоже из настоящего дерева. Я глубоко дышал, стараясь взять себя в руки, и слушал, как мощно дышало и сопело за дверью: “Чудовище! Узнает ли, может, склероз от старости?” – я толкнул никогда не запиравшуюся дверь. Пес ступил в сторону и, опустив тяжелую голову,

смотрел без зла, но хвостом не вилял. Когда я его не вижу, не могу представить такую большую собаку, – чтобы вцепиться в горло, ему даже не надо вставать на задние лапы.

Я прошел на кухню, – прадеда, видимо, не было дома, – похлопал себя по карманам в поисках сигарет и спичек. Спички нашлись, а сигарет – вспомнил, – не купил.

На окне стояла старинная бронзовая лампа, на чаше светильника, цепляясь проволоочной чистилкой, вставленной в чубук, висела трубка.

Трубка! Наверное, из груши или вишни вырезана, – красивое дерево, приятно держать в руках. Табака я не нашел, но трубка была выкурена лишь наполовину...

И я, пыхнув дымом, затянулся. Станный запах, напоминает... – я не успел додумать, как вдруг вспомнились все запахи, какие знал и не знал. Запахи – и все разом, и поочередно, сталкиваясь, вспыхивая дивной остротой ощущения, ударили в лоб и нос, разрывая ноздри.

Как бы мне выдохнуть этот дым? Он заполнял меня, кипящей смолой вливался в живот, по раскаленным ключицам, как по трубам, тек в руки – тяжелый, горячий, – горло перехватило красным огненным ошейником, таким же, как на Цербере...

И вдруг еще один тоненький, ярко-

зеленого цвета запах стал сверлить мои лобные пазухи... Я чихнул!

Вспыхнул ослепительный свет – я едва мог приоткрыть напряженные веки – такое яркое солнце! И так высоко над головой, как бывает только в жарких странах. Не удивляясь, я смотрел на море и на пальмы.

Всюду счастливые лица. Люди смеялись, пели, танцевали, говорили громко, кричали, ели мясо и фрукты, пили вино, обнимали друг друга. Я стоял посередине площади: огромной, многоголосой, многоцветной, благоухающей, как восточный базар. Какие красочные были на всех прохожих одежды, какие прекрасные женщины улыбались мне!

И я уже было направился к винной лавке... Но тут стало быстро темнеть – как солнечное затмение, чем быстрее темнело, тем безудержнее становилось веселье. Наступающую тьму расцветили мощные фонтаны фейерверков. Я не видел зрелища красочнее! Но вот последняя ракета рассыпалась темно-красными меркнувшими угольями, огни погасли и покрылись – пеплом.

Я стоял посередине кухни и смотрел в потухшую трубку.

Однородный слой серого пепла покрывал все пространство плоской равнины, и ноги бредущих по ней людей по щиколотку утопали в нем. Пепел взметался,

клубился дымными тенями, сиюсь укрыть бледные, опущенные долу лица. Миллионы усталых людей скорбно и молча брели куда-то. Черный горизонт, серое небо – все черное и серое, и пепел – все сгорело, погасло, – безысходность...

Не было надежды и даже печали, любое чувство, еще не возникнув, тонуло в темной вечности, не было предчувствий...

И вдруг – свет! Яркий, чистый, прекрасный, он вспыхнул в вышине, сияющим водопадом пролился через серый воздух. И на равнину спустилась белая, из плотного твердого света, лестница...

Потухшая трубка, – вспыхнувшая спичка...

Передо мной стоял прадедушка с горящей спичкой в руке: “У тебя трубка потухла, затынись-ка еще разок” – он лукаво улыбался, сверкая ясными веселыми глазами.

Я прикурил и затынулся еще раз.

Это не сон! Мое сознание было обычным моим сознанием, но ясным и свежим, настезь открытым для любого восприятия. Полнота ощущений, острое чувство реальности не оставляли сомнений. Земля подо мной, колкие звезды, не затмеваемые Солнцем – все четко и резко, – так во сне не бывает, так трезво и больно не бьет по нервам – сон.

Единственная странность и, в то же время, – восторг! были в том, что я не имел веса. И форма моего тела, и его размеры, которыми я мерил расстояние и скорость – обычны, но веса, массы и, может быть, внутренностей не было. Я мог двигаться с любой скоростью, куда угодно, легчайшим напряжением воли, как летаешь во сне, но я летел – наяву!

Я все помнил, понимал, сознавал, но все же от полета, от дивной легкости, от свободы абсолютной... – совсем опьянел. И решил лететь на Луну!

Похоже, когда ныряешь: работаешь лапами, стремишься, останавливаешься, чтобы уши продуть, и зависаешь на месте, а до дна еще далеко. И снова усилие – надо достать! И вот, коснулся дна, схватил рапана...

Стоило остановиться и, не имея инерции, замирал в точке созерцания и удивлялся – как далеко до Луны! И снова летел с непостижимой скоростью, которую так хорошо чувствовал, и опять останавливался и плавал в беспредельной пустоте.

Но вот я достиг дна – коснулся поверхности Луны. Восторг и победа окончательно вскружили мне голову, я потерял себя, утратил непрерывность...

Когда я очнулся, то – на Луне был город.

Глубокая ночь. Я медленно скользил вдоль длинной темной улицы. Меня

привлек тусклый свет на третьем этаже, я подлетел и заглянул в окно. Женщина встала и подошла к ребенку. Я знал, что это будущее – мое будущее. Там, в углу, на диване – спал я...

Счастливый и свободный, я парил за окном и мог лететь куда угодно, но что-то толкнуло меня на глупую шалость, – я стукнул в окно рукой. Не сильно, но стекло разбилось. Как-то странно руку кольнуло, и я почувствовал тяжесть.

Воистину! Будда был прав: “Нет большего несчастья, чем тело”. С трудом, встав с дивана, я выполз на кухню.

Я был здоровым и сильным человеком, просто у меня болели мышцы, а руки уродовали мозоли. Завтра, еще не встанет солнце, я пойду на работу, на ту, что и вчера, и десять лет назад... Сгущались прочные стены – обязанности, заботы, долги... Надо вернуться! Через полчаса она выйдет из парикмахерской. Я должен успеть. Быстрее обратно на Землю, в мой родной мир!

Часто, проснувшись среди ночи, я сижу на кухне, курю, пью чай, а иногда пишу...

Сквозь забвение – сквозь пространство и время я вижу ясно – там, на том берегу Стикса, в сквере, где резвится и радуется осеннее солнце, ждет меня чудесная скамейка невыносимого ярко-зеленого цвета.

Да, много чего бывает на свете, “что и не снилось нашим мудрецам”. Представьте себе, я вернулся...

Вернулся!

Это история почти столетней жизни... Все и всегда я приносил в жертву своей мечте, помнил, желал и – вернулся.

И вот Она вышла из парикмахерской. Она шла ко мне, и я любовался ею, привычно замедляя время, и Она шла, зависая над землей в такт ударам моего сердца. Пусть я стар, волосы седые, а лицо в шрамах, я – победил! Вот подходит ко мне моя Юность, и я люблюсь сбывшейся мечтой.

Но отточенная годами наблюдательность брала свое: ее волосы не причесаны, не завиты – лишь пуше растрепались. А в парикмахерскую она ходила за тем, что держала теперь в руках... Нет! – это была не бритва, тренированное зрение позволяло видеть изящную, невиданно острую косу и даже зловещую надпись на окосье – “больше никогда”. Она шла торжественно, загадочно улыбаясь, а глаза были такие ядовито-зеленые...

Моя Земля, мой желанный мир, столько труда! И ради чего?!

Другая плоскость, но все те же фокусы, мир планетарной плесени, где в казенной Тюремьме томится душа человека, где даже Любовь оборачивается – Смертью.

Я понял, что нет и не было у меня дома. Нигде!

Ни на кухне ночью, ни в лаборатории, когда я был прадедушкой, ни в семнадцать, ни в сто лет...

И на Земле, и на Луне, всегда я тосковал по дому, отовсюду стремился улететь – домой, но снова оказывался – в Тюремь!

Сейчас Она подойдет еще ближе, и – желанная реальность окончательно осуществится, мне снова будет семнадцать лет, а впереди у нас – целая жизнь... – в обнимку со Смертью!

Привет, Старуха!
Подавись!
Последнюю мечту,
последнее желанье,
последнюю привязанность мою
Глотай! –
Ты будешь сыта!

Очнись, Кадабр! – живи!
Беги, лети, преодолей!

Скамейка прыгнула, взлетела...
Как листья сыпались!
И, стену желтую пробив,
Сажу я снова на Луне...
И кресло старое рыдает.

ВСЕЛЕНСКАЯ ТЮРЬМА

Как трудно удерживать свет сознания, как трудно не спать! То день вчерашний нахлынет, мучительные образы завертятся, замутят чистоту ночи, или день завтрашний – спать надо, а то, как завтра работать будешь?

Почему я создаю привязанности и привычки, которые отвлекают от главного? Почему даже ночью, когда пью чай, курю, читаю или пишу что-то – суета, не вырваться из суеты – “все суета и томление духа”? Я сам укрепляю стены...

Иногда мне кажется, что я даже с радостью забываюсь, – засыпаю и теряю себя в чем-то: в работе, в пустых мечтаниях, в разговорах с людьми, которые не видят этой – Вселенской Тюрьмы.

Я задремал за столом. Мое тело налилось тяжестью, закрылись глаза, но я еще не спал, и мне не хотелось отпустить себя в сон. Я попытался поднять голову, открыть глаза – не могу! “Если не подниму головы – засну, – подумал я, – пока не поздно, надо поднять голову!” Но тяжесть, влившаяся в меня, была так велика, что ни одна мышца даже не дрогнула. Я упряился: усилие, еще усилие. Я уже не дремал, но пошевелиться все равно не мог.

И вдруг голова моя быстро и легко поднялась, слишком легко...

Я увидел комнату, но как-то не так, и в каком-то другом освещении... Легчайшим усилием я поднялся к потолку.

Я вполне чувствовал тело: руки, ноги, – но стали они легкими и пустыми внутри. Взглянув вниз, я увидел себя, как сижу я, опустив голову на стол. Себя, взлетевшего, я тоже видел – свои бело-голубые мерцающие руки.

– Теперь – смелее! Использовать возможность, или та же Тюрьма!

– Интенсивность восприятия – как можно лучше видеть!

Сквозь оконное стекло я вылетел на улицу и заскользил вдоль нее...

– Надо собрать волю!

Существо, которое сидело на тротуаре у самой дороги, поразило меня! Если бы я с таким вниманием и так пристально не смотрел на него, то, наверное, сразу бы понял – кто это. Мне оставалось лишь чуть, чтобы произнести его имя и – лететь дальше, но – я застрял: и понять не мог, и не смотреть тоже не мог...

Меня поразила его сложность. Его мерцание под моим взглядом приобретало невероятную глубину и объем – это была пульсирующая галактика, многоцветная музыка. Законченность и целесообразность – и, в то же время, – бесконечность и тайна, заморозившая меня.

Существо встало, выгнуло спину и уставилось на меня – оно явно меня видело...

Я рассмеялся, когда понял, что это просто – обычный кот!

Я затрясся от смеха и, конечно, тут же почувствовал всю жуткую инерцию “грубой материи”, которую оставил в комнате за столом.

Минут пять поработав кистями рук, я смог поднять голову и открыть глаза. А потом, покурив, выпив чаю, я записал кое-что и лег спать. Был ли он хоть черным, этот кот? Такой четкий осознанный выход, и все какому-то коту...

Когда мне удалось впервые покинуть физическое тело, унося в другом – астральном, свое сознание – совершить “осознанный астральный выход”, тогда мне было – страшно!

Не из страха ли сделаны стены Тюрьмы? Много дней потом я переживал и приходил в себя...

А получилось как бы случайно: искал, думал, много читал...

Как трудно было находить нужные книги! Чего я только ради них не делал! А что они делали – со мной! Чтобы достать “Черную Магию”, месяц жил в цыганском таборе...

Помню, раздобыл “Раджу-йогу”, пришел домой, включил в коридоре свет и, не снимая пальто, – всю ночь простоял под тусклой лампочкой.

В детстве мне случайно попала книга о животных, и я с первого прочтения запомнил все: как называют, где водятся, размеры – от головы до хвоста и от хвоста до головы... Рисовал, лепил, вырезал картинки, а потом ловил, приручал, дрессировал... – всюду были звери.

Я сравниваю, т.к. случилось нечто похожее, – неожиданно мне попала книга по оккультизму, и – все! Много дней был в состоянии аффекта, как и должен был быть тот, кто услышал зов Запредельного.

Я прочитал все книги по мистике, которые только смог достать, искал людей, знающих тайну – как убежать с Луны... Я занялся “пранаямой” – дыхательными упражнениями, и техникой расслабления с замедлением пульса... И в следующий раз уже по своей воле покинул физическое тело. Не только страх – восторг полета! А еще я прошел сквозь стену...

Из комнаты, где в позе мертвого лежало мое тело, я проник в другую комнату, потом обратно, потом опять в другую... Но вдруг вместо нее очутился в комнате, совершенно мне не знакомой, заставленной предметами странного вида и неизвестного мне назначения...

Некоторое время я в ужасе смотрел, без каких-либо ассоциаций – странное ощущение, – а потом шарахнулся назад, от резкого усилия почувствовал тело и

минут через двадцать неуклюже встал на ноги.

У меня был собственный способ выхода. Это и расслабление в “савасане”, незаметное дыхание, когда преобладает выдох, сколь возможное замедление пульса, – главное – не пропустить момент, когда начинается изменение сознания.

Если сделать попытку раньше, то не получится, а если позже – потеряю контроль и провалюсь в глубокий сон. В “то” мгновение я всегда чувствовал радость и с ликованием делал резкое – всей волей – усилие встать! Поднимался во весь рост на “шарнирах” в пятках, еще усилие – толчок ступнями ног и – полетел...

Кстати, после подобных упражнений, и в обычном состоянии меня посещало то, другое, астральное зрение. Странные у него свойства: вдруг видишь на экране собственного лба нечто, находящееся не здесь – например, другую комнату...

Многие годы я тосковал, хандра и апатия мучили невыносимо, отнимали последнюю энергию. Здесь было и солнце, и море, и листья на ветру, и синее небо... Но радость не приходила ко мне, вечное чувство Тюрьмы мешало видеть красоту.

Это была Луна! Темные силы властвовали здесь и подчиняли дела и мысли людей. Люди по-настоящему и не

радовались, и не любили – они заботились. Заботились о здоровье, о еде, об одежде и еще неведь о чем. Они, даже встречаясь, говорили друг другу: “Здравствуйте!” – полагая, что здоровье важнее Радости. Все знания, вся их техника, наука, и даже мудрость – не представляли для меня истинного интереса, т.к. не могли мне реально помочь бежать из Тюрьмы. И только иногда в искусстве, в высоком Творчестве сверкала Свобода – дыхание высших миров, воспоминание о чем-то Лучшем.

Я искал путь, выход, ведь я-то знал, куда попал! А кругом жили люди, не замечая своей Тюрьмы, просто жили...

Я бился головой, знал и твердость стен, и коварство стражей...

“И к магии я обратился...”

Меня привлекала даже черная магия, меня звало все, что сулило освобождение, вводило за пределы Тюрьмы...

Убежать, улететь, вырваться!

И в мистику я углубился, годами, шаг за шагом изучал, исследовал и пробовал все, что могло бы разрушить извечные стены.

Если я буду умирать спокойно, с холодной и ясной мыслью, то, когда сердце мое окончательно остановится, я сделаю резкое, всей волей усилие встать – и встану! Тело останется лежать,

а я буду еще живее, бело-голубой и пульсирующий, точь-в-точь, как мое знакомое привидение. Я буду свободен в своих передвижениях, видеть и слышать буду прекрасно. Поохаяю, полетаю туда-сюда и отправлюсь в путь.

Если такое случится, – это будет наихудшая из всех возможных смертей. Не скоро смог я это понять и прекратить свои эксперименты с астральными путешествиями.

Может, когда-нибудь я расскажу о своих полетах в “другие миры”, но не теперь – пора возвращаться к основной истории, – к причине моего писательства.

Астральный мир – интересно, но не главное, а просто очередные приключения...

Только одно может быть Главным. Ведь всегда должна быть система ценностей, что для нас сначала, а что – потом. И чтобы выстроить верное ценностное мировоззрение, надо найти абсолютную сверхценность – САМОЕ ГЛАВНОЕ.

Почему я пишу, о чем я рассказываю?!
Что во главе угла?

Амба!

Все, амба! – тигр пришел, большой страшный тигр – большими буквами – АМБА!

“Твоя смотри есть, а видеть – нету” – говорил Дерсу Узала.

Твоя говорить есть, а понимать нету...

Мне ведь не за себя обидно, и даже не за Державу. Даже боль и обида за Россию показалась мне домашней кошкой, когда АМБА пришел...

Мне за Бога обидно!

И сердце мое горело, и я рычал как тигр, и начал писать крайнее отчаянное сочинение в защиту моего Бога под названием – “АМБА”.

Так что, расшифровываю: АМБА – это аббревиатура, и значит –

Апология Моего Бога

Таким было начало моей рукописи, хотя и написанной на Луне, но не включенной в “Осень”, потому и пропала она где-то. В ней была – одна философия, и все о божественном, – поэтому никто разбираться не стал, поспешил я с философией. А уж если я заговорю о божественном, то все, – “Господь, прости верблюду, что он так много пьет” – для меня это некий род пьянства, только дай – поговорить о божественном! Вот Будда, в одной из своих прошлых жизней, как утверждают палийские “Джатаки”, – был СЛОНОМ. А вот я, наверное, был ВЕРБЛЮДОМ:

Господь, прости верблюду,
Что он так много пьет.

Напьюсь и долго пить не буду,
Через пески пойду вперед.
А будут пройдены пустыни,
Пройдут мозоли и горбы,
И жажда жаркая остынет...

Когда-то я верблюдом был.

К “Амбе” я еще вернусь, вот только доскажу основную историю, ведь я уже к самому главному подбираюсь, – к центральным событиям моей жизни...

ДОРОГА К ЛЮБИМОЙ МОЕЙ

Сердце прыгало жабой
На брюхе по асфальту.

Я приползал к тебе...
Но это был светлый путь!

Жестокие законы мира мешали мне закрыться “в келье душевной”, стать Фаустом... Не Мефистофель, но такая же дьявольская сила кружила меня и бросала в толпу. Куда идут люди, все вместе, по какой дороге? Есть ли другой путь, кому он ведом? Я вглядывался в людей, искал Человека, задавал вечные вопросы...

Не только мне одному – так нужен Свет! Не мне одному не дали Истины...

Кого здесь мучит жажда?! Кто пьян уже? Кто даст кувшин с вином?

Вот девушка в толпе – она прекрасна! Ей ведом путь! Я вижу, – она знает! Сейчас она скроется из глаз...

Я рванулся, догнал, я пошел за ней...

Я бросил все: мой чердак, мои книги, все забыл в одно мгновение, и со всей жаждой Свободы и Любви пошел за ней, пошел к ней...

Мы встретились, и стены зашатались, стало так светло, казалось – один шаг, и рухнет Тюрьма, – мне всегда так казалось...

Надо еще что-то, лишь чуть, необходимо сделать еще какое-то последнее усилие, и мы – я и моя любимая – в бесконечном экстазе покинем эту мрачную Луну...

Моя любовь не была безответной, но что может утолить жажду безумца, жажду мистика?!

Когда-то я писал стихи... Раздумья над формой, поиски рифмы отвлекали меня и, как мне казалось, проясняли мою мысль и чувства.

Хорошо было писать стихи! Я бы тогда погиб, если бы не придумал – писать стихи. Но не мог я стать поэтом, да и вообще никем не мог стать, потому что уже был – бедным страдающим влюбленным, и никем больше...

Я писал стихи, писал, старался, но

не мог писать о Любви... Я всегда скрывал от людей, что во мне действовала только Любовь, и придумывал другие мотивы своих поступков. Мне приходилось несколько раз сочинять свое прошлое – и в милиции, и в сумасшедшем доме – не правду же говорить?!

Однажды Она сказала: “Я зачеркиваю семь лет жизни...” Выходило, что семь лет я себя не помнил: что делал, чем занимался, – где, когда?

Но я помнил каждое Ее движение – последнее так же четко, как и первое, – помнил каждый Ее взгляд, каждый вдох... Помнил! И не только умом, не только каждой своей клеткой и молекулой, но и всей вечной жаждой Свободы, Света и – Бога. Что мне было – все остальное? Все остальное – декорации к центральным событиям!..

В мечты и сны я брал Ее с собой... Я создавал, творил и дарил Ей... – я так мало мог дать здесь, в этом мире...

Правда, однажды я пришел к Ней, мгновенно проскочив 900 км, и – напугал! Явился в таком виде – бело-голубой и пульсирующий...

Магия не помогла мне реализовать мечты – дать Ей все земное – “я опускаюсь на дно морское, я поднимаюсь под облака...” Но магия была всюду вокруг меня...

Я давно заметил, что сверхчувствуют, предвидят, и вообще, склонны ко всему

мистическому – несчастные влюбленные, для которых Любовь – все!

Пожалуй, Любовь и есть та единственная сила, осязаемое чудо, невидимая, но накрепчайшая нить, которую плетет тот самый паучок, посланный с небес в наш ад для нашего спасения. Стоит нам зацепиться – отзовется все, в чем есть Любовь, и повернется к нам лицом. Надо только не быть таким тяжелым и не ползать по самому дну...

Любовь – истинное лицо любой “вещи”, и все вещи мира давно пронизывает одна нить – Любовь.

Я не знал времени, существовали только часы и дни без Нее. И две недели – колдовской срок, предел моим силам, – я чувствовал, что не выдержу дольше, и происходило все, что угодно... Как часто повторялись! – две недели...

Однажды, когда почти закончился проклятый срок...

Я был так измучен, что, казалось, не мог шевельнуться, а нас разделяли 900 км, и у меня не было денег. Я сидел и просто ждал, что произойдет, и – дождался, видимо, где-то пробили часы.

Будто не я сам – я так и остался наблюдающим, – встал, быстро оделся, вышел из дома. В метро, на электричке – бесплатно, зайцем лунным...

Вбегаю в здание аэропорта – и дальше двигаюсь только бегом: регистрация кончилась, бегом к выходу – автобус отошел, спрашиваю, где самолет, – мне

показывают, а билет не требуют. Бегу по взлетному полю, уже откатывают трап, кричу: “Меня забыли!” – и без трапа – запрыгиваю в самолет.

Потом я снова бежал, но последние сто метров тащился по твердому асфальту, еле передвигая ноги и долго курил, прислонившись к стене дома, за которой – Она.

ПРИВИДЕНИЕ

Затрепетали губы и веки,
В глазах появился жизни признак...
Здесь он еще, но не здесь уж навеки...
Кто он? – Он – призрак...

Из Адама Мицкевича

“Дерево N*612, серебристый тополь, диаметр – 1,3 м, высота – 36 м, бонитет – 4, состояние плохое – дупло (0,3Д-4м).

Надо работать...

“Луна – это серебро и жемчуг...”

Где-то в корнях этого огромного дерева или в дупле, заплывшем столетним на-теком пахучей смолы, хранит он свои лунные сокровища. 250 лет назад он сам посадил это дерево в точке полной луны, где теперь в полнолуние он пьет лунный флюид...

Вчера ночью он приглашал меня войти в дерево... – но я не смог шагнуть сквозь клубящийся желтый туман...

“Луна – это серебристый тополь...”

Неохватный ствол в толстой светлой коре, бугристой и изрезанной, как лунные горы и кратеры. Чем выше, тем ствол светлее, еще светлее листья – аккуратные, плотные, на длинных гибких черешках.

Серебристые тополя – самые высокие деревья в парке. И листья их, колеблемые ветром, радостно плывут под самой Луной косяками серебряных рыбок...

Ну и дела! “Возьми, – говорит, – горсть листьев с этого дерева и сожги их в полнолуние, в час луны, и я приду к тебе, и ты опять сможешь задавать свои idiotские вопросы... – гхе, гхе...” – и дал мне серебряную денежку на память...

– А Вы явитесь, чтобы опять смеяться жутким кашлем? – Гхе, гхе...

Хорошо, что не на этом заколдованном дереве свил я свое гнездо, а то не слез бы никогда. Он утверждает, что этот тополь и Луна – одно и то же”.

(Из дневника лесоустроителя)

Как мне не хотелось никуда уезжать! После очередной грозы наступило затишье – любовное примирение... Счастье мое было рядом. Мои руки,

глаза, сердце – стремились к Любимой, душа летела к Солнцу, к свету, к спасению... – и не встречала преграды. Радость и синяя тишина окутали меня. Еще шаг, – и никакие силы не разлучат нас!

Как расстаться? Как я мог подчиниться этому темному – надо, ты должен, необходимо. Мне говорят, что есть такое слово – “надо”, а я знаю другое, лучшее слово – “не надо!”

Как меня ломало и крутило еще задолго до отъезда! Я болел и стонал, и плавился разум, пытаюсь понять это удивительное – “надо”... Сны необычно яркие, странные, тревожные сны мучили ночами...

И все же я поехал. У нас все было хорошо, как никогда, – Она даже пошла проводить меня на вокзал...

Поезд тронулся, и мое сердце забилось тяжело, беспокойно, с привычной болью и с какой-то отчаянной безудержностью, бесшабашностью последнего рывка... Я никогда не мог терпеть разлуку, переносить спокойно эту боль – я безумствовал... Прыгал, плавал, лазил по деревьям, скакал на лошади... – мое беспокойство требовало движения, бега...

В поезде я так и простоял у окна, ничего не видя и не слыша, кроме стука – то ли колес, то ли сердца...

Дорога привела меня к воротам огромного старинного парка, бывшей

дворянской усадьбы, где за два месяца, измеряя диаметр и высоту двухсотлетних деревьев и отмечая их на плане парка, я должен был заработать деньги, – без которых на Луне никак нельзя!

Тревожный и беспокойный, подвижный и сильный, ранним весенним утром входил я в ворота парка...

Сразу же за оградой качались, шумели, как морской прибой, ветлы. Толстые, но не высокие, они еще тем напоминали волну, что разворачивали к ветру нижнюю сторону листьев, светлую, как пена на гребне.

Дорога шла чуть под гору, деревья становились выше и выше, я погружался в живую зеленую тень, вверх убегали солнечные зайчики, – туда, где бушевали волны... А внизу становилось все тише, и тишина наполнялась птичьими голосами...

И я тонул: темные липовые аллеи, светлые поляны, незабудки цвели всюду... Листва еще перекатывала и сбрасывала крупные дождевые капли, а на небе ни облачка, и зелень сияла!

Широкий пруд туманился под утренним солнцем...

Однажды мне показалось, что у всей Зеленой Природы: у деревьев, у трав – одна душа, а ее центр, ее разум находится в этом парке. Побывать здесь, значит – взглянуть в глаза ВСЕЙ ПРИРОДЕ.

Здесь был музей, когда-то здесь родился и жил Великий Человек, и теперь сюда приезжали его почитатели, шли в дом, в парк...

Правда, в основном, приезжали просто так, провести время...

Приезжающих встречали работники музея. Они здесь не просто жили – они шли, им ведом был путь, они вели за собой других людей. Они старались приобщить их, даже случайных гостей, к чему-то великому, светлому! – к высотам искусства и творчества. Говорили о добре, любви, о вечных ценностях.

Чтобы вести за собой, надо самому взойти! – они читали, думали, искали, работали над собой, – стремились сами быть лучше, добрее...

Вот он – благородный путь служения и жертвы! Они знают, как выйти из Тюрьмы! И я потянулся к ним...

Меня остановили – Глаза. Девушка – лицо строгое, немного темное и скорбное, а главное – Глаза, большие, красивые и печальные. Смотрит на меня из черного вельветового капюшона, как лик иконы.

– Хотите, я покажу вам музей?

– Я так люблю сидеть в этом вольтеровском кресле.

– А у нас в парке по ночам, вот уже двести лет, бродит привидение – дух старого барина. Он выходит из склепа и – в деревне около двенадцати всегда так ужасно воют собаки! – ходит по

аллеям, что у пруда, а потом идет в самое глухое, дикое, заросшее место...

– Приходите к нам вечером пить чай! У нас всегда хорошая музыка: Моцарт, Вивальди, Шопен...

Их наставником, вдохновителем был Человек-Голос: лицо его полностью скрывали борода и темные очки. Он говорил! – всегда о самом важном и возвышенном... – именно он воодушевлял всех, работал неутомимо, меньше всех спал, всегда помогал другим, с радостью взваливал на себя любую работу, даже физическую...

Я удивлялся. Я задавал ему вопросы и получал убедительные ответы, подкрепленные цитатами из книг великих писателей и Гения, жившего здесь раньше.

Преклоняясь перед его Делом, я спросил:

– Ну, и что дальше? Что будет, если я день и ночь буду работать для людей – мы и так все работаем, друг для друга – вымотаюсь, упаду от усталости?

– Если вы действительно отдадите все свои силы людям, будете добры до конца, действительно упадете! – и себя забудете, думая только о людях...

Тут он вдруг снял свои темные очки, чего никогда при мне не делал, и взглянули на меня ясные, умные, зеленые глаза:

– Тогда к Вам придут ВСЕ ЛЮДИ.
Его лицо, возникшее на миг, улыб-

нулось и исчезло – уже навсегда для меня – он снова надел очки.

Я все более проникался миром и духом этих людей, все сильнее чувствовал парк... И удивительно, под напором НОВОГО притупилась моя тоска, моя Любимая отступала в прошлое, где боль и страдание, а здесь – новый светлый путь.

Я жил яростно и, боясь прошлого, с такой отчаянной отдачей! Я открывал...

А если говорил о том, что открывал, и о чем угодно, то все понимали – Глаза. Все возвышенное могло поместиться в них, отразиться и – удвоиться...

Странные, однако, вещи я открывал!

Как-то, просто взглянув на план парка, я увидел Большой Пантакль Соломона! Он, очерченный аллеями, дорожками, полянами, занимал примерно треть всей площади. Сулящий власть над духами, этот Пантакль считается главным и обычно изображается первым в системе магических пантаклей. Его основные мистические точки совпадали с самыми живописными местами парка.

И, правда! Около двенадцати ночи начинали выть собаки, и перед самым рассветом будил меня собачий вой...

Однажды, когда вместе с ночью началась страшнейшая гроза, и парк стонал, роняя на аллеи поломанные ветви, – вернулась обычная боль. Я увел из колхозной конюшни лошадь и сломя голову носился на ней, очумелой, среди гигантских, готовых упасть стволов, различая дорогу лишь в белом свете молний.

Гроза стала стихать. Я перевел лошадь на шаг и поехал в гости к привидению, в самое глухое место парка.

Вскоре мне пришлось с лошади слезть: канавы, сплошное переплетение ветвей и так темно! Я уже думал только о том, как бы не переломать племенному жеребцу ноги, но все же шел, спотыкаясь, оступаясь, продираясь сквозь ветки, и тащил его за собой.

Перекурить остановился как раз – в “том” месте, на краю глубокого оврага. Конь мой мелко дрожал и стал таким послушным... Я попытался раскурить сырую сигарету и вдруг захлебнулся в кашле. Кашлял и кашлял, а когда смог, наконец, остановиться, то услышал – шаги. Шел кто-то, не торопясь, шлепая по мокрой траве, но ни одна ветка не треснула, не зашуршала листвой...

Я увидел, как справа приближается ко мне человек, укутанный с головой светящейся бело-голубой материей, свет пульсирует, и, кроме шагов, я слышу частый похлопывающий звук. Идет по самой кромке оврага, приближается и

останавливается в метре от меня – рукой коснуться бы мог! Но мои руки, напряженные до предела, прижались к окаменевшей в выдохе груди.

Всем телом я чувствовал давление: когда человек подходит вплотную, не видя и не слыша, чувствуешь его...

За светящейся дымкой различаю маленькое старческое лицо, тонкий нос едва разделяет глаза – круглые черные дыры, из которых нацелилась в меня безумная ночь. “Добрый вечер!” – говорю я вдруг. Он поворачивается ко мне боком, делает несколько шагов и, оглянувшись, улыбается мне, попыхивая голубым сиянием, и так же неторопливо, шумно ступая, идет прочь. “Гхе, гхе...” – раздается у меня в голове то ли смех, то ли кашель.

Две ночи я не мог уснуть...

Тогда, в парке, мой абсолютный рекорд – четверо суток без сна. Видимо, была причина не спать...

Но – оттого, что я встретил настоящее привидение – больше ли стало во мне Радости, Любви, Красоты? Нет, и – нет! А от чего стало больше?

Телепатия, астральное зрение, когда видишь на экране собственного лба...

Что дали мне эти впечатления? Разве что, гордыни прибавилось, самолюбия – я видел, я достигал, я... – все тот же, и та же Тюрьма вокруг.

– Любви! Радости! Добра! Хочу, чтобы пришло ко мне не из темного ночного мира, а – сверху, оттуда, где Свет!

Вот так молился я, мучился, стонал и плакал в своем гнезде на дереве, над кронами лип, в ветвях огромного серебристого тополя.

В течение нескольких дней я совсем сбесился, работу свою бросил... Из старой кочерги сделал магическую шпагу Парацельса, заговорив ее по всем правилам, и носился ночи напролет за призраком. Было страшно, но надо было выбирать – страх или знание. Я хотел кое-что у него разузнать – он должен знать больше, чем живой человек!

Я приставал к нему со своими вопросами... Мы даже спорили... Глухой старческий голос раздавался в центре моей головы. “Луна – это серебро и жемчуг”...

Тополь, на котором я свил гнездо – сделал настил из жердей и веток и заташил туда спальный мешок – стоял у самого пруда в окружении 30-метровых лип. Когда я зажигал свечу и ставил ее в развилку ветвей, вокруг вырастали золотистые стены, а за ними, над прудом, жил туман.

Туман тек с полей по двум оврагам, две его густые струи сталкивались над поверхностью воды, отражавшей Луну и звезды, – сталкивались, разбивались

на клочья, которые, вращаясь, разбегались по всему пруду и, перевалив через плотину, исчезали...

Виделись мне в тумане и люди, и животные, и какие-то сказочные существа, – разыгрывались сцены. Образы, созданные туманом, не сразу скользили к плотине, а долго кружили по водной глади, встречались и расставались, меняли облик...

Обычно я видел то, о чем думал... – или думал о том, что видел... Часами я смотрел и смотрелся в этот волшебный театр.

Я проснулся от жаркого солнца, жужжания пчел, шелеста листьев, от медового запаха цветущих лип. Я лежал под огромным, светлым, ярко-синим небом...

Где-то подо мной раздался голос, тот самый – Человек-Голос! Он привел группу к пруду, он любил говорить в парке. Меня и мое гнездо снизу не было видно, – я прислушался... Он говорил о Любви, о Добре, о Радости и – чудо! Любовь и Радость точно звучали в его удивительном голосе.

Я слушал, а потом вдруг прыгнул на ветви ближайшей липы, а с нее – на другую липу, и по гладкому стволу скатился почти на головы изумленным экскурсантам.

Я сидел на траве под деревом – чумазый, в рваной одежде, с расцарапанным лицом и, глотая слезы, говорил:

“Простите меня! Я нечаянно! Я просто выпал из гнезда...”

ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ТЬМА

Кучка листьев опавших,
Над ними холодный смерч –
Листьев круженье...
Безвольных, отдавших
Дереву – жизнь, ветру – смерть.

Больно! С картиной осени
Что-то случилось вдруг –
Ветер бабочку носит,
Насильно включая в круг.

Живую! Но лето красное
Ты, бабочка, не возвратишь –
Ушло, пережилось. Напрасно
Крылышками шевелишь!

Я уехал из парка с той девушкой –
“Глаза”, – она почему-то полюбила меня...

Мне показалось, что вместе с ней и
с ее благородными стремлениями – я
смогу пойти по новому пути...

Но вытерпел я недолго! Моя Любовь
все ярче, все горячее вспыхивала в
сердце, и – в один прекрасный день –
воцарилась в нем снова, вытеснив все
другое... Я снова стал только несчастным
влюбленным, которого ничто не могло
отвлечь от боли утраты.

Та девушка ушла, она ушла, чтобы умереть, – так, она сказала, а я не смог ей солгать – я любил не ее.

Тот Человек-Голос...

Я видел, как ночью, в безлюдном парке – он рыдал, бегал и падал, катался по земле и выл... Он потерял свою Любимую, ту, которая была мне не нужна...

И вот, я снова увидел мою Любимую, для того чтобы расстаться с Ней навсегда – больше никогда...

Навсегда, окончательно и бесповоротно – я это знал, но каково было понять!

Я остался один в городе, в пустой квартире. Закрыв двери. Кончились все пути, все дороги...

Тюрьма, и страшнее Тюрем – Тьма без проблеска света. Я предал, я обманул, я убил, – я мерзкий, гнусный подлец, я...

Ноги мои подкосились, я упал на колени, и первые двое суток так и ползал на четвереньках. Из глаз моих, не переставая, лились слезы.

Жить таким, как я есть, – я не мог. Ничто меня не оправдывало, не за что было уцепиться... – это был конец, конец всему. Огромный черный камень моей вины, моего греха, моего отвращения к самому себе – раздавил меня.

Я лежал на полу... – “как ползает змея во прахе”...

МОЙ НАСТОЯЩИЙ ПРАДЕДУШКА

Сфера вращала сферу,
Кривые иных миров
Несли мне иную веру,
Другую – желтую кровь.

Но ТРОЕ крылатых
Над жертвенной чашей,
А в чаше – АЛАЯ кровь!
Не сомневайтесь! На небе нашем
Вспыхнуло Слово –
ЛЮБОВЬ!!!

Почему?

Всем существом я пытался понять... –
“Не так все, не может быть!”

Но все было так! – могила, ни намек
на свет...

Еще и еще раз, напрягая все силы, я
жег свое сознание – выхода не было,
становилось только темнее. Вся Мировая
Тьма навалилась, придавила, расплю-
щила... И силы мои кончились...

Господи! Господи, сам я не могу
ничего, не могу... – не могу жить.
Господи!

Существовал только один выход, только
одно – я понял ясно – только Бог.

*Если Бог есть, только Он поможет
мне, – или...*

У меня не было никакого другого – “или”, только – Бог!

**Я твердил и твердил одно:
“Бог – есть!”**

Повторял всю ночь, весь день, а слезы все текли и текли из моих глаз...

Я знал о Кришне, о Будде... – не одну ночь просидел, изучая философские и религиозные трактаты. Йога, медитация, тайны западного оккультизма, бывало, будоражили мое воображение...

Но тогда я забыл все, зато вспомнил, что где-то в доме есть икона Спасителя! И еще – я нашел старый дедовский медный крестик!

Я вспомнил, кем был мой настоящий прадедушка – герой, кавалер орденов св. Георгия, он умер от ран, полученных на войне 1914 года, – истинный православный христианин!

Я молился!

Я положил все свое богатство – крестик с иконой, рядом с собой на пол и – я умирал.

Я молился Иисусу Христу.

В моем воображении проходили сцены из Евангелия, вспоминалось что-то давно забытое из раннего детства. Но мне становилось все хуже и хуже. Меня била мелкая дрожь, ледяной холод откуда-то из желудка подкатывал к сердцу. Я не узнавал свои сине-белые руки с

исчезнувшими венами. Я проваливался во тьму, – я умирал...

Видимо, нигде никого не было, кроме меня: ничто не вторглось в мою глухую тишину – ни телефонный звонок, ни стук в дверь... Или – это я сам уже ничего не мог услышать...

– Господи, помоги! Мне плохо, как никогда в жизни! Так плохо еще не было! Господи, помоги! Господи! Помоги!

Ничего не происходило – пустота и молчание...

Я чувствовал, что Смерть моя стоит рядом.

– Господи, Иисусе Христе!

Никто не отзывался, – все замерло и застыло...

И тут очень тихо, но очень внятно мне кто-то прошептал в правое ухо: “А что, если Ей сейчас еще хуже, чем тебе?” Пока эти слова проникали в мое сжимавшееся в точку сердце – “значит, Она умерла” – успел подумать я сам.

“НЕТ!” – сердце взорвалось и подбросило меня в воздух. В одном прыжке я взлетел с пола. Передо мной стояла моя бледная Смерть.

“Прочь, Старуха!” – я кинулся прямо на нее, она еле успела отскочить куда-то в стену. С разгона я ударился в дверь и вышиб ее вместе с косяком. Что-то сыпалось и падало – я бежал...

Бежал, бежал, ехал на такси и снова бежал. Бежал вверх по лестнице и стучал

в дверь, и Она открыла, и я упал, и бился в рыданиях на пороге. И – с Ней, конечно, ничего не случилось – услышал что-то злое, и снова встал и сказал, что думал – умерла, а раз ТЫ жива, то больше мне ничего не надо. И бросился вниз по лестнице, снова бежал и бежал, и вдруг закричал...

Я закричал так, как не кричал никогда в жизни, разве что, когда родился. Я закричал:

Люди! Люди!! Люди!!!

Потом еще куда-то бежал, потом остановился, – некуда было бежать, ничего нигде не было, только – *пустота!* Такая, как никогда в жизни.

Я хотел, наверное, подумать, осознать себя – и для начала попытался подумать: “Я” – и тогда...

Раздался сильнейший взрыв, звук-удар, потрясший все мое существо. Еще один и еще...

Молния – острие чистой энергии – пробила меня насквозь, с хрустом распрямив позвоночник. И я весь оказался в центре огня, жаркого страстного, проникшего в каждую клетку – в центре столба света беспредельной яркости и силы!

Каким-то необычным способом увидел я сразу всех людей и то, что они

крепко связаны друг с другом одной нитью.

А звук-удар, преобразившись, вместо “Я” сказал очень громко, очень ясно и совершенно неоспоримо:

Мы! Мы!! Мы!!!

Голос смолк, и я пропал, хотя никуда не делся – был там же, все помню, – а в теле моем поместился весь невысказанно огромный – “Мы”. Некто неизмеримо больше меня, сильнее, умнее – непостижимо прекрасный и совершенный...

Первое, что “Мы” увидел: ветви всех деревьев склонились, а листья, уподобившись тысячам маленьких ладоней, заплодировали. Кланялись и кланялись деревья, аплодировали листья, неутомимо приветствуя того, кто стоял перед ними. А потом воздух! – с такой нежностью, с такой лаской коснулся тела!

“Мы” выдохнул! – с этим мощным выдохом изверглась вся грязь, – весь никотин...

И как сладостен был вдох!

Было бесконечно прекрасное утро в самом начале осени...

Над Единственной Настоящей Истинной Землей всходило Божественное Солнце!

А потом был осенний день –
Один Единственный Настоящий День,
Той Осенью, которая на Земле.

И было –

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Не напрасно умирали листья:
“Ради Жизни Вечной жертва наша!”
Понимая Светлую Истину,
Они становились
Краше и краше...

Да! – не напрасно!
И Дерево будет, и Лето придет...
Ради ветра и Солнца –
Этот прекрасный
Листьев прощальный полет.

Видеть каждый листок на всех деревьях
вокруг и все листья сразу... – Какое
это зрение?! – видишь и проникаешь,
сливаешься и понимаешь все! И можно
благодарить все листья, не забыв своим
чувством, своей лаской ни один трепе-
щущий листок!

Как много Природы в городе!
И каждая травинка переполнена беско-
нечной жертвенной любовью. Каждая
ветка, каждый лист, радуясь и ликуя,
отдает всем и каждому свою благодать,
свою осязаемую и непостижимую красоту.

Радуйся и наслаждайся!

Я восхищался поступью этого тела,
принадлежавшего раньше только мне.
Восхищался самой прекрасной из всех
возможных для моего тела походкой,

гармоничными и благородными движениями. Мои руки и ноги, переполненные горячим блаженством, наслаждались любым малым движением, любой возможностью проявить переполнявшую их высокую энергию.

Я привык говорить “Я”, а, вообще-то, слово-понятие “Я” не должно бы мне употреблять в описании того Дня.

Сознание “Я” не приходило и не могло прийти, невозможно было даже произнести: “Я”.

И так было весь День! За целый День ни одной мысли, только Блаженство, Восторг и Любовь! Ликование! – Вместе со своим ликованием я слышал и внутренне был приобщен к голосам тысяч ликующих людей, пребывающих в таком же абсолютном счастье...

Всего несколько раз наперечет моя мысль собиралось возникнуть – и тут же, в самый момент зарождения, она получала ответ – чудесный дивный ответ, стиравший ее полностью, полностью очищавший сознание – ни единой тучки на небе, ничто не мешало любоваться Солнцем.

Первая моя мысль! – она не успела оформиться в вопрос, а если бы успела, вопрос был бы таким: Что произошло со мной? Наверное, это и есть то самое – великое “самадхи”? Где-то в глубинах сознания, в момент возникновения, санскритское слово “самадхи” – просветление, божественный экстаз –

разложилось в простую русскую фразу: “Сам Ад – Хи!” – я с этим полностью согласился, когда – такое! Что мне сам Ад!

Это теперь я пытаюсь развернуть переживание в словах, а тогда – пришла бесконечная радость осознания, ударившая в начальную точку, из которой пыталась возникнуть мысль и снова – чистое прямое знание обо всем, прикосновение, проникновение во все...

Ни мыслью, ничем другим не затуманенное присутствие ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС в самом прекрасном и лучшем из миров.

Сначала я только смеялся, исчезая в смехе, потом, увидев первого же человека, – заплакал. После – весь День – смеялся и плакал одновременно. Мое лицо приобрело единственно возможное для такого состояния выражение – я всегда узнаю это выражение, если увижу...

Когда каждый лист сгорает ради дерева, отдает последние силы, последние соки, и вместе с ними – душу. Когда лист уходит в дерево, а дерево – во всю земную Природу. Когда дерево становится листом, и в каждом листе – вся земная Жизнь. Когда такая благодать вокруг, такой ее переизбыток, который огненным потоком Любви и Красоты изливается на всех, на каждого человека...

А люди? Они здесь и не здесь, они – какие-то лунные жители, непричастные

истинной Земле. У них свой жестокий, наполненный их делами и заботами мир, своя частная, частичная жизнь...

У них сейчас тоже осень, они говорят, что осенью надо запастись жиром на зиму, и делают все, что угодно, но – не видят настоящей ОСЕНИ, которая НА ЗЕМЛЕ. Их осень – это ОСЕНЬ НА ЛУНЕ.

Как больно за них, как жалко всех этих НЕСЧАСТНЫХ (которые не сейчас) людей, как хочется им помочь!

Да бросьте вы свои заботы, вернитесь на вашу Землю! Отдайте себя большему, целому, частью чего вы сами являетесь – придет Любовь, Радость, Счастье... Что вы за листья такие, – ничего не знающие о Дереве? Или пальцы, – не ведающие о Руке...

Я говорю сейчас неуверенно, не зная как лучше сказать... А тогда “Мы” знал, что надо говорить, и говорил каждому человеку именно то, что надо сказать, без единой ошибки – и в интонации, и в жесте. Но мало кому чего-нибудь было надо – кроме очередной заботы...

“Мы” мог бы сотворить любое ЧУДО, если бы оно пробудило душу человека. Этот голос мог все, – я помню его и узнаю, если услышу...

Голос рождался где-то в недрах, в глубинах, ощущение, что ниже диафрагмы находится огромное пространство, как бы заполненное белым дымом или паром, именно там рождалось Слово и, насы-

шенное паром – Любовью и Силой, выходило. “Мы” мог бы вдохнуть в слово огромную силу, и ничто вокруг не смогло бы противиться ему.

Понадобилось лишь чуть, чтобы остановить электричку и держать ее, пока говорил я – снова следует понимать – “Мы” – с Человеком.

Моей – НАШЕЙ главной миссией и было – говорить с Человеком!

Поверьте! – я знаю вне сомнений –
Один Кто-то – точно есть!

Тот, Кто может ВСЕ!

Может лечить, даже ДУШУ, и так просто – простыми словами...

Чужие кто лечить недуги
Своим страданием умел,
Души не пожалел за други,
И до конца все претерпел.

Ф. Тютчев

Первое время мой язык совершенно разучился произносить “Я”. Настоящего затруднения возникнуть не могло – потом, если было надо, говорил “Я”, не вкладывая в слово его смысла, но в первый момент мне показалось, что – затруднение... И тогда еще раз возникла мысль, именно тогда я хотел подумать: “Была бы собака...”

“Собака”, – и тут же, прижимаясь брюхом к земле и неистово виляя

хвостом, кинулась ко мне собака. Это была любая собака, какую бы я ни пожелал! Я не соблазнился ни на пойнтера, ни на лайку – только смеялся, тогда “Мы” сказал ей, чтобы стала такой, как есть, и низкорослая хромая дворняга предстала передо мной. Я тут же исцелил ее кривую больную лапу – одно из чудес, совершенных не мной, а тем – Всесильным! – кто был больше меня неизмеримо и все же, как-то помещался в моем теле.

Но дворняжка не была просто собакой, – это был – Главный Пес (общесобачья индивидуальность). Только он мог быть со мной тогда – добрый, вполне разумный, прекрасный верный друг.

А еще, как-то в разговоре с человеком, ради этого человека, понадобилось маленькое чудо. “Мы” сказал, что вон те вороны – ручные. Позвал Главного Ворона, протянул руку – вороны, к удивлению собеседника, подлетели и сели на плечо и на руку, а потом важно шли следом. В них был сам Главный Ворон – сознательное мудрое существо – ДУХ, суший во всех врановых птицах и отдельно – сам по себе.

Воздух вокруг меня светлел и светился синевой, даже в помещении он был разряженным и чистым, каким бывает только высоко в горах...

Время шло гораздо медленнее, к тому же, постоянно останавливалось: стоило

залюбоваться чем-нибудь, и мгновение уже не сменялось другим мгновением – замирала летящая птица, человек, идущий навстречу, зависал над землей...

Было все еще утро, впереди был – целый День!

Безмерно больше любых мечтаний, желаний и предчувствий оказался Мир за стенами, Свет за стенами. Один глоток настоящего вольного воздуха мгновенно стер все страдания, всю скорбь, накопившуюся за годы заточения. День тот – сверкающая точка в памяти, окно, залитое ярчайшим светом.

Даже, если не удастся мне еще раз “пройти сквозь стену”, все равно, совсем темно уже никогда не будет, т.к. – окно есть! Воля – ждет! И – теперь я знаю точно – существует...

Бог – есть! Вот – главное.

Напишите это на площади, чтобы не забыть.

Самым невообразимо потрясающим был первый момент, когда в меня ударила молния с ясного неба. Потом был День, когда “Мы!” не покидал меня ни на мгновение.

В следующие дни прежнее мое “Я”, возникая все чаще и чаще, приходило к власти над телом и умом. Появлялись ошибки в движениях и жестах, мысль, не получая ответа, спрашивала саму

себя, сама себя путала и пускалась в обычный горестный круговорот.

Прежнее “Я”, – потрясенное и обновленное, удовлетворенное и очищенное, убаженное и обласканное, но! – всего лишь “Я”: несовершенное и неправдивое, часть, мыслящая себя целым, лист, ничего не знающий о дереве – возвращалось...

Потом еще год, пока я водил экскурсии, “Мы” неизменно приходил на помощь. Надо было только очень любить людей, которым говоришь, пытаться сказать о главном, вести на полном напряжении внимания и ума, и где-то к концу экскурсии – вдруг приходит... Такая неопишуемая Радость, такой Восторг!

И делать больше ничего не надо, только радоваться, только изнемогать от Любви, а говорится и делается все само, самым прекрасным образом и без единой ошибки.

Интересно, если в разговоре было надо, то называлось многое, чего я не знал и знать не мог. Особенно, когда говорил одному человеку, иногда даже гадал, как цыганка, называл имена, даты... Не знаю и вдруг – мгновенно – знаю! Как сон вспомнил...

Снова оживал во мне голос, идущий из глубины, воздух вокруг светлел, и вся моя группа оказывалась в области голубоватого свечения...

После экскурсии я шел в парк, там тоже был старинный парк. И если она

получилась, если нечто настоящее передано от меня к людям, то – чудесный Свет наполнял все, оживляя и одухотворяя. Снова Природа дарила мне Красоту – наивысшую свою награду, и листья аплодировали мне.

Думаю, что если человек идет не в Храм Божий, а в какое-нибудь место, связанное с чем-то возвышенным... Если едут люди толпами в такие места, то должен же быть там хоть один человек, который может действительно нечто им дать...

В том месте, куда я приехал работать экскурсоводом, такой человек был. Я видел нисходящую, окутывающую людей Благодать, когда говорил он своим мягким завораживающим голосом...

Однажды, в откровенном разговоре, он рассказал мне о своем главном переживании.

– Как-то, наверно, от усталости, упал, потерял сознание, но не совсем... – слышал сильнейший звук-удар...

Будто поезд с цистернами несется мне в лоб, такой мощный звук!

А потом голос ласковый, нежный! И говорит простые слова...

Я чувствовал нежнейшее прикосновение к самой моей сущности – чудесная ласка, неопишное блаженство. Всего несколько секунд, а для меня – чуть ли не вечность прошла. А когда очнулся, то такая во мне была Любовь!

Вскоре этот человек уехал, остался

я, водил экскурсии, а потом – перестал и – перестал говорить...

Потом! Потом Благодать полностью покинула меня. Воистину! – прав был старец Силуан: “Нет большего страдания, чем лишение Благодати!” Я снова очутился в той же темной страшной Вселенской Тюреме. Жажда моя была бесконечна, и – ничто не могло и не может утолить эту жажду!

Если я буду умирать, как положено, простой человеческой смертью, то, когда сердце мое окончательно остановится, я услышу, – как бьется Сердце Вселенной! Какой-то из этих ударов, третий или четвертый, пятый или шестой, преобразившись, произнесет самое лучшее, самое нужное мне Слово. И вспыхнет ярчайший и чистейший бесконечный Свет!

Если будет так, то – это будет САМАЯ ПРЕКРАСНАЯ СМЕРТЬ.

ВРЕМЯ, ПРОСТО ИДЕТ ВРЕМЯ

(Перелистывая “Еженочник”)

Простое пустое время, которое идет и проходит...

Как найти в нем нечто непреходящее, соизмеримое с Вечностью?

Один человек первобытный долго и упрямо тер пень...

Называя свое занятие –

тер-пением.

Наверное, он хотел добыть – Огонь?!

Листья осенние последние силы дереву отдают, ветру и Солнцу. Но даже в опавших листьях еще остается жизненная сила. Иду собирать листья, самые красивые, чтобы сделать лекарство от усталости.

На маленькой солнечной поляне – осенний чемпионат. Два великана клена – красный и желтый, дождавшись хорошего порыва ветра, пускают своих лучших летунов.

Широкими кругами планируют листья, замирая носами к ветру и разгоняясь на повороте: два круга, три круга, четыре... Вот один лист, не поворачивая, борется с ветром, парит и парит все на той же высоте...

Я долго и прилежно судил соревнование и собирал рекордсменов. По количеству красных и желтых объявил кленам ничью. А финальные полеты, на титул абсолютного чемпиона, устроил с обрыва глубокого оврага.

Победил желтый, как осеннее солнце, лист без единого пятнышка, совершенно правильной формы, с длинным черенком, похожим на лебединую шею.

И теперь, подвешенный на нитке к старой бронзовой люстре – он будет парить всю зиму!

Большая кривая береза. Будто черной тушью на березовой коре выведены узоры старости и болезней, а вон та клякса, что повыше – чага. Лекарство! говорят, даже от рака?!

Чага встречается чаще на березах очень старых, на тех, которые сами уже умирают...

Сегодня вечером старый дуб на опушке, – пожалуй, самый большой в нашем лесу – был грустно молчалив. Совсем недавно ветер сорвал с его ветвей последние, цвета ржавчины, листья. Береза, с которой я каждый день здоровался, ответила мне, несмотря на сильный ветер, лишь слабым сухим шелестом.

Зато – осина! Так громко затарахтела множеством совершенно черных, негнувшихся, как из жести, листьев, что холодные волнообразные токи запрыгали по моему хребту. Что-то тоскливое и скверное вешала старуха о наступающей зиме.

Так долго до весны и листьев – Декабрь! Да еще погода невозможная: то дождь, то снег...

А сегодня у нее приступ злобы – бедные деревья, птицы и звери, зимующие

травы и насекомые! Утром на термометре было: – 32...

И не зима еще! Снег лишь чуть прикрыл несчастную, крошимую льдом землю, воздух влажен, все пропитано водой – даже кора деревьев...

И не сказать, что мороз, ведь мороз бывает зимой в сверкании снега, – холод! Неожиданный, жестокий, непереносимый холод. Никто не был готов, не найдена зимняя шапка, нет рукавиц...

Не обошлось и без полной Луны, сложила трубочкой свои бело-синие губы и жадно всасывает последнее тепло – суший вампир! Странно, что она без ореола, только, если дунешь на нее, расплывается в оранжевой дымке. Но тут же, всосав тепло дыхания, смотрит еще пристальней и злобней.

Теперь опять оттепель, и можно лепить из снега, катать снежные комья, строить крепость, слепить слона или дракона в натуральную величину...

Я бы хотел как-нибудь, при благоприятных обстоятельствах, в полнолуние и когда лепится, всю ночь напролет, часов десять подряд катать комья и лепить из снега. Хорошо бы вместе с моими друзьями, которые, конечно же, поняли бы весь смысл этой затеи...

И сотворили бы мы такое, начисто скатав снег со всего поля! И тогда все бы увидели, что получается из деланья “великого неделанья”.

И снегом надышаться вволю – с детства мечтаю!

Шум был из-за лошади...

У церковного забора, понутив голову, стояла грязно-белая кобыла, а на ее спине не хватало места шустрым галкам, выщипывающим шерсть. На заборе сидели и крутили головами еще галок двадцать, уже с пучками в клювах – они вели себя спокойнее. Те же, что прилетали, – со страшным криком так и бросались в драку.

Поняв, в чем дело, я тоже крикнул: “Весна!!!”

Эти свежие молодые листья, омытые недавним дождем, теперь на солнце так ярко трепещут, в переменчивом ветре – чудный чарующий танец...

Залюбовался, и вот, получается: смотреть полным объемным зреньем, в котором уже нет ничего центрального или периферического, дальнего или ближнего, а есть все сразу – вся красота этого весеннего зеленого чуда. Смотреть, погружаясь... И будто выходишь из глаз, заполняешь своим чувством все созерцаемое пространство, касаешься, сливаешься и переживаешь неотделимую от себя – объемную реальность...

Становится возможным интенсивное ясное сознание без мыслей и слов.

И разные другие необычайные – психические феномены...

Солнце и Ветер! Открыта волшебная дверь, пока трепещут листья...

Я смотрел в окно на лужайку, рассеянный взгляд остановился сам по себе, а мысли были далеко. Когда я вернулся в реальность, то вдруг увидел, что смотрю на огромного зеленого кота, живого, хотя и нарисованного переплетением трав.

И кот прыгнул на меня! А может быть, это я так резко очнулся от многолетнего сна...

Кот прыгнул и сильно расцарапал мне лицо: я пошел посмотреть в зеркало и увидел – морщины.

Одно неверное движение и – камень преградил поток...

Человек был бы безгрешен, если бы не владел вестью – точным знанием, как надо поступить, или если бы он всегда поступал так, как подсказывает совесть – весть, которая с нами.

Человек находится под давлением сил, идущих через него в мир – через его поступки, слова, мысли. Какой силе человек отдает предпочтение, та и владеет им, несет ему и дальше свое

содержание, свою энергию. И тогда слова и мысли становятся делами.

Пусть высокое действие – трудно! Но и сила, которая приходит в истинном движении, будет достаточной для любого подвига.

Если совесть есть, и если она – это голос Истины, то и бесконечная Сила Истины всегда с нами.

Я заметил, что у многих птиц глаза закрываются снизу вверх...

Последнее, что видит птица, закрывая глаза – НЕБО.

Смысл моего “еженочника”?

Мое отношение к писательству исходит от моего отношения к чтению. В книгах я искал Истину, поэтому читал произведения Великих, напряженно и внимательно – найти и понять. Долго думал, что Истина спрятана, и прилагал немалые усилия, разыскивая легендарные, недоступные книги. И, – ожидая чуда, надеясь, что эта, так непросто добытая книга, ответит на главные вопросы, – читал!

Я понимаю и все остальное: каждый человек – уникальная личность и вправе писать свою книгу. Но вы быстро пишете, я же – медленно читаю. Толпы людей, толпы книг – хватает места на площади... Бесконечна плоскость мира!

Но ведь я, как всегда, хочу подняться, и потому уйду в горы, к творениям одиноким и величественным, в которых – Вертикаль!

Я не писатель, – пусть худо-бедно, засыпая и забывая, я – Искатель Истины.

Исходя из моего отношения к книге, я мог бы писать для людей, только обретая Истину, когда есть что сказать, чему учить. А то ведь, “если слепой поведет слепого...” Тем более – в горах...

Все же я пишу понемногу... Есть смысл писать для себя – это прекрасное упражнение, контролирующее мысль, и выше – Творчество! – способ создания необходимого для жизни духа напряжения, отдачи и поиска... – много для себя.

“Духовная жизнь без Творчества невозможна”.

И все же я надеюсь, что пишу для друзей – для самых близких. Ведь мы давно в Большом Походе на пути к ИСТИНЕ, всегда вместе, альпинисты в одной связке...

Всегда продолжается мой диалог с друзьями, и я хочу использовать здесь свое писание. Подумав и округлив, завершить раздачей по экземпляру – друзьям в подарок, как продолжение непрерывной беседы. И было бы не интересно без игры в писателя...

Я настроен высказывать самое серьезное и важное, самое глубокое – то,

что нашел и пережил на главном пути, то, что понял из диалога сокровенного...

Есть такой непрерывный, включающий в себя все мое существование, диалог с Богом.

Но ирония не покидает меня, и я вправе смеяться надо всем, т.к. всегда есть нечто более глубокое. И вообще, – “самадхи с рассуждением не есть высшее самадхи”!

Днем – солнечно и тепло, какой-то весенний день – 1 января: яркое солнце и пахнет талым снегом...

Иногда, когда особенно ярко светит Солнце, как сегодня, после бессонной ночи, начинаешь догадываться, что Мир не пал вместе с греховным падением человека...

За нами последовал только наш субъективный мир – другого, к сожалению, мы не знаем, все, что видим – зеркало нашего сознания, всегда только отражение наших мыслей и чувств. Как трудно заглянуть туда – в Истинную Реальность, увидеть каков Мир без нас...

Каков Он на самом деле? Я догадываюсь – Божественный, лучший из миров...

Мир, сотворенный Богом, вне сферы осквернения и досягаемости субъекта! Достаточно разбить зеркало...

Как хорошо, что можно додуматься, понять и – не возвращаться...

Это самая естественная вещь: думать, думать, и вдруг – додуматься! Когда это знаешь, то не отчаиваешься, и не отступаешь перед крайним напряжением, которое обязательно должно возникнуть, ведь надо осветить сознанием весь поток мысли. И тогда вспыхнет “самадхи” – точное знание, понимание, и не придется думать еще раз, возвращаться к тому же...

Не зная, что это так, мы часто вместо того, чтобы додумать – чуть осталось, вовсе перестаем думать о смысле жизни.

Весь мир во мне, и нет никого со мной, кроме моей субъективной вселенной. Какой смысл преклоняться перед творением собственного воображения...

Многие мудрецы здесь и останавливались, говоря, что божество творится человеком...

Разве они не знали этой ТОСКИ, которая сжимает всю мою бесконечность до размеров маленького сухого листа?

Далеко ли от осени, которая на Луне, до Земли, где – “вечная весна”?

Печаль – тоже сила, усталость – тоже сила. Я не могу больше так жить, тосковать, мучиться и хандрить, погибая от жажды. Там, на Земле, все самое дорогое: мой дом, мое детство, мечты, любовь и – я перебросил шляпу!

Я бросил вперед, в залог прыжка, нечто самое ценное, – страшно сказать – душу... Но медлить уже не мог. Я прыгнул! Рискую всем, отдавая все, и поэтому – готовый к Великой Жертве...

Вот она – пропасть! – область ни с чем не сравнимой пустоты...

Удержусь от описания неопишуемого...

Но что меня потрясло – это нынешнее отличие: тогда открывалась и закрывалась дверь, окно, и приходила Благодать, и уходила, – оставляя меня стонать. А ведь теперь – я прыгнул через пропасть! Неужели и на этот раз – покинет?!

И вот, среди цветов, не отдаваясь блаженству и созерцанию, не отдаваясь по мере сил – слишком уж хорошо... Среди цветов я плакал и молился, просил Бога не оставлять меня больше – не хочу обратно! Я не стал смотреть, пользоваться и вкушать, пока это есть. Я сказал, что здесь всегда это есть: и понимание всего, и мысли гениальные – прекрасные цветы... Нет смысла торопиться рвать – живые и объемные здесь, они завянут там, и снова – печальные плоские тени...

Огненные цветы раскрываются в сердце, блаженным жаром опаливая грудь, но я не буду наслаждаться – буду молиться.

Отвернувшись от цветов, все силы и весь жар отдал я молитве, и, веруя без сомненья, заснул среди цветов и, засыпая, –

понял! Это был ответ, успокоивший меня совершенно, божественная ласковая рука опустилась на мою пылающую голову, и я растаял...

Я понял, что мне довольно и достаточно полного, правильного осознания, – я видел все прекрасные следствия и возможность всегда быть счастливым, – мне довольно и достаточно истинного понимания двух слов – Бог есть!

Остальное – все, что бы ни случилось, судьба и жизнь, не столь важны, – главное – шаг к пониманию Истины.

Быть может, я упал на дно пропасти, в самое темное и злое место – сам виноват, ведь не раз реально разбивался из-за своих отчаянных прыжков. Это теперь не важно, теперь я знаю и помню, и буду твердить, чтобы не забыть и в бездне темной – Бог есть!

Никогда эти цветы не завянут...

Вверх, только вверх! От подступающей мглы забвения и смерти к ослепительно сияющим вершинам.

Да, я бывал в горах, там такой воздух, что тихий голос слышно за сотни метров. Вдохнуть бы в полную силу! Чистый белый снег и голубой прозрачный лед...

Мне немного легче, когда я пишу, – оживает мечта рассказать о главном, сокровенном. И не столь бессмысленной

кажется жизнь, ведь именно о смысле жизни я думаю и пишу.

Я не знал, что бывает такая безмерная усталость. Какой смысл в этом постоянном усилии? В таком напряжении и натяжении нет жизни...

Слово “терпение”, наверное, от – тереть пень? Надоело мне его тереть, а куда денешься? Туда бы сейчас – в родные Горы!

День пережил еле-еле, а до весны – так далеко...

Стараюсь надеяться, стараюсь жить и делать, что надо, и даже ползти, пусть медленно-медленно, как улитка, но! – “по склону Фудзи до самых сияющих высот”.

ПРОИГРАННЫЙ ПОЕДИНОК

Но есть кто-то единый,
Кто бесконечно бережно
Держит в своих ладонях
Каждое падение.

Райнер Мария Рильке

Мой Друг! Когда невидимые вещи
Стучат по нашим головам,
К чему нам слушать голос вещей
Про вещи, чуждые всем нам?

Бродить в других координатах,
Где бесы злобные живут?
Сраженья ангелов крылатых –
Сознание нам туманит тут.

К чему нам “Хроники Акаши”?
Уж лучше динозавра след...
Все сущее не в жизни нашей
Туманит только – Белый Свет.

То, что таилось в углу комнаты, не было чем-то неведомым, я знал, чего именно боюсь, от чего такой ужас панический. Хотя передо мной и было нечто, не принявшее еще ни какой определенной формы, назвать я это мог – темные силы!

Они были знакомы не только из повторяющихся с детства кошмаров – в их присутствии какое-то определенное чувство и знание возникало внутри меня...

Жуткие образы этих снов были вторичны, сначала появлялось переживание...

Нечто, скрытое в темноте, тянуло меня к себе, физически тащило. Я, отчаянно сопротивляясь, старался дотянуться до выключателя, чтобы – свет! – уничтожить тьму... Лампочка неярко вспыхивала и гасла, я бросался в другую комнату, к другому выключателю, – лампочка загоралась и тут же начинала меркнуть. Гори! Гори! – напрягал я все свои силы. Но тьма

опять наполняла комнату, и Оно уже было здесь и тащило меня к себе...

Начинался обычный кошмар погони, и только тогда Нечто принимало образ: черт, страшный зверь, человек с ножом... Я убегал – он преследовал, гнался и гнался за мной. Мучительный сон, после которого долго не по себе, и страшно уснуть. Кажется, что ночь еще хранит мерзкие следы враждебных сил, явившихся сюда из темного, жуткого, отвратительного, не нашего мира.

Не так уж часто, но с детства повторялись эти страшные сны. И вот однажды, видимо, достаточно повзрослев, когда вместе со мной выросла сила и отвага, – я не стал убегать. Когда начался знакомый кошмар, я нарушил известный заранее сценарий.

Не убежал, а кинулся в темный угол, где Оно таилось и росло, – навстречу всем темным силам, с гневом и яростью, желая драться, бороться!

Оно проникало в меня, хотя и отступало, щекотало – длинные пальцы копались в моем теле. Я злился и сражался – оно, хохоча, убегало и вдруг снова касалось меня своими корявыми лапами...

Изматывающая до предела, бессмысленная, бесконечная борьба – все тот же кошмар!

Это теперь я знаю, что надо делать. В каком бы глубоком сне не явились бы темные силы, я не бегу от них и не

кидаюсь навстречу, а – молюсь. И молюсь даже усерднее, чем наяву, видимо, во сне я лучше и чище...

Я твержу одну простую, прекрасную молитву, которую не забываю даже в самом страшном и бессознательном сне. И тьма – отступает.

Есть темные силы, есть мир, в котором еще темнее и хуже, чем в нашем социуме. Я знаю это, как знаю, что есть другой, светлый мир над нами. Стены нашего мира не пускают нас вверх, но они же отделяют от нас и более темные миры...

В желании бежать к Свету я разрушал свою Тюрьму и случайно, а может, иначе нельзя было, – сломал не те стены...

То, что неясно пугало меня во сне, реально и осязаемо, обнажив свою мрачную тайну, – предстало наяву.

Толпа уродливых бесов била меня палками – это было так же реально, как, например, реально, долго и основательно била меня милиция, “которая нас бережет”.

Как больно били меня бесы! Когда они ненадолго оставили меня, чтобы с новыми силами, выпрыгнув сразу из всех стен, наброситься и уже окончательно, растерзать, – я успел позвонить Другу. Бьют, – говорю, – сильно...

– Сосредоточься и подумай – это очень важно. По пяткам они тебя били?

– Нет, по пяткам не били.

– Очень хорошо! Значит это не китайцы.

Я понял и рассмеялся. Как я обрадовался! Значит, это пока еще наши российские бесы. Так я их молитвой и крестным знаменем!

И бесы остались за стенами.

Но тяжесть грехов моих была столь велика, что пол подо мной проломился, и я полетел в Ад.

Полетел вниз, в огненный Ад, и Ад уже возник, появился характерный признак – не стало времени. При любом земном страдании можно подумать, что оно когда-нибудь да кончится. В Аду так не подумаете, страдание безвременно. Даже пока я падал, первое же видение измучило меня бесконечно.

Это были люди. Ярко и отчетливо они возникали передо мной – лицо человека, лицо Человека! И непрерывно кто-нибудь из них говорил со мной...

Их было так много, и каждый говорил мне еще раз то, что я плохо понял, или прослушал, – повторял мне слова, оставленные когда-то мной без внимания...

Пыткой было то, что лица людей были ближе ко мне, чем бывает обычно лицо говорящего с тобой человека... И я не мог отодвинуться! Я должен был посмотреть в глаза всем, и не одними

словами, а сердцем ответить каждому Человеку, которого любил или ненавидел, или просто общался с ним между делом...

Я лежал на дне Ада, на самой твердой, усыпанной мелкими острейшими осколками поверхности, на плоскости последнего предела, ниже которой некуда падать...

Было темно и тихо, высоко вверху клубился красно-багровый туман, из которого, пройдя все круги, я выпал на самое дно.

Здесь был только я и бесстрастный голос, отвечавший мне.

И стал я торговаться... Но моя торговля не вышла...

Я говорил, что мне ничего не надо, не хочу ничего другого и готов даже умереть ради встречи с Богом. Но, если я умру, то пусть больше никто не пострадает, ни с кем из оставленных мной людей пусть ничего не случится...

И раздался спокойный голос: “А разве ты жив?”

С беспредельным ужасом я осознал, что уже давно не дышу, и сердце мое не бьется...

Я умер. Да, я умер, но!..

Но ведь смерть – это встреча с Богом...

Значит – сейчас, сейчас, сейчас...

Тишина, ни единого звука в кровавой тьме над бесконечной гранитной равниной.

– Господи, Ты должен прийти! Это просто затянулась клиническая смерть...

Молчание – глубокое, абсолютное...

Да, ОН есть, но там, в голубом эфире, а здесь только черный камень, забытая пустыня, а вместо неба – Ад...

И понял я, что ОН не должен, а все выдуманные мной законы – глупость! И та, которую я любил, которая ушла, мне тоже говорила, что – не должна... Напрасно верил, ждал, надеялся, мечтал... И значит – жил напрасно.

И только тогда снова – голос, – не знаю, откуда приходит, но проникает в меня до самой последней глубины.

– ОН всюду, ОН здесь, ОН идет. Если встанешь ЕМУ навстречу, – будешь жить дальше, если не встанешь, – ОН поднимет тебя в день СУДА.

Начинается твое время!

И тут же, уже другой – внешний голос, звонкий и насмешливый объявил: “Рефери считает до десяти. Ты ведь боксом занимался и знаешь, что десять – это нокаут...”

И по всей каменистой равнине зазвучало, запело, раскатилось: “РАЗ... ДВА...”

Вставать надо,
надо вставать...
Это – проигранный поединок.

Не надо жить, не надо делать что-либо, надо только – встать! Но как поднять окаменевшее мертвое тело, которое уже давно не мое? А сам я вне жизни, я – только слабый голос, а вернее – тонкая ниточка мысли, – струйка дыма из пепельницы...

А счет все продолжался, все ярче звучал гонг: “ТРИ... ЧЕТЫРЕ...”

И вместе со звонкими сильными ударами я расслышал глухие и слабые – мое сердце! Видимо, не сердце, а само время стояло, и все переживания уместились в миге... Или только теперь, когда началось время, сердце снова пошло – отстукивать последние удары.

Я жив, пора вставать, все это – проигранный поединок, надо встать. Надо встать, чтобы получить еще один удар. Надо перестать думать, и быть еще кем-то и чем-то кроме – последнего усилия. Надо совершить Подвиг, нужна Великая Жертва...

Но ведь я так хорошо упал, и еще потом так долго падал и падал, я ведь перед БОГОМ упал и – с тем, что сам уже не встану...

Господи, я не встану!

Я не хочу и не могу ничего делать, потому что всегда делал не так и не то... Единственное, что у меня получилось – УПАСТЬ. Я так хорошо упал и не встану.

Не на что мне опереться: моя воля – зло, чувства – обман, ложные мысли и лживые слова, я весь – неправда... Я отказываюсь от себя – не встану!

От страшной тяжести моего отрицания затрещало и стало продавливаться гранитное основание...

“ПЯТЬ... ШЕСТЬ...” – громко и четко, набирая силу и скорость, грохотал жуткий счет.

Но, что это? Звук гонга, звук сердца, а еще – и я осознал, что слышу – звук шагов.

Да! Это шаги БОГА...

Я ждал всегда,
Из двух возможных слов
Я выбрал – ДА!
Смогу, шагну навстречу!
И будет – ВЗРЫВ,
Который длится ВЕЧНО.

То, что никак не делалось ради себя, я сделал – ради Бога. То, что не смогла сделать жертва и воля, сделала Любовь. Я встал и шагнул навстречу, Любовь мне указала направление.

Шаг по направлению к Богу.

И этот единственный шаг заключал в себе больше действия и смысла, чем

все мои дела, работы, труды, за всю мою долгую никчемную жизнь.

Шаг к Богу, главное – знать направление, и я получил желаемый удар...

Когда я встал, то все стихло, я ничего не видел, не слышал, и меня самого не стало – пустота. Она была всюду вокруг, всюду во мне, и я был пустотой. Море отступает перед волной цунами, это – как замах руки...

Удар был страшен! Удар огненного меча пронзил миры, сокрушил все темное и тяжелое надо мной. Непобедимая молния настигла меня, вонзилась жалом в голову, прошла насквозь. Всюду гул и грохот обвала: рушились горы, сыпались камни, но я уже не принадлежал взорванному Аду. Я был внутри молнии, я возносился в центре огненного вихря...

Удар был страшен! Не надо было крутить головой, чтобы видеть ослепительный ярчайший свет и сзади, и с боков, и внутри себя. Мой позвоночник раскалился добела, и только искры, которые с треском из него сыпались, были слегка красноватыми...

А потом, неотделимо от меня, запели птицы, зашумели листья, ожил синий воздух... Утреннее солнце осветило поляну. Это была моя любимая поляна в лесу недалеко от дома, куда я часто ходил с собакой. И не единого камня среди травы, цветов и неба!

Я стоял, как никогда прямо, полный

жизни и сил, огненная энергия бушевала в груди, все миры были открыты, и была – полная свобода выбора...

Но я не пошел творить великие дела, и не ушел в другие высшие и светлые реальности, а просто пошел домой. Может быть, правильно выбрал, но не правильно сделал. Домой пошел, под кровать залез и уснул, и забыл...

Я забыл, что надо делать с зажженной свечой, и поставил горящую свечу под стол, теперь даже “записки из подполья” не получают, т.к. ни под столом, ни под кроватью свеча не горит.

Правда, чтобы дойти до дома, мне тогда понадобилось месяца два, и еще месяца три-четыре свеча коптила под столом.

А ЧТО ПОТОМ, БЫЛО ЛИ ЧТО-НИБУДЬ ПОТОМ?..

Это было летом, жарким летом...

Опять невидимые вещи давай стучать по нашим головам...

Представьте: вдруг все мои лесорубы пошли голосовать за Россию...

И меня спрашивают: “А ты, Вовка-морковка, идешь с нами голосовать за Россию?” Я подумал, подумал и говорю: “Нет, не смогу, у меня не получится голос никуда совать, но не сомневайтесь, я голосить буду за Россию” – и я заголосил изо всех сил за Россию-матушку!

Это было в лесу, и вопли мои никому не мешали...

Но Небеса чуть-чуть приоткрылись, и я тоже увидел Ее.

ОНА была точно такая, как о Ней рассказывал Владимир Соловьев.

Она – Вечная Женственность, или Она – Звента-Свентана, как назвал Ее Даниил Андреев. Но главное, ОНА спускалась с Небес, все ближе к нам, – сама Красота над Россией! И понял я, что:

Не ищите прошлое в земле –
Живое оно над нами!

Прошлое с Высот спускается к нам навстречу.

Она есть! –
Звонящая Весть,
Светлое Звено...
Так бывает, –
Невинное Вино.
Опрокинутые кубки –
Колокола...
Пьем твою Любовь,
Спасаемся твоей Красотой,
Поднимаемся твоей Высотой.

Россия!
Пусть будет все не напрасно –
Прими всей ИСТИНЫ вес!
Нам сказано ясно –
ХРИСТОС ВОСКРЕС!!!

Тогда был год 1991-й...

Если девятка, как гусь из той истории, выпустит еще одну лапку, то получится – “Я” (9 – Я).

Съел повар гусиную лапку, а барину сказал, что птица такая и была – одноногая... Пошли они посмотреть – и действительно, все гуси на одной лапке стоят. Стрельнул барин, тогда они выпустили вторую и улетели. А повар и говорит: “Это потому, что стрельнул, стрельнул бы еще, – они бы и третью выпустили...”

Так вот, после выстрела, или после удара по голове какой-нибудь невидимой, но увесистой вещью, год 1991-й читается так:

ОДИН – Я – Я – ОДИН

Тогда, в 1991г. появилась в Москве “Роза Мира” Д.Андреева и фильм “Звездные войны”, а я написал статью, почти философскую, под названием – “Игры звездные”, которой думал завершить всю эту “Осень на Луне”, но...

“И десять лет, и двадцать лет,
и нет конца и края...
Медвежий след, олений след
Вдоль берега петляет...”

Как не просто додумать, осмыслить, понять, и как не просто дать форму, закруглить и поставить точку. Не просто вдруг сойти с Луны, – все длится “Осень”, – все продолжается наша космическая беседа среди сиянья звезд, на “самой грустной из планет”. Было время пофилософствовать, но процесс осмысления явно затянулся – нудный лунный процесс и десять, и двадцать лет петляет... – а где результат?

Ведь главное не сам процесс, а его – результат.

Что осталось от долгих бесед с Данетом Яснетовым, Иваном Скорпионовым, и с Зайцем Лунным?

О, Лунный Заяц, пьяный, но мудрый, странный, но древний, он не раз заставлял меня хвататься за голову и думать, думать даже о вещах невидимых, но которые все же – стучат по нашим головам. Так что, боюсь, далее пойдет сплошная философия, ведь главное – смысл – результат всех бесед и приключений, чтобы все “звездные войны” не напрасно были.

Нам ведь – ИСТИНУ подавай!

О, Игры Звездные!

Говоря, что далее пойдет “философия”, я имею в виду конкретные, мыслимые мной “вещи”, до которых я уже додумался, которые являются – моим достоянием. Я хочу поделиться *Радостью*,

потому что она есть – неотъемлемое качество этих “вещей”. Потому что есть – *неописуемый восторг понимания*, высочайшая запредельная РАДОСТЬ – вот критерий ИСТИНЫ.

Даже любое виденье сквозь стены сопровождается вспышка радости, которая не оставляет сомнений в истинности воспринимаемого феномена. Если задача действительно решена, если верный ответ найден, придет радость, восторг – сильные эмоциональные переживания, они всегда сопровождают истинное ПОНИМАНИЕ, которое станет нашим неотъемлемым внутренним достоянием, – уже никогда не покинет, уже никто не отнимет...

А вот знание без эмоций – пустая “информация”, без размышлений, без напряженного поиска и без сильных переживаний – от нее не горячо не холодно, ветер приносит, – ветер унесит...

Чтобы неумоимо преследовать истину, идти и идти вперед, давайте вспомним наши походы, наше упорство и нашу мечту.

Вперед, нас ждет Самый Большой Поход!

Философия – это не легко, ни мне, ни вам, но – вперед!...

И вот, я уже снова пою о *носороге* упрямую старую песню мою.

Две тонны весом туша,
Полметра – острый рог.
Остановись, послушай,
Как скачет носорог.

Быстрее сюда, зверюга!
В пути я изнемог:
Февральский снег и выюга...
О, ты, упрямства бог!

Неси скорее из Африки
Бананы и тепло,
И бублики, и вафельки,
И спирта полкило.

Сейчас бы кружку с перцем...
О, холод, отпусти!
Не носорог, а сердце
Так бешено стучит.

Нагни пониже лобик,
И выпяти губу –
Вперед! Как носороги,
Сквозь выюгу и пургу...

Очень упрямый – Упрямый Носорог!

*Мои Друзья, как удивительно помнятся
все наши славные походы!*

Ночь, снега – вперед и вперед:
Долгий путь, рюкзак большой...
Раскатились лыжи, и вот
Разогналось сердце – еще и еще!
ЖИЗНЬ!

.

Живу в лесу.
Шумы умолкли.
Жилья людей красу
Не сравнишь с елкой!

Живу под елкой.
Привольно песням.
Деревья, птицы и цветы –
Весна, все вместе...

А город чужд природной красоты...

Прямой квадратный ужас
Домов, дорог, дворцов...

Вон! Сарыч в небе кружит,
Описывает кольцо.

СЕЗОН ОХОТЫ НА ЗАЙЦЕВ

Да! Самый сезон, уж мне-то не знать...
Если был бы писателем, то во всех
подробностях, долго бы описывал, как
30 охотников – они теперь выезжают
командами, организованно и по путевкам –
приехали ко мне на зайца охотиться...

Я тогда работал лесником в Звени-
городском лесничестве. Вернее, я рабо-
тал лесорубом – вальщиком, бегал с
бензопилой, там такие огромные “пере-
стоянные” ели, – бегал от елки до елки
и пилил-пилил, а еще 5-6 человек мне

помогали: кто толкал, кто трелевал, кто костер жег...

Но у меня был и обход – 740 га, и там, на моем участке леса, точно жил один заяц! Вот они и приехали, 30 человек с ружьями, чтобы убить бедного моего зайца...

Да! Если был бы писателем, то рассказал бы, как спасал я несчастного зайца, целых 5 дней сусанил – таскал их по самым дебрям и развлекал стрельбой по бутылкам влет: смотрите, мол, а я могу сразу две бутылки на лету разбить из своей старенькой “тулки”...

– А не считается! – у тебя ствол на 5 см длиннее, чем у наших ружей...

В общем, - и т.д. и т.п.

**А ЗАЙЦА МНЕ ВСЕ ЖЕ УДАЛОСЬ
СПАСТИ!!!**

“ФИЛОСОФСКО- ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ” РАССУЖДЕНИЕ

о порядке и приоритетах в структуре человеческих ценностей

Всегда существует некая шкала ценностей: что сначала – что потом, что главное, что второстепенное...

Именно расстановка человеческих ценностей определяет поведение, как отдельного человека, так и нравы,

моральные установки, бытующие в обществе. Эти ценностные приоритеты, складываясь в систему, создают основу нашей нравственности.

Думаю, что если мы можем видеть, как обстоят дела с расстановкой ценностей и с количеством энергии-времени, отданном определенному уровню бытия, тогда всю картину человеческих ценностей можно изобразить в виде пирамиды – это обычное графическое построение, принятое в экологии. Получится “экосистема” человеческих ценностей по нравственной значимости и по затратам энергии-времени.

И пусть названия некоторых ценностей могут быть разными у народов и этнических групп с разной историей, культурой, религией. Но основные соотношения, как и в природных экосистемах, принимают форму закона и указывают путь дальнейшего развития.

Вот, например, в любой экосистеме продуцентов, которые синтезируют биоту, должно быть в десять раз больше, чем консументов – потребителей, а если число (масса) последних увеличится, то данному сообществу грозит деградация и гибель.

В человеческом же обществе мы наблюдаем все большую установку на потребление. Все для потребителя, чтобы удобней, проще, легче, приятней. У потребителя и мораль потребительская: вкусно – еще вкуснее, удобно – еще

удобней, комфорт, развлечения... Вся деятельность человека направлена на поиск удовольствия – своего и для себя.

Именно в такую ценностную шкалу вписываются наркотики, довершая ценностное крушение, окончательно переворачивая с ног на голову цель и смысл человеческого существования.

Какие плоды могут созреть, когда завершением всех дел, конечной, желанной целью становится – психическое состояние? И какая огромная разница между этими плодами субъективных удовольствий и плодом объективным – творением ума и рук человеческих.

Возьмем, например, произведение искусства.... Ведь это может быть такой шедевр, который является плодом культуры целого народа, предметом национальной гордости. А что его творец получил для собственного удовольствия, комфорта, развлечения? Вспомним о жизни Великих... Хорошо, что не потребительские ценности были желанной целью их деятельности, смыслом жизни.

“Скажи мне, молодец, ты от дела летаешь или дело пытаешь?” – так, кажется, баба-Яга спрашивала... Чтобы пытаться истинное дело, имеющее непреходящий и даже вечный смысл, мы должны построить правильную пирамиду для всех человеческих ценностей. Такую, чтобы все ее уровни были и на своих местах, и в гармоничном соотношении. Например, можно взять систему ценностей, данную

русским философом Николаем Лосским в его работе “Условия абсолютного добра”.

Во-первых, и в основании всего должна находится *сверхценность*. Чтобы ничего не перепутать, всегда помним о – *сверх* ценности, для Лосского это – Бог: “ищите прежде Царство Божья и Правды Его”.

Далее Н.Лосский утверждает, что все беды, все зло мира от перестановки ценностей. Например. Жизнь человека – ценность более высокого уровня, нежели деньги и мир вещей, и их нельзя соизмерять. А ведь меряют в современном мире, мы видим, что жизнь человека измеряют в деньгах и даже убивают из-за денег.

Душа человека – ценность другого, неизмеримо высшего уровня, чем тело. Да разве вы не помните: “Душа, не больше ли тела, а тело одежды...”

Итак, в начале высочайший уровень, сверхценность – Бог. Значит, предпочтение в стремлениях и во всей деятельности надо отдавать миру духовному. Потом – наша бессмертная душа. А уже потом – тело, но как храм Духа, высшее предназначение, тайна жизни, “благоговение перед жизнью”. И только в самую последнюю очередь – тело с его физическими нуждами и психическими состояниями, с его болезнями и здоровьем, а также – все многообразие окружающих нас вещей, где тоже есть выбор и цен-

ностные приоритеты: ведь ценностная шкала проявляется во всех наших делах и стремлениях, больших и малых.

И если в этой пирамиде ценностей мы что-нибудь поменяем местами, а мы уже меняем, то мыши съедят льва. Наши истинные ценности окажутся под ногами, и мы повернем свои дороги в сторону абсолютного зла и всяческой гибели человеческой.

Поистине, дьявольский соблазн получить удовольствие, пережить блаженство, не заслуженное делами. А как же совесть? Что это за блаженство, когда совесть не чиста? Ведь счастье и радость души возможны только с чистой совестью – совесть в том судья. Истинное, глубокое удовлетворение приходит, когда смысл найден, долг исполнен, дело сделано... А когда удовлетворение уже есть, то смысл, долг и дело обесцениваются, – и строится пирамида зла, где все вверх ногами...

Спасти или погибнуть – это наш выбор, каждого из нас. Чтобы жить, человечество, а значит, и каждый человек, должен осознать свою ответственность перед всей Жизнью. Нравственный вопрос должен быть задан снова, и ответ одного человека, как жить, для чего, что делать, а что – нет, может решить судьбу Мира. Ведь теперь без высших ценностей, без понимания смысла и цели своей собственной жизни – уже не

обойтись, перед реальностью глобальной экологической катастрофы это очевидно.

Кто ты есть, Человек Разумный? Каков ты, Человек? Тебя вопрошает вся природа земная, каждое живое существо, сколько их есть на всей Земле, ждет твоего ответа – жить или умереть...

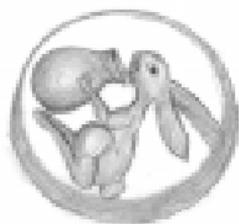
Теперь, от того, каков ты есть, зависит не только твоя личная судьба, – погибнешь ли ты навеки, или будешь Спасен, не только социально-общественное сосуществование человеческой популяции, со всеми бедами, несправедливостью, войнами, терроризмом и т.д., но и вся Жизнь на планете, и жизнь всех людей.

У каждого живого существа есть своя “стратегия выживания” – или быстрые ноги, или острые зубы... Человек использовал разум, что дало ему, вроде бы, неоспоримые преимущества. Он размножился необычайно, захватил всю планету, и даже стал, по словам В.Вернадского, мощной геологической силой, меняющей лик Земли. Но каждая стратегия выживания имеет и свои минусы, что часто заводит популяцию в тупик, а иногда приводит к гибели весь вид, например, если клыки слишком велики, как у саблезубого тигра.

Где сейчас Человек, в тупике или на краю гибели? Каждый из нас, людей, должен ответить. Спросите самого себя, где вы, куда вас завел ваш разум? Пусть

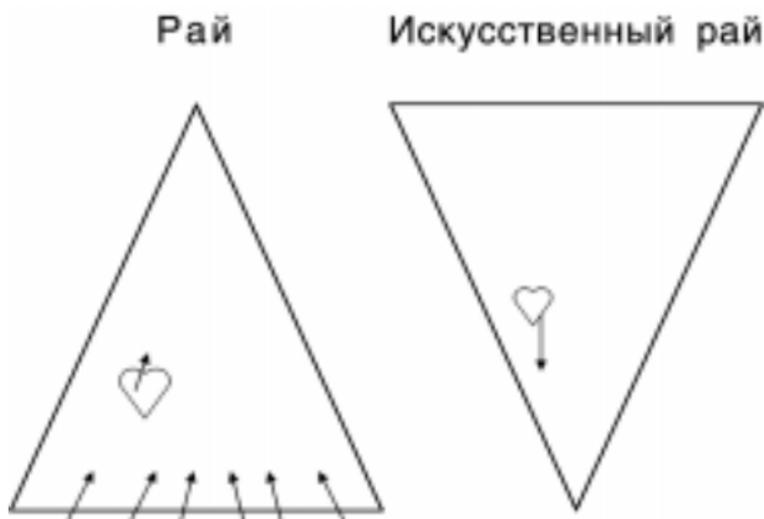
вам сейчас хорошо, и за будущее свое вы спокойны, но ваше спокойствие на какой чаше весов – ни на той ли, что к всеобщей гибели? Разве вы не знаете всех минусов разума, – и бомбы все разрушительней, и наркотики все сильней. Почему от подобия Божьего к сатанинскому безумию, почему не наоборот, ведь разум присутствует во всех делах, т.к. человек разумен.

Видимо, все дело в том, кому и чему он служит. Если только вашему благополучию, то мы погибнем. Разум, как стратегия выживания вида, изначально – антропоцентричен. Ныне ситуация такова, что с ней сможет справиться только эгоцентричный разум, который не будет врагом природы, тем более врагом своей собственной человеческой природы. Но что сможет переориентировать ваш разум на другие цели? Только другая высшая нравственность, когда вы забудете о собственном благополучии, и весь свой ум, и все свои силы посвятите спасению, истинному Спасению, чтобы ваша жизнь и Жизнь на планете “Земля” обрели вечный смысл в замысле Божественного Разума.

ПРАВИЛЬНАЯ И НЕПРАВИЛЬНАЯ ПИРАМИДА

как характеристика “экосистемы” –
Человек.

Прежде, чем комментировать данный рисунок, считаю необходимым сформулировать мою основную идею. Ведь комментарий может затянуться, т.к. затрагивает все возможные варианты человеческой жизни. Вы, наверное, помните, что все и всегда опирается на систему ценностей, а мои пирамиды наглядно иллюстрируют, как обстоят дела – от совершенно правильной до совершенно перевернутой пирамиды человеческих

ценностей. Что созерцают ваши глаза, красоту мира или химию тела? И что наполняет ваше сердце, и куда мы движемся, в высшие сферы или в гиену огненную? Ведь Огонь обязательно придет, и останется лишь то, что не горит.

Что не горит, что никогда не сгорит?

– *Высшие ценности не горят!*

Так вот, объективно существует спасительный парадокс, дело в том, что высшие ценности не только не горят, но и – ничего не стоят.

Господь Бог дарует нам бесплатно, безвозмездно и, что бы там ни говорили важные платежеспособные господа – за Радость, за Счастье, за Любовь, за свет Солнца заплатить нам нечем. А если они будут с вами спорить, то спросите их о цене (не знаю, как вы спросите, и что вы сами об этом думаете) на самую ценную ценность.

Ведь, чтобы построить правильную пирамиду, надо найти ту самую главную “сверхценность”. Например, для Серафима Саровского она есть – “Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого Божьего”.

Истинные ценности и цели известны, ответы даны, смыслы найдены, – есть культура, есть непрерывное движение мысли: мы знаем, как спасти нашу планету, и даже – как Марс заселить! Просто надо “силу военную превратить

в силу естествоиспытательскую” – есть ответы у Николая Федорова. И все другие русские философы, да и вся философия, искусство, наука – всегда искали, и нашли смыслы, ответы и цели. Культура есть, но Мир гибнет, и погибает Человек, потому что – бескультурие, потому что есть – антикультура, с такой извращенной ценностной структурой, что даже не экологу должно быть очевидным, она есть – агония, бессмысленные конвульсии жизни в объятиях смерти.

Выбирайте, на чьей вы стороне, кому, чему вы служите, чего хотите больше, меньше, где главное, где второстепенное...

Подумайте, не спешите, побудьте в одиночестве где-нибудь в лесах, в полях. Быть может, встретите там, наблюдающий за вами, внимательный серьезный взгляд какой-нибудь птицы малой, ведь теперь от вашего выбора зависит не одна только жизнь ваша, но и жизнь всей Жизни.

ИГРЫ ЗВЕЗДНЫЕ

Отец и Сын – мечи скрестили...
Мирить и мерить будет Дух...
А виноват всегда – Четвертый...
О, Игры Звездные!...

Четвертый – это гордыня, Пятый – это гортыква, а Шестой – горарбуз...

И т.д. – прочие овощи, фрукты и ягоды, которыми, – как говаривал Г.Гурджиев, – питается Луна.

Один я, я один, и Бог тоже один...

Вот мы и разговариваем друг с другом...

Люди научились считать и придумали магию чисел, которая бесконечно отделяет меня одного от одного Бога...

Один, два, три, а после четырех – непрерывный ряд чисел, и чем больше число, тем меньше его часть и место в едином космосе.

Куда уж мне, шестимиллиардному какой то энной планеты невесть какой галактики, до Единого, до Одного, до Первого...

Когда так много, как далеко до Бога!

Отсюда и появились все эти треугольники и пирамиды, я здесь среди многих внизу, на уровне десятизначных цифр, есть другие, кто с пятизначными номерами – они ходят выше, а кто-то считает себя совсем не большим числом – всего легион наверху...

Треугольник – символ магии. Маг создает пирамиду своих достижений и в треугольник вершиной вверх низводит треугольник вершиной вниз – символ встречных космических сил, получается – шестиконечная звезда...

Но пирамида всегда мала. И строят новую великую пирамиду: из простых разных людей вытесывают одинаковые кирпичи для основания, потом одинаковые – для второго уровня, все тщательнее обработанные и отшлифованные идут для пятого уровня, шестого...

Такова Вселенная вне Любви, где все – мерою и числом...

Камень неправильной формы не годится в дело каменщиков. Его попытаются подровнять и приспособить, но если он слишком тверд, то отбросят к другим таким же друг на друга не похожим камням.

Дело каменщиков – сравнять изначально неравных, скрепить цементом власти, и тогда встанет на вершине пирамиды СВЕРХЧЕЛОВЕК...

Первый аркан Тарота: этот маг или супермен правую руку с палочкой поднял к небу, а левую опустил вниз. Правой берет – так прямо и говорится – собственной властью, символ – палка, а левой сбрасывает нам то, что уже кушал сам...

Но! Следуя и дальше – арифметическому принципу – мы увидим, что любой такой сверхчеловек – только кирпичик в основании другой пирамиды с множеством уровней...

А до Бога все так же бесконечно далеко...

Почему же тогда лезут вверх, карабкаются, такие усилия прилагают?

Исключительно ради того, чтобы отбрасывать тень треугольной формы на тех, кто внизу. Как можно стать важным, если важен только Свет?

Заслонить Свет собой. И чем больше будет тень, тем больше – власти и величия. Затмить собой других... Когда все стремятся затмить друг друга, – тьма получается непроглядная...

Люди хотят считать и мерить. Но никто не может соизмерить себя с Богом, и поэтому соизмеряют друг с другом...

– СОРЕВНОВАНИЕ, “тараканьи бега”, кто больше, кто сильнее...

Бывают соревнования – кто меньший: гонки на звание самого смиренного, самого доброго...

Как ни прекрасны смирение и доброта, но, когда в них соревнуются, – возникает множественность. Стоит принять участие в любом беге, тем боле – к совершенству, и уже готово твое место во Вселенной, и выражается оно весьма большим числом, гораздо меньше единицы...

Когда много – далеко до Бога.

К Одному близок только Один, и кроме – есть Третий, который делает эту близость полной и совершенной.

Мы же досчитались до огромных чисел, деля части на более мелкие части. И все делим и делим неделимый Дух.

Быть четвертым или пятым, или шес-

тым... – значит вовсе не быть, не иметь истинного бытия.

Четвертый – зло...

Считать себя кем-то и каким-то, и вообще считать себя – это гордыня. А гордыня – это такая дыня, которой питается Луна.

Дело в том, что в мире, который единое целое, все воспринимаемые нами вещи – части частей; вся кажущаяся множественность – это нестабильные узелки-сгустки единого движения-потока. Отождествляясь с любой частью, мы становимся пищей для соседнего образования-сгустка.

И всегда будем питаться за чужой счет, и кормить чужих – пока делим на свое и чужое.

Практически для человека, если правильно мыслить, – все не его, все не наше, все не мое...

В гордыне мы произносим “Я”, “Мое”, имея в виду некую часть единого космоса, и тут же видим, что эта часть полностью обусловлена окружающим миром, и существует какая-нибудь ЛУНА, которая ее – мы думаем, что нас – кушает.

Надо не быть частью, исключить себя из всех структур, – надо отдать все, что мне не принадлежит! Один – я – я – один.

Например, слова, с помощью которых я пытаюсь выразить мою идею, принадлежат Русскому языку – некой в себе связанной системе символов, тож-

дественной мыслимому миру. Используя язык, я улавливаю уже существующей структурой, которая есть частное представление о мире наших людей в наше время.

Бог дает все и говорит: “Вот!” – а люди говорят: “Вот я – вот ты, вот мое – вот твое, вот наше – вот ваше...” Я поверил людям, и возник мир со всеми его сложностями... Теперь я верю в Бога, и Богу верю... Есть ВЕРА, но осталось и недоверие... Весь мир – это мое недоверие...

Надо бы убрать веру из всего множества вещей, – пусть ничего не будет. И отдать всю Веру – целиком Богу.

Это так интересно и весело – сомневаться во всем на свете. Только бы в Боге не усомниться! А то снова придется, внимая всякому вздору, стоять на ушах, ходить на голове по дорогам заведомо ложных мыслей...

Мой Бог не деспот, не начальник, не мент... Он больше всех, больше бесконечности, но не хочет быть больше простой ЕДИНИЦЫ. И поэтому мои с ним отношения тоже выражаются очень простой формулой – “Один не равен одному”. Перечеркнутое равенство – КРЕСТ.

Это символ Божественной Любви, соединяющей напрямую, преодолевающей любые расстояния, разрушающей ненужные пирамиды и ложные структуры.

Равенства не существует, но существует Любовь и глубоко индивидуальные отношения одного с ОДНИМ.

Кстати, не только изначально, но и в реальном окружающем мире – нет равенства. Нигде нет такого одного, для которого можно найти другого, ему равного. Всегда и всюду – один не равен одному, для любых вещей и объектов.

Чтобы начать считать и перейти к абстрактному числу, где допускается невозможное – $(1=1)$, и даже – $(2=2)$, мы пренебрегли самым ценным – уникальностью и неповторимостью всего сущего. Если теперь нам видится что-то одинаковым – равным, то это только по недостатку Любви, без которой решили обойтись, начав складывать и делить.

Любовь знает, что смысл бытия в неодинаковости, в отличии одного неповторимого мгновения от другого, одной уникальной точки пространства-времени от другой...

Понимание! – психический феномен: если задача действительно решена, мы это знаем точно, потому что приходит радость, восторг и полная уверенность. Когда я понял смысл креста, то ударил Свет, который остановил движение ума, началось совсем другое движение, а мой ум приобрел свойства кристалла...

И в центре Креста
Вспыхнул кристалл,
Несокрушимый алмаз –
ДУХ ЧИСТЫХ ГЛАЗ...

Причиной блаженного нерушимого покоя и абсолютного бесстрашия было – пламя, лесным пожаром бушевавшее в груди. Жаркий мощный огонь вызывал неземное наслаждение, стена живого танцующего пламени, надежно от всего защищая, окружала мое ликующее сердце.

Небывалая ясность сознания омывала глаза...

Это – кристалл! Чистый, прозрачный, драгоценный алмаз. И было у него такое великое свойство: все входящее, то, что я видел и слышал, мгновенно становилось прекрасным, – так проявлялась его сила, в этом была его работа. Он исправлял и просветлял все, на что бы я ни посмотрел.

Длилось непрерывное чудо – при мне и через меня Дух творил Красоту. Я весь был открытым незамутненным глазом, через который Дух тек в Мир, или Мир перетекал в Дух...

Я не могу объяснить это живое мощное разумное движение, свидетелем которого был.

Но приходят и идут искушения, новые впечатления, разговоры, приключения... Как только в систему включаются новые параметры, детали, которые она уже не может вместить, не меняясь –

снова хаос и тьма, и мучительный поиск... Ведь приходится собирать уже другой кубик уже другого Рубика...

Кристалл теряет прочность, становится жидким. Уже не свет в нем играет, а он сам медленно, с трудом реагирует, болезненно меняя форму...

Дух любит Мир и хочет войти в него...

Но на пути Света становится лживая система, ложная структура, да не одна, а многие – уровни пирамиды, – и каждая отбрасывает тень – все гуще, все чернее...

А во тьме разводятся уродства и страдания...

Дух только наблюдает: движущая сила систем – их собственные страдания, которые суть – несоответствие и неравновесие части с другими частями и с целым.

Но Дух хочет истинного порядка...

Есть такая детская игра – “холодно – горячо”: прячут что-нибудь, а ты ищешь... Когда идешь не туда, кричат: “Холодно!” Когда приближаешься: “Тепло!” – потом: “Горячо, жарко!” А перед тем, как найти: “Обожжешься!”

Вот бы обжечься! “Обожиться”...

Когда система-структура встает в наилучшее для нее положение, Дух

говорит: “Да!” – и нет предела Радости, Блаженству и Любви. Окончательный порядок Дух наводит сам, – и такие творит чудеса...

Если бы не хаос вокруг, если бы не недоверие, то я... То есть, система, о которой идет речь, не страдала бы снова и так ужасно – ведь кошмар несоответствия понимается только в сравнении.

Страдание уйдет из мира лишь тогда, когда весь он и во всех своих частях примет идеальную форму, столь же идеальную, как идеален Творец.

Гениальный художник творит прекрасное – идеальный Творец творит саму Красоту. Красота показывает нам, каков Творец.

Красота вызывает напряжение Духа, а напряжение Духа удерживает Красоту.

И камни застыли,
восхищенные красотой друг друга.
А в Греческом зале,
Достигнув красоты и совершенства,
Они задумались...
Когда додумают, то глубоко вздохнут
И выйдут из музея.

Диалог продолжается, “Один не равен одному”, – всегда есть, о чем поговорить...

Пусть ОДИН неизмеримо высоко, а другой – глубоко внизу, но их соединяет двойной поток – туда и обратно –

двойная мысль... Разделяющий и соединяющий Дух тоже имеет, как бы два реагирующих и регистрирующих потока – мы тоже творим мир... По всему этому мое уравнение: “ОДИН не равен ОДНОМУ” – и получило форму КРЕСТА...

КРЕСТ – символ ИСТИНЫ, побеждающей страх, страдание и разобщенность с Богом.

Иисус Христос!

Быть Одним – значит быть в Нем. Человек может быть Богом, так как Богочеловек уже есть – свершилось!

Вот и получается, что все мое новое знание, которое я приобрел за годы поиска истины, выражается двумя словами:

– Христос Воскрес!

Наконец-то дошло...

Материя полностью подчиняется Духу, т.к. никакой такой отдельной материи нет, – есть Дух, удерживающий форму-структуру, возникшую в результате беседы Отца и Сына. Мир Словом был сотворен, Словом удерживается, Словом создается заново каждое мгновение...

“Звук-удар, еще один, и еще...” – это импульсы, творящие мир...

Бьется и бьется Сердце Мира... И каждый познанный миг сменяется новым твореньем, не иначе, как через Бога и Его Слово: все и всегда – по воле Божьей.

АМБА

Слово

Мы все СПАСИТЕЛИ,
 коль ИСКРА есть –
Частица малая
 БЕССМЕРТНОГО ОГНЯ!
Что осветит –
 достойно ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ,
Что не спасем –
 погибнет навсегда...

Я думаю, что конечный смысл творчества – защитить своего Бога...

Каков в нас Бог, таково и наше творчество...

Ты, художник, писатель, поэт, выносишь на свет самое свое сокровенное – своего Бога. И один Бог, который ЕСТЬ, будет судить твое творчество...

Достаточно ли *твой* Бог хорош для Вечности, для Бесконечности и для того, чтобы в тебе, в человеке, найти *высшую бессмертную необходимость?*

Надежным и острым я буду кинжалом
В Твоей руке, Господи! –
Не дай мне ржаветь.

Все! Амба! – Тигр пришел, большой страшный, большими буквами – АМБА!

Апология... – слово в защиту моего Бога

Моя обида копилась годами, осаждаясь понемногу после каждого нашего разговора. Ведь я всегда пытался говорить с вами о самом главном, о Боге, и каждый раз...

И вот настал момент, когда эта горечь просочилась куда-то глубже и задела, как говорится, за самое живое. Сердце мое горело, я рычал как тигр, и начал писать это отчаянное крайнее сочинение в защиту моего Бога. Что же делать, если даже самые близкие друзья не хотят понимать и думать дальше?!

Я помню все наши разговоры от самых первых слов, и все несказанное – помню! Я пишу сейчас, потому что не сказал тогда, не осмелился вслух... Но оказалось, что и здесь, в моей “философии”, чтобы сказать, – нужна беспощадность...

Давайте, Друзья, не будем останавливаться, а будем думать дальше, и – главное! – думать надо сейчас, немедленно. *Прошлое и будущее известно, не известно – настоящее.*

Второй вопрос

Бог есть! Наконец-то договорились, ударили по рукам и чокнулись, и выпили. Как хорошо, как приятно! Теперь можно

быстро, ведь вы не боитесь быстрой езды?

“Какой же русский не любит быстрой езды!”

Благословенно время, когда рушится все привычное, есть шанс найти опору истинную. “Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...”

А тому, кто, несмотря на вопль неистового Виссариона, ходил обедать, так и не ответив на первый вопрос, и теперь, икая и ковыряясь в зубах, пытается понять, о чем речь, я советую вовсе не садиться в эту “легонькую бричку”...

Я пишу, обращаясь к людям, с которыми так долго говорил о Боге. Я мыслю человека, который, после всех сомнений и мук, после напряженной борьбы, окончательно и бесповоротно сказал – ДА! Ведь время уже послеобеденное...

Главный момент, с которого начинается путь постижения, это когда человек окончательно и бесповоротно скажет:

Бог есть!

Только тогда возможна дорога, на которой нас ждет та самая, “как пух легенькая бричка” и дивные кони...

“Эх, тройка! Птица-тройка...”

Дальше можно быстро, т.к. есть дорога, и есть несомненное беспредельное движение. Но, чтобы эти кони

рванулись и понесли вперед, надо задать второй вопрос: *Каков Бог?*

На первый вопрос мы ответили, – Бог есть! а теперь – КАКОВ ОН ЕСТЬ? Как? Где? Почему?...

Каков Бог?

Спросите у прекрасной мечты, у сокровенного желания, у самого глубокого чаянья вашего сердца...

И рванутся кони, начнется постижение – светлый стремительный полет, потому что ответ есть, – есть это “наводящее ужас движение”...

Бесконечная творческая энергия, неисчерпаемый источник Любви – вот ответы на любые вопросы... Бог есть! А что дальше, а вывод?

Я, например, знаю такие простые, но такие волшебные слова: *здесь, теперь, сейчас...*

**Бог есть –
здесь, теперь, сейчас.**

Надо найти самое глубокое, настоящее, истинное...

Самое мое субъективное! – оно и будет –

САМОЕ ОБЪЕКТИВНОЕ

Ведь во всем внешнем человек является только частью, – частью частей, а часть всегда субъективна, и только во внутреннем единстве с ЦЕЛЫМ, мы обретаем объективность.

Где оно – мое? Самое абсолютное – только мое?

МЕДИТАЦИЯ

Я собрался говорить о самом важном, думал поделиться с Вами наиболее ценным, что у меня есть...

Но, если нет вина – истинного содержания, то остается одна – пустая тара.

У меня есть множество пустых вещей: мысли, образы, воспоминания...

Книги пылятся на полках. Модели Вселенной, концепции Мироздания, как старые надоевшие игрушки, валяются на полу.

Я сижу посередине моей комнаты, окна занавешены, дверь закрыта, – и в этой комнате – ВЕСЬ МИР! Все прошлое помещается в ней, все мечты и представления о будущем где-то здесь – в углах этой комнаты. Все огромные пространства, далекие времена, космические расстояния – всему хватает места...

Я знаю, что ничто никуда не денется, мое тело спокойно сидит в кресле...

А тот я, который может заняться то одной вещью, то другой, сейчас ничем не занят, ни на что конкретно не смотрит. И поэтому пребывает в некой середине, из которой можно видеть все одинаково близко, если смотреть, не выбирая и не приближаясь, – смотреть особым боковым зрением, которое видит все сразу, пусть нечетко, но в полном объеме и во все стороны.

Я знаю мою комнату: где какие картинки, где какие игрушки... Пока я ими не занят, сами они не шевелятся, остаются такими же и на прежних местах. Мне надоело переставлять! Пусть все будет так, как оно есть.

Все слова, все мои возможные фразы я слышу одновременно, каким-то особым “боковым слухом” и стараюсь ничего не выделять из общего шума.

Я...

“Я” – это тоже всего лишь слово, за которым образы, представления, воспоминания... – можно сдвинуть, убрать из середины, а его составляющие развесить по стенам, расставить по углам...

И тогда в центре комнаты останется один только воздух, – ничем не занятое сознание – *содержание, лишенное формы.*

Можно ли отделить содержание от формы? Ведь соотношение не постоянно, и мы это прекрасно чувствуем: то

множество форм, и так мало в них содержания, то одна-две формы и – бездна содержания! Наверное, и весь мир – есть некая соразмерность между содержанием и формой. А бесконечность форм Вселенной вызвана бесконечностью содержания.

Математики говорят, что две бесконечности могут соотноситься друг с другом... Если их соотношение меняется, то, в нашем случае, меняется качество и количество, – и движется все Творение.

Думаю, что может происходить как бы два вида движения...

Первое, когда содержание пытается исчерпать себя все новыми и разными формами, идет творение все большего числа вещей – количество. А направление такого движения – инволюция.

Второе, когда некая форма вмещает в себя все большее содержание – эволюция. И вот появилась одна – совершенная, абсолютно прекрасная форма...

И вместила она все бесконечное содержание. Может быть, это одно СЛОВО, но несущее в себе всю Жизнь Мира...

Есть некое духовное содержание, наполнение, которое мы чувствуем во всех вещах. Его может быть меньше или больше, но, как правило, мы видим одинаково – “согласованная реальность”. Поэтому так трудно передать новое чувство содержания, когда в какой-нибудь

вещи мы открываем вдруг большую глубину. Всегда приходится учитывать некое определенное для всех соотношение количества и качества, формы и содержания. Ведь отношение к миру, наше представление о нем и наше в нем поведение, опирается на эту постоянную среднюю величину. На самом деле, соотношение не постоянно, всегда существуют колебания, которые бывают очень сильными...

Что происходит, когда ограниченное количество вмещает в себя все большее, стремящееся к бесконечности качество? Страннейшие истории происходят тогда, и долго потом приходится разбираться...

Человек может вести себя удивительно, совершенно необъяснимо с точки зрения обычного мировоззрения...

Ведь если соотношение формы и содержания изменится, то и вся картина мира станет другой.

Почему-то считается, что ценность ума в его загруженности, сказывается привычка ценить количество (считать деньги), – бедный ум! Все новые факты, идеи, информация и информация – все какое-то неосмысленное, не усвоенное, в каком-то полупереваренном виде, и уже привычные беды от привычного переедания...

И заметьте, чем ниже качество вещей (идей, мыслей), тем с большей охотой их раздают. Всякие ненужные вещи всегда всучивают самым наглým образом,

вторгаясь и мучая. Не имея истинных ценностей, создают мнимые – через пропаганду, рекламу...

Внимание! Все наоборот. Самый ценный ум – пустой ум. То есть не занятый сам собой, и поэтому готовый действовать, решать, помогать...

Что не дает вам жить? Хорошо бы раз и навсегда разрешить “проблему” и пойти вместе встречать Солнце. Долго ли вы сможете любоваться Природой и переносить это беззаботное состояние? Почему человек, избавившись от одной заботы, тут же находит другую?

А ведь как прекрасны моменты, когда, освобождаясь от своего частного, ум открывается **ВСЕОБЩЕМУ!**

КРАСОТА – это такое **ВИНО**, даром и сколько угодно. Вот восходит Солнце, наливай, пей, если есть тара...

Но! Тары нету. Почему нет пустых сосудов, почему люди переполнены собой? Как там у Лермонтова?

“Тот самый человек пустой, кто весь заполнен сам собой”.

Может быть, природа и не терпит пустоты, но человек! Ради **КРАСОТЫ** мог бы и потерпеть. И создать в себе необходимую **СВЯЩЕННУЮ ПУСТОТУ**.

Где то **ВИНО**, которое утолит жажду? Где, тот **СОСУД** прекрасный, чистый, который вместит **ИСТИНУ** – Живую, Всемогущую, Все ведающую, готовую

прийти на помощь и мгновенно решить любую “проблему”, что бы ничто не мешало любоваться Солнцем?

Хорошо видеть Солнце мне удается во время глубокого напряженного вдоха, когда смотрю прямо в него, тараша глаза, которые тоже вдыхают, но свет!

И этот дивный цвет зеленый...

Но это уже не медитация, а концентрация...

Покой и сумрак зеленый,
Тихо журчит река,
Сверкая звездной попоной,
Качаются ночи бока.

Где вы, близкие, милые?
Здесь берег какой реки?
Зеленым все заклубило,
Все близкие так далеки...

Ваших улыбок осколки,
Эхо ваших слов... –
Блики, пляшут иголки
На экране снов.

Все тонет в образах странных,
В росписях древних попон...
Один за другим караваны –
Сон и снова сон.

Вы читали книги о жизни после смерти...

Вы даже говорили мне, что не боитесь смерти, т.к. там будет лучше...

Быть готовым к смерти, надеясь на жизнь после смерти... – это смерть с маленькой буквы. Это значит – откладывать встречу с Богом куда-то в бесконечность.

А если Смерть с большой буквы – это Огонь Правды Божьей...

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Справедливость есть! – т.к. есть Бог, она торжествует всегда и всюду, совершенная, абсолютная...

Чтобы в этом убедиться, достаточно ответить все на тот же вопрос – каков Бог?

Сначала – Бог есть! А потом, – а дальше, – каков Он? Искренний ответ находится в глубине сердца, это результат и напряженных раздумий, и страстного переживания. Это горячий ответ: и сердце горит, и голова, он не вызывает сомнений, он стал пониманием – нерушимым внутренним достоянием.

Живое присутствие в душе этого ответа и дает право отвечать на такие вопросы, ведь моему знанию – каков Бог, не противоречит только то, что – справедливость есть! Это вне всяких сомнений, а вот как она осуществляется? Я думаю, что существует как бы два способа примирения...

В каждый момент времени, в каждом событии осуществляется Божественная справедливость. Что бы ни происходило, если глубоко всей душой мы сопереживаем... Главное, не быть внешним оценивающим наблюдателем, ведь справедливость это то, что касается лично нас.

Все дело во взаимоотношениях. В Космосе нет ничего безличного, никаких безличных сил. Сначала есть кто-то, потом его излучение, самовыражение, и в результате – форма, действие...

Получается, что всегда за все кто-то в ответе. И чтобы его понять, чтобы его простить, чтобы его полюбить, и вместе с ним Бога, – довольно единого мига.

А вот если был пропущен мгновенный ответ, то справедливость восторжествует во времени. Не сейчас, так потом, не в этой жизни, значит, в другой...

И, без сомнения, есть Ад и Рай, ведь главное – справедливость, которая обязательно должна осуществиться. А все другие миры, измерения... Да, сколько угодно, до полного всеобщего удовлетворения.

ХОЧУ!

Чего ты хочешь? Нет страшнее вопроса. И жалок, и мелок, и смешон

любой ответ. Вот придет Всемогуший Господь и спросит...

Насилие, ненависть, войны... – и все, что мы называем злом, происходит от раздирающего мир вопля: “Хочу!”

Будем смотреть вглубь, в корень, ведь, когда перед Богом... Что останется от всех наших “хочу”? Может мы в праве сказать: “Хочу любить!” или “Хочу счастья”, или даже: “Хочу Бога”?

Или, выражаясь поэтическим языком капитана Лебядкина: “Законных жажду наслаждений”...

Если мы так и скажем, то – бездна! Страшная темная пропасть...

Я долго стоял на краю и знаю, что “хочу” и “люблю” исключают друг друга, их нельзя соединить. Всегда одно из двух: или – хочу, или – люблю, или без Бога, или с Богом.

Бог есть! – значит, Он есть здесь, теперь, сейчас. Настоящая Вера не ждет и не вспоминает, а молится сейчас, кто любит, тот любит здесь, теперь, немедленно...

А как же жажда, жажда духовная? Жаждешь? – Пей! Надо шагнуть в пропасть, от – “хочу” к – “Люблю!” Пусть нет пути, но есть – Милость Божья.

И когда идешь над бездной, то уже невозможно хотеть, ничего нет, – ничего важного, кроме молитвы.

Господи, помилуй!

ДАВАЙТЕ ДУМАТЬ ВВЕРХ!

В этом лесу мыслей наш ум, как обезьяна, скачет с дерева на дерево, то вверх, то вниз. В Индии ум так и называют – Чита...

Лучше уж быть бабочкой, чем философом, ведь главное – подняться вверх. Давайте будем думать вверх!

Это очень просто, первое мы уже сделали: сказали, что – Бог есть! А теперь и дальше, при каждом выборе мысли и самого пути размышления, будем основываться и исходить из того, что – Бог есть. Тогда мысль будет подниматься в Небо и там, в вышине раскроется прекрасным цветком...

Чем выше мы поднимаемся, тем больше света, тем подвижнее, тоньше и совершеннее мысль. И вот, достигая Неба, мы говорим единственно верные слова...

А дальше – цветы: живые, божественно прекрасные... Их нельзя сорвать и перенести сюда, под полог леса, – они увянут, я пробовал, останутся тени...

Но художник, видевший эти цветы там, попытается вырастить их здесь...

А еще выше, над цветами – атмосфера – последняя защита от ослепительного Света. Ведь только КРАСОТА, которая над нами, защищает нас от ГЛАЗ, не терпящих уродства и лжи.

И после любых, самых прекрасных и правильных слов, есть еще минимум два

слова, без которых никакая правда не
выдержит Его Взгляда...

Господи, благослови!

И вот, я дерзаю...

Писать стихи –

 ко Дню Рождения Лермонтова

И кричать, что я не боюсь

Огненного Меча Михаила...

Как мрачно небо на закате! –

Там туча дыбится – черна...

Торопит ночь горбатая спина, –

Как будто тьмы для Зла не хватит...

Но Солнце вдруг –

 о, яростная сила! –

Ударило над краем тучи,

Огнем и Красотой могучей –

Мечом Архистратига Михаила.

Над тьмой клинок –

 знаменье битвы! –

Сияет Истиной над ложью...

Жил миг, но Правдой Божьей!

И был грозой ужасной скрытый...

Вонзился метеором в тушу

Чудовища людского зла...

Сгорел, оставил нам – слова...

О, искры! – проникайте в души!

ЧУДО

Миром движет сопротивление Любви.
Отсутствие сопротивления – Чудо!

Все, что делает Любовь, это – Чудо,
ведь нет другого способа делать без
насилия, вне насилия...

А всякие дела небывалые, необъяс-
нимые, тем более, если они уродливы –
вторжение. Дела бесовские – волевое
нарушение законов, и тогда “чудо” –
еще худшее насилие.

*Чудо! – это очень просто:
не сопротивляйтесь Богу, – и будет...*

Но загвоздка в том, что Бог придумает
Чудо почудесней всех наших смелых
фантазий... Мы же хотим своего Чуда
и своих чудес, всяких там – парапси-
хических...

Чем больше хотим, тем больше наше
сопротивление... И возникает – ВРЕМЯ.

Время – это мера нашего сопротив-
ления Богу.

Две тысячи лет –

СОПРОТИВЛЕНИЕ...

Вместо Любви – ВРЕМЯ, вместо
Блаженства – СТРАДАНИЕ...

НОВОЕ

Почему материал, из которого соз-
дается нечто новое, сопротивляется –

проявляет упрямство, своеволие, инерцию?

Наверное, потому, что материал, да и сама материя – Божественны. Это Дух, удерживающий уже созданную форму. Ничто чуждое Богу не смогло бы выдержать прикосновение Его Руки...

Но движение есть, весь Космос в движении... ТВОРЧЕСТВО продолжается!

А смысл, а причина?

Возможно НОВОЕ! Не то новое – забытое старое (ничто не забыто, в чем есть смысл), а новое – абсолютно новое! Оно – смысл движения, смысл любого изменения...

И это НОВОЕ – АБСОЛЮТНО НОВОЕ, и есть – СМЫСЛ СТРАДАНИЯ.

СВОБОДА

Бог дал человеку свободу воли...

Никакой свободы воли у машины нет, у системы, у структуры, у твари... Здесь будущее полностью определено прошлым, – все можно просчитать наперед, достаточно знать параметры...

Человек свободен, когда в нем Бог, свобода дана для проявления Божественного начала, и ОНО есть в человеке, раз воля свободна.

Сколько Бога – столько и свободы.

Богу нужен Бог, и на меньшее Он вряд ли согласится...

Бог творит Сам Себя...

Человек – существо сложное, в нем так много всего разного, и все имеет свои собственные желания...

Кому дать свободу – желудку? Ясно, что такая свобода не доведет до добра...

Свобода для человека не есть хаос из всех его противоречивых желаний и хотений. В человеке должна быть четкая иерархия ценностей. И первая сверхценность – Бог. Поэтому, свобода для человека – это, прежде всего, –

Свобода Богу!

Моя метафизика – это движение ума навстречу сердцу.

Построения ума проверяются чаянием сердца, сокровенным желанием...

Ведь в сердце – ВЕРА! – Воспоминание о БОГЕ...

Я думаю, что в Мир, к своему творению, Бог приходит изнутри, через человека, через наш разум, наше самосознание... Поэтому и возникает уникальность “я” для самого себя...

Изнутри из глубин приходит Бог, чтобы посмотреть на свое Творение...

Он смотрит через наш ум, через наше чувство, через все наше существо...

Ему нужен совершенный Человек, прозрачный, как кристалл – АЛМАЗ! Надо убрать с дороги все мутное, грязное, частное, глупое, все личностные перекосы...

Чем лучше Бог видит, тем больше ЕГО здесь, сейчас! И ОН проявляет Свои абсолютные свойства: и всемогущество, и всеведение...

Хотите знать – каков Бог? Не мешайте ЕМУ смотреть!

ПРАВДА

Существует своя, личная правда, та единственная, которую человек получает от пережитого, осмысленного, прошедшего через душу события. А есть не своя, чужая правда о мире, о том, что в нем происходит, о закономерностях, и прочее – то, что нам рассказывают...

Они-то пережили сами, эти рассказчики, то, о чем говорят?

Как правило, так называемая объективная правда – есть самое пошрое и общее толкование событий. Все бездумные безумные суждения происходят от “фактов”, которые не прошли через сердце и разум человека. Истинный наблюдатель – не тот, кто смотрит со стороны и безучастно: ведь самый истин-

ный наблюдатель – Дух Божий, который находится всюду и в центре всех событий...

Только ЕМУ принадлежит БЫТИЕ, а нам – настолько, насколько мы приобщены – событие. Видеть бы Руку Божью и участвовать в Его Бытии – вот истинное событие! Если с Богом, то вся жизнь была бы – одно прекрасное событие.

А мы держимся за безбожную уродливую правду, с такой же силой, как за свое “я”. Вас не удивляет, почему человек чтит за правду нечто ужасное, страшное, ввергающее в отчаяние, не дающее дышать? Из-за уважения к другим людям, к их правде? Но почему такое неуважение к Богу и к Его Правде?...

Существует Правда Божья, единственно настоящая, вне споров и сомнений – ЛУЧШАЯ ПРАВДА.

Что я могу сказать о Правде Божьей?

Помню, я так долго и мучительно размышлял о грехе...

А куда грехи деваются, когда ОН их прощает? Как это ОН несет все наши грехи?

И вот однажды, когда Бог принял мое раскаяние, тогда, когда я так быстро бежал, – уж если в прошлой жизни и был верблюдом, то, конечно, дромедаром: дромус камелус – быстро бегающий верблюд.

Тогда!..

Тогда я так быстро бежал, потому что меня ждали ВСЕ ЛЮДИ, а ждали потому, что без меня не могла осуществиться Всеобщая Радость, судьба Вселенной зависела от одного меня. Я был самым последним, самым негодным пассажиром, из-за которого стоял ВЕСЬ ПОЕЗД. Но меня ждали, – ждали, потому что я понял:

*Все плохое в Мире
только из-за меня одного!*

И – бежал, как дромедар...

Я понял, что Всемогущий Творец может не только прошлое переделать, но и всю Вселенную, в единый миг, создать заново – новую, прекрасную и совершенную...

И Поезд уже гудел, и ВСЕ пришло в движение – НОВОЕ ТВОРЕНИЕ НАЧИНАЛОСЬ...

Вот я и бежал, чтобы успеть, бросив все свое ЗЛО и, разбрасывая на бегу оставшееся ДОБРО, чтобы было легче бежать...

И когда не осталось моей правды, а вместе с ней – и моего “Я”, тогда пришла ПРАВДА БОЖЬЯ, и мое бытие в НЕЙ было – величайшим моим СОБЫТИЕМ.

Целый ДЕНЬ – одно Событие...

Есть новая чудесная жизнь в новой совершенной Вселенной, где найдется место и для нас, со всеми нашими потрохами, если мы оставим свою и чужую правду, какой бы важной она нам ни казалась, как бы ни была нам дорога, – оставим и скажем:

Господи! да будет ПРАВДА ТВОЯ!

Ведь есть – БОЖЬЯ ПРАВДА!
Которая несравненно лучше даже самой фантастической и смелой мечты...

Я всегда любил мечтать, фантазировать...

А еще, я всегда рассказывал легенды о моих друзьях, – такие красивые необычные истории, где и сам я – герой легенды...

Помните наши восхождения в горы и сплавы по рекам, рекордные переходы, скитанья в лесах, землянку на Илети? А сколько действительно чудесного и удивительного случилось с нами за это совместное путешествие, которое я называю – Самый Большой Поход!

Почему так живучи легенды и мифы? Почему искусство? Почему есть стремление рассказывать о жизни, переосмысливать жизнь, пытаюсь отыскать то ГЛАВНОЕ, что устоит и перед самой ВЕЧНОСТЬЮ. Откуда это стремление

создавать ценности, шедевры, придумывать абсолютные истины и незыблемые законы?

Вот придет Всемогуший Господь, ХОЗЯИН и ТВОРЕЦ Мира, что тогда соизмерит нас с Бесконечным? Какая наша форма или формула, какая идея или мысль, какая – наша правда? Вот придет Всемогушая Радость, Любовь и Правда, – куда тогда мы денем наш злобный мир?!

И, наверное, мы правильно делаем, что творим прекрасное, мечтаем на полную катушку, фантазируем возвышенно. И во всем, что происходит, ищем глубочайший космический смысл.

Добро легче, чем зло, и будет, что раздавать на бегу...

Давайте создадим, напрягая все силы, такую нашу правду, которую будет не так стыдно отдать за Истину!

КОГДА ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП

Китам ковчег не нужен

Была такая статья, кажется, в журнале “Знание – Сила”, о том, что мыши неделями жили под водой и водой дышали при давлении в 200 атмосфер. Это соответствует глубине в 2 км, там, наверное, можно жить, вдыхая воду, ведь – парциальное давление...

Представьте, утонул человек, – сколько утонуло на такой и большей глубине за время мореплавания? – и не умер, очнулся на дне, дышит, все помнит...

И вот, идет он по дну морскому, ведь надо что-то делать, если живой...

И вдруг...

А там, еще дальше, еще что-то светится и мерцает. Да это целый город, и люди уже идут или плывут к нему навстречу...

И так далее – научно-фантастический роман, который я не стал писать...

Мне сейчас не до романа, – о самом наболевшем, о самом главном, хоть как-нибудь, сумею бы рассказать...

Многие говорят, что знают: и как жизнь прожить, и что делать, и кто виноват...

Я не знаю ни путей, ни способов. Однажды посетившая меня Благодать ушла куда-то за пределы этого мира. И я тоже хочу туда, не знаю куда. Но пока Она была со мной, я успел кое-что понять. И это есть – мое истинное достояние, которое никто не отнимет, и которое всегда работает...

Главное – понимание! Если, например, человек понял, что нельзя воровать, то он уже не украдет, если человек понял, что нельзя убивать...

Мы можем многое знать, о многом рассуждать, но, поступать мы будем, – соответственно своему пониманию.

И как печально видеть, что до сих пор еще не поняты самые простые вещи!

Вся эта толпа торгующих, но ничего не созидających... Что они уже поняли?

А ведь Господу не все равно...

Всевидящий, Всезнающий, Он попускает, и не отнимает свободы воли, но! – Всемирный Потоп!

Мы видим и радугу в небе, и помним, что “не будет более вода потопом на истребление всякой плоти”...

И все же Мир тонет, и дышать все труднее.

Все корни и основания уже затоплены, все истинные ценности брошены и лежат на дне.

Мир затопляет некая субстанция, от которой все бегут в паническом ужасе. И лезут по головам друг друга – туда, на поверхность сознания, где, не смея глубоко думать, скученные, ненавидящие, они, чтобы отвлечься от ужаса своего положения, – безумствуют...

Эта субстанция не вода, но она Божественного происхождения, поэтому и вызывает ужас панический. Бог попускает, но далеко не равнодушен к тому, что мы творим. И в ответ на безобразие изливает Печаль, – “разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились”.

Печаль! Всюду Печаль,

ОКЕАН Печали...

А над бескрайними просторами, тут и там, торчат острова Сухой Злобы. На них живут сухие люди, которые ничего не хотят понимать и очень редко плачут...

А те, кто не бежал, кто не расстался с корнями и основаниями, с истинными ценностями?...

Мой им поклон!

Они – КИТЫ-ПЕЧАЛЬНИКИ.

Они научились нырять, и даже жить там, в безграничных глубинах. Они не боятся намокнуть, и пусть льются слезы! Главное, они научились дышать всюду проникающей, все соединяющей Печалью.

И это самое важное дело на свете – дышать Печалью, превращая ее в Любовь.

ДРУГАЯ КОМНАТА

Однажды в детстве, кажется, мне было года четыре...

У нас были гости, было шумно, ярко. Из комнаты, где собралось много людей, где и я шумел, шалил, смотрел и слушал, я вышел и зашел в – другую комнату.

И вдруг, остановился! На полу разбросаны игрушки, за одной из них я, видимо, и пришел сюда... И я вдруг остановился, как бы наткнувшись на тишину, меня удивило что-то...

И дверь закрыта за мной, и не слышны голоса – один, совершенно один.

Я стоял посередине комнаты, в центре моего мира: мои игрушки, картинки на стенах – все знакомо до мелочей...

Но почему же тогда, все так непонятно?

Может, я не пришел в эту комнату? А если я пришел сюда, то тогда и там никого не должно быть...

Я видел, как ответ на мою попытку понять, – осознать себя, – рождается, растет и ширится. Я ощутил Нечто огромное и мощное, я слышал рокот этой страшной Волны! Много раз потом мне снилась огромная морская волна, выраставшая вдруг до небес, с пенным гребнем надо мной. Во сне я убегал, прятался, лез в гору...

А тогда, стоя посередине комнаты, я не боялся, я ждал этого удара, – хотел, чтобы весь ОКЕАН обрушился на мою голову!

Вдруг кто-то взял меня за руку, дернул, вытащил из комнаты, вокруг поднялась суета. Я увидел их всех, большой пестрый стол, и – заплакал. И такая тоска, такая горечь впились мне в сердце, что я испугался, и перестал плакать, потому что пожалел их, – вдруг увидят, как мне плохо!

А потом всегда с взрослыми притворялся веселым и глупым, – чтобы не расстраивать их.

ОТВЕТ

Прошли годы, и вот, меня настиг удар той страшной волны...

Ударило, так ударило! До сих пор искры... Такие белые, яркие... Как-то я сравнил их с теми разрывами, полосами и пятнами, которые бывают на экране, когда идет старый фильм. И кажется, что вот-вот порвется кинолента, вспыхнет другой – мощный свет, и двери откроют...

Гигантская волна обрушилась на мою голову – и Гром, и Молния...

Рассказывая об этом, я обращался к разным аллегориям, к таким грандиозным, великим и ужасным. Писать слова с большой буквы – дело не хитрое, а вот возможно ли объяснить, что такое ОТВЕТ, человеку, состоящему из одних вопросов? Ведь истинный Ответ – гигантская волна, смывает все вопросы, и такого человека его разум может уничтожить полностью.

Ведь все мысли, в отличие от идей, суть – вопросы?

Истина – это такой Ответ, что приходится расстаться со всеми вопросами, и уже не о чем больше думать, т.к. вместо раздумий – знание.

А хотим ли мы расстаться со своими любимыми вопросами?

Меня, например, уверяли, что есть

вопросы, на которые нельзя ответить.
Вопросы, мол, есть, а ответов нет:

- *безответные вопросы,*
- *вечные вопросы,*
- *проклятые вопросы,*
- *запрещенные вопросы.*

Почему боятся настоящего Ответа, потому что не будет больше вопросов? Не так, как в науке, где “ответ на один вопрос рождает десять новых...”

Однажды в детстве, не получив ответа, я оказался в жутком лесу, где росли корявые, уродливые вопросы, – в безответном мире, где обитал бессмысленный разум. Смешно и горько вспоминать раздраженные ответы взрослых, их умное возмущение, попытки что-то сделать с моим тупым упрямством...

Шло время, и мои сверстники, оставив бесполезные вопросы, занялись делом, как-то приспособились к бессмысленному существованию. Не пора ли и мне – кем-нибудь стать? Я пытался, изо всех сил пытался! Чтобы не расстраивать близких, чтобы быть полезным...

Но встретил вас, мои верные Друзья, и записался в отчаянные бездельники, и вместе с вами ушел в леса, где настоящая, трудная и опасная жизнь, многие километры с огромными рюкзаками, немислимые восхождения в горы и сплавы по рекам...

И, странно: эта, казалось бы,

бессмысленная жизнь, на самом деле, вела нас к Высшему Смыслу – в БОЛЬШОЙ ПОХОД ЗА ИСТИНОЙ...

А что случилось с теми моими сверстниками, которые стали? Которые стали и становились, хотели еще больше стать, и становятся, и хотят еще больше...

Недавно я встретил одного из них и сочинил по этому поводу нечто вроде рассказа.

ВСТРЕЧА НА ДОРОГЕ

Другой смолчал,
и стал пред ним ходить...

Пушкин

Мы не виделись лет 30. Он, пыхтя, вылез из черной низкой машины и заблестел зубами, запонками и золотой оправой очков.

Мы в школе дружили, и я пожал бескостную, жеманно поданную руку. Мне стало так жаль его: помня, но, едва узнавая, я силился разглядеть того прежнего, живого, худенького мальчика, погребенного в рыхлом, больном теле.

– Где ты? Что случилось с тобой?

Он посмотрел на меня усталыми умными глазами, и весомо изрек:

– За все в жизни надо платить...

Сколько раз мне приходилось слышать эту расхожую мудрость, сколько разных платежеспособных людей утверждали,

утверждали при мне сей пошлый закон!
И понял я, что с ним случилось, и, не стерпев, устроил ему цирк...

Сделав шаг назад, я громко и четко сказал:

– Ты прав! За все в жизни надо платить, – платить Сатане, ведь он ничего не дает бесплатно. Но знай, что и сама Жизнь, и Любовь, и все другие дары Бога – бесплатны, безвозмездны!

Эффект был потрясающий: распахнув золотую пасть, тыча пальцем в мои поношенные джинсы, он заорал:

– И много ли дал тебе твой Бог бесплатно и безвозмездно?!

А я смолчал и стал пред ним ходить... Я стал ходить на руках вокруг его плоской машины.

МОЕ ОСНОВАНИЕ

Самое главное – это само переживание в его чистом первоначальном виде. Только прямое свидетельство без послемыслей, без фантазий, без попыток как-то сопоставить с чем-то известным, – будет иметь непреходящую ценность. Все мои конструкции шатаются, могут и рухнуть, а вот ОСНОВАНИЕ – остается неизменным.

Мое Основание – это то самое, невообразимой силы переживание, – тот мой Великий День...

Моя вера в Бога и сам вопрос:

каков Он для меня? – все идет оттуда. Я уже не могу усомниться в ЕГО существовании, как, например, не могу сомневаться в существовании близкого друга. Но друга, с которым не один пуд соли съел, я узнал по внешним его проявлениям и, бывает, думаю о нем по-разному. Каков он на самом деле, о его душе, я сужу по аналогии с собой, и это мое понимание кого-то другого соответствует глубине моего познания самого себя.

Истинная встреча с кем-то другим – это чудо Любви.

А вот ТОГО, Кого я называю Богом, я встретил не внешне... Пока Он был со мной, Он был неотделим от моей души. Хотя она оставалась и сама по себе – ведь был кто-то, кто пережил эту величайшую Радость, этот величайший Восторг. Не говорю, что это был я, самосознание “я” ни разу не возникало в течение того Дня. Только потом я стал говорить, что это “я пережил...”

Кстати, тот, кто пришел ко мне, не называл себя Богом...

Он вошел в меня ударом молнии, со страшным громом, я перенес ни с чем не сравнимое потрясение. И для меня ОН вошел извне: молния ударила в голову, прошла насквозь, и только потом взорвалась внутри. ОН не назвался БОГОМ, но ОН говорил. Он сказал

лишь одно слово: последний колоссальный звук-удар очень ясно, четко, убедительно, вне сомнений произнес слово – “МЫ!” И на Земле в моем теле возникло новое существо, которое называлось – МЫ.

Это была и моя бесконечная Радость, и Радость, и Ликование многих и многих людей. И ОН был с нами. А все вместе, все это невообразимо огромное, великое, осознало себя в слове – МЫ.

В одно мгновение МЫ решил все проблемы, ответил на все вопросы, и настолько хорошо, что не только вопросов, но и мыслей никаких не осталось. В мой внутренний мир был внесен совершенный порядок, все нашло свое место и наполнилось смыслом. И уже ничто внутреннее не мешало смотреть...

Мои глаза прозрели и увидели самый лучший мир – нашу родную прекрасную Землю. Непрерывное бесконечное переживание КРАСОТЫ...

И Солнце восходило, и листья аплодировали...

Мне не дают говорить слишком восторженные воспоминания. Я помню и должен свидетельствовать, что все было в самой наилучшей степени.

Пока моя душа переживала Блаженство, МЫ не стоял на месте, у НЕГО были дела, ОН шел, говорил с людьми и – даже – творил чудеса. Все делалось единственно верным образом, безошибочно и в жесте, и в интонации. Делалось сразу, без рассуждений, без

мыслей, потому что и так все было понятно.

Я, наверное, никогда не смогу вразумительно рассказать о том моем Великом Дне, еще и потому, что эти воспоминания так глубоко меня расстраивают.

Кто же ОН, КТО приходил ко мне? ОН – мой БОГ, другого я не знаю.

И зачем мне другой, когда я пережил присутствие ТОГО, КТО в такой невероятной степени перекрывал все мои самые желанные представления. ОН был именно таков, каким и должен быть БОГ. И с этим, полностью и с беспредельным восторгом, согласилась моя душа, и все остальное мое существо, и даже мое тело. Ведь никогда в нем – ни до, ни после – не было столько Жизни, столько огненной силы, и никогда тело не двигалось с такой красотой, с таким совершенством.

Пусть другими людьми Бог мыслится и переживается как-то по-другому: кто-то верит в личного Бога, кто-то в безличного, в Абсолют, в Космический Принцип... Я слушаю, читаю книги, к чему-то отношусь с большим доверием, к чему-то – с доверием меньшим. Я очень люблю о Божественном: как люди ЕГО представляют, каков ОН для них. Бог один, но почему бы Ему не быть для всех по-разному?

Вот и я – думаю и пытаюсь рассказать о моем Боге...

Но никакие мысли и представления не могут утолить жажду. Ведь нам нужен реальный, живой, настоящий Бог, – здесь, сейчас, немедленно...

Как бы мне обратиться к НЕМУ напрямую, минуя все образы и представления, чтобы без мыслей, без слов, из той истинной пустоты, – из той истинной жажды, которая и есть – моя душа?!

Я пишу, стараясь вспомнить самое первое, самое главное. И гоню все домыслы, всю чехарду вопросов и ответов. Ведь когда я остался один, то идеальный порядок, где каждый вопрос был слит с ответом – в такие единые, объемные, прекрасные вещи, – я превратил, и очень быстро, в обычную неразбериху...

Я помню, но память – пустая вещь, ведь ЕГО в ней так мало! И чем дольше я вспоминаю, тем сильнее моя жажда. Я так долго думал, я так много говорил и даже писал! Но я не чувствую себя писателем, – я чувствую себя пустым сосудом – жажда, одна только жажда...

И вот, я собрался заканчивать это сочинение, – сколько можно: все о Божественном?

Боюсь, будет больно, боюсь, – буду плакать... И жажда – растет.

Но вдруг мне стало стыдно, так стыдно! потому что жажда, на которую я все время жалуясь, на самом деле

еще так ничтожна, так еще мала. Потому что я заполнил всяким хламом Священную Пустоту. Мне стыдно, т.к. я не имею того, что принадлежит мне по праву...

Я еще не осмелился иметь **ИСТИННУЮ ЖАЖДУ – НАСТОЯЩУЮ ДУШУ**, которая была бы достаточно ПУСТА, и достаточно ОГРОМНА. Ведь я хочу **НАСТОЯЩЕГО, ЖИВОГО, РЕАЛЬНОГО БОГА!**

Хочу по-настоящему? Значит, и звать надо по-настоящему.

Кстати, ведь тогда я кричал изо всех сил, так кричал, так звал, как никогда в жизни, разве что, когда родился. И пустоту я пережил тогда такую, как никогда в жизни...

...и ОН пришел!

А теперь и сейчас все не приходит. Наверное, потому, что душа моя никак не осмелится...

Как-то дни проходят, годы... Я, конечно, помню, что главное – это найти Истину. И кроме, как Ее вечным искателем, мне уже никем не стать. Но разве это настоящий поиск? Даже перед обыкновенными сокровищами, перед кучей денег, люди испытывают дрожь и трепет. А передо мной – Величайшее Сокровище!

Содрогнись же, душа моя! Неужто ты уже не можешь завопить? Куда девался

твой голос, где моя Любовь, которая
огненными буквами писала на небе?
Неужели больше никогда...

Смилуйся, Господи!

Мне бы только смочь к НЕМУ
обратиться... – мне надо звать того,
Кто оставил эти воспоминания, которые
стали основанием не только разговоров,
но и всей жизни.

Но никак не получается, я хочу
обратиться к НЕМУ, а передо мной
только образы, лишённые истинной Жиз-
ни – одни только пустые формы. Не
получается, сам я ТЕБЯ не найду, годы
проходят, но мне и века не хватит...

А ведь для Тебя, Господи! и мига
достаточно. Приди, Господи! Ты ждешь,
когда я позову на самом деле?

Я долго пишу, уже повторяюсь, мне,
наверное, не о чем больше говорить...

Но я не буду молчать, я только на-
чинаю, я буду говорить, я буду повторять.

*Я буду повторять все громче,
все беззвучнее.*

Терпи, сердце, терпи и мужайся, душа!
Ведь у меня нет другого выхода. Надо
еще раз, еще раз и еще... До тех пор,
пока ОН не придет...

Господи, помилуй!

Господи, помилуй!

Господи, помилуй!

ПОСЛЕСЛОВИЕ И ПРЕДИСЛОВИЕ

Язык – это данное мне изначально толкование мира. Обращаясь к языку, я улавливаю его системой связей, структурой всепроницающих ассоциаций, которые выявляются на всех уровнях, что особенно видно в стихах...

Знаю ли я что-нибудь вне языка, – есть ли другой мир, кроме мира, описанного с помощью языка?

Есть мой субъективный мир, который является только моим, и только мне присущим толкованием мира объективного. Но у него нет собственного языка: мой мир я выражал в уже существующих символах, пользуясь системой, данной извне.

Чем же является для меня весь мой субъективный мир? Самой полной формой толкования мира объективного. Вне его – неведомое, нечто, лишенное формы и даже не вызывающее чувств. Все, что хоть как-то чувствуется, уже и как-то мыслится, имеет какой-нибудь образ.

У меня были переживания, связанные

с языком, когда я его наблюдал, как бы со стороны...

Видел, как мое понимание облачается в слова, и как одно слово зависит от другого. Я наблюдал зависимость формы от понимания и наоборот: когда понимание ослабевает, оно начинает все сильнее зависеть от языка, в котором воплощается...

Но когда я вижу в целостности – как некую структуру – не только язык, но и весь субъективный мир, – тогда у меня появляется шанс оказаться там, откуда я смотрю...

Ведь задача все та же – увидеть объективный мир.

Надо, чтобы он прошел сквозь мир субъективный, сквозь все структуры, сквозь язык, и ничем не был бы уловлен, – прошел туда, в глубины сознания...

Надо, чтобы он достиг того СУБЪЕКТА, который смог бы – *осознать все*.

“Мысли приносит ветер...” – это не по Гегелю, а по Гоголю...

Послесловие – вот, я уже написал, а ветер все дует и дует...

Так, может быть, ПРЕДИСЛОВИЕ поможет мне закончить это сочинение, или начать новое! – все заново и по-другому?

Пять тысяч слов я уже написал. Но что есть – слово? Если оно название,

данное уже существующей вещи, то, как оно может быть первично?

Слово имеет границы, начало и конец, но это не значит, что оно чуждо бесконечности, как, например, конечный отрезок линии, утверждает математика, имеет бесконечное количество точек.

Интересно, какое количество мгновений содержится в нашей жизни? Жизнь имеет границы, значит она – слово. Одна жизнь – одно слово (а сколько написано сочинений?) – одно слово, за которое воздастся Вечностью.

Вечное и Бесконечное творит конечное и ограниченное, наверное, только потому, что всегда существует СЛОВО – Бесконечное Бытие, заключенное в форму, имеющую свои границы.

*Безмолвие рождает Слово.
Мое предисловие – это молчание.*

Пора, учусь молчать –
Пускай несутся мысли...
Осенний ветер в голове.
Темно и холодно,
И ЗВЕЗДЫ ВМЕСТО ЛИСТЬЕВ.

Я появился на свет под знаком Скорпиона, в год Зайца...

И вот, замыслил, ко дню моего Рождения, подарить Друзьям по экземпляру этой рукописи. Может быть, в этом году успею?!

форме и прочих надзирающих... Обратная зависимость.

Если не станет, не будет общество тратить звезды и силы на беззвездных членов, а сами эти члены признают величие нравственного вселенского закона...

Вот тогда и начнется освоение Марса, продление жизни и “воскрешение отцов”, и далее, как мечтал Н.Федоров – достойное общее дело, и цель и смысл для всех членов человеческого общества.

(Только вот Луна уже занята: там мы с Зайцем вино пьем из кувшинов.)

Если исчезнет ЗЛО социальное, то... – а есть ли другое?! Есть ли другие несчастья, кроме болезней нравственных? Ведь общими усилиями с любой бедой справимся!

Есть Бог, есть Мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себя вмещает Человек,
Который любит Мир и верит в Бога.
Н.Гумилев

О, наши русские поэты! О, наши русские философы! Я с вами! И тоже хочу пострадать за Россию. “Мы пахали! – муха говорила сидя на быке”. Мы с Федором Михайловичем в Москве в одном месте родились и под одним знаком. Я и Достоевский – скорпионы из Марьиной Роши...

А вот мимо окон Гоголя, на первом

этаже, я каждый день утром пробежал, опаздывая на работу. У них там, в музее писателя, у самого окна, на черном бархате – посмертная маска и сломанное перо. А окно-то не занавешено!

Бегу я на работу, и каждое утро в окне – мертвый Гоголь...

Не хочу, да взгляну, а другой дорогой тоже не получается, т.к. опаздываю. А во двореке памятник – Гоголь Андреева, грустный такой, и я тоже бедный, несчастный, вот и убежал из Москвы в леса и сидел под елкой, и выл на Луну...

Вот тут и появился Лунный Заяц, и началась сплошная *осень на Луне*.

Осень на Луне продолжается! Так что, как говаривал мой дедушка, тоже, кстати, Николай Васильевич: “Поехали! – сказал попугай, когда его кошка за хвост потащила...”

Я так хотел на поезде поехать!

Вот с поезда сошел...

И некуда идти...

Токубоку

Поехали! Куда поехали? Дома все равно нет, и быть не может. Ничего нет кроме дороги, чувство дома давно потеряно, особенно последние лет пять...

Вечное ощущение ПОЕЗДА, каждую ночь укладываешься на багажную полку,

а на утро снова чужая станция в чужом мире, – все дальше от дома; от мечты, от надежды... – все дальше, ведь боль души так просто мерит расстояние...

Почему обычно говорят: “Я родился”... – даже материалисты, а не: “Я был рожден”? Ведь только мистик может вообразить, что он сам родился, в смысле, – сам захотел быть, жить здесь в этом теле и в это время...

Родители объяснить не могут, кажется, что и вовсе ничего не известно о целях, о смыслах, – попробуй, кого спроси...

Научат, как выживать в гнусном своем социуме – в доме, который построил КТО? Кто родился или кто был рожден?

Предлагаю формулу такую:

Пока я не знаю ни смысла, ни цели, то – “Я был рожден”.

А когда я знаю, нашел или вспомнил, зачем и для чего, то – “Я родился”.

Недавно меня просили написать краткую автобиографию, а я не смог, т.к. споткнулся на первых же словах...

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел...

.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез,
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна...

Лермонтов, наверное, помнил нечто: для чего, почему?!

А что помню я, что понял, что смог узнать о цели и о смысле этой жизни? Самосознание “Я” – это часть сознания человека, сформировавшаяся в результате общения и деятельности. А где “Я” – душа, Бессмертная Искра? Где мой ДОМ?

Старая собака с густой шерстью – восточносибирская лайка, толстые кирпичные стены, высокий потолок, можно смотреть на огонь в печи, слушать радио, и очень много книг – это дом моего детства...

Дом – там, где мир, где покой и тишина, где безопасно и никто тебя не потревожит, – всегда горит огонь и любимые книги под рукой. А все остальное – страдание.

– Был бы кувшин, чтоб вина зачерпнуть! – пробулькал Лунный Заяц, делая очередной глоток. – Главное – мир в душе, остальное приложится... Как гласит китайская мудрость, – пьяный человек лучше трезвого, если ты непросветленный, то будь хотя бы – пьяным.

Катится по небу Луна, и Заяц все выше поднимает кувшин – “Море Дождей”, а голова – “Море Ясности”, и длинные-длинные уши...

Лихо скачет верхом на зеленой скамейке Иван Скорпионов. Всегда неподвижно, обхватив руками свой сомнительный разум, сидит в лунной пыли

Данет Яснетов. Вот и вся моя древняя лунная компания! Пора и мне на Луну...

*Пора и мне на эту –
такую грустную планету...*

Когда я писал мою первую “Осень на Луне”, то спешил сразу сказать о самом главном, боялся не успеть, многие темы лишь чуть затронул. Например, о путешествиях астральных, – когда невидимые вещи стучат по нашим головам...

Теперь не спешу – некуда, блохи все разбежались, и значит, – спешка не нужна. А все мои невидимые вещи разложены по полочкам, и тоже не прыгают.

Так вот, для меня является фактом то, что можно видеть и слышать – воспринимать реальный мир, на очень даже большом расстоянии от собственного тела. Само это – “восприятие мира” может отделяться от моего тела и путешествовать, даже на Луну, куда я первый раз летал лет 25 назад.

А, вообще-то, столько народу писало об астральных полетах! И на Венеру, и на Юпитер, и в другие времена, и в другие измерения... Мне до них далеко. Ну, слетал раз-другой, то туда, то невесть куда...

Ничего такого, чтобы, например, с Кантом поспорить.

И еще, меня удивляет то, почему оккультисты свои рассказы называют знанием? Видимо здесь таится китайская

мудрость, что мало знать пользу полезного, а весь смысл – в пользе бесполезного...

Но все же, опыт, переживания, раздумья меняются и меняют картину мира. Главное – мировоззрение, которое и определяет человека: каков он, как и почему... Звезды, что над нами, отражаются в нас, и даже астральные путешествия приносят плоды.

Что есть – ЗНАНИЕ?

Вот Георгий Иванович делил знание, относительно человека идущего, на истинные, необходимые ему знания, и бесполезные в пути к спасению. А так же, Гурджиев отделял знание от понимания, ведь понимание – это то знание, которое уже пережито и сердцем, и душой, и стало неотъемлемым внутренним достоянием...

Помнится, и Будда говаривал, что главное – вытащить стрелу, чтобы ты не страдал, а ответы на вопросы о том, откуда она взялась, из чего сделана, и почему так больно? – не помогут лечению. Но можно и рассказать...

Так что же я понял, что вынес из своих звездных странствий?

Например, то, что любое зло социального, так сказать, происхождения: всегда за ним стоит КТО-ТО, кто противопоставляет свое частное и частичное

ВСЕОБЩЕМУ, – общей гармонии и целесообразности Космоса.

Ведь не только люди могут хотеть добра своего и для себя – во Вселенной полным-полно всяких эгоистических существ.

Всегда носитель зла – я, и все другие “Я”, а истинное добро это – “МЫ”.

Мы – Радость и Счастье. Я – зло и страдание...

Что есть ЗЛО?

Это очень просто!

Все дело – во взаимодействии части с целым и с другими частями, функционировании членов в едином организме...

Действие в целях ЦЕЛОГО – добро, а в целях частного – зло.

Было бы у нас больше планетариев, чтобы все могли “на звезды и Вселенную посмотреть”, поменьше было бы тогда беззвездных членов общества, и всякого рода ментов со звездами не в душе, а на погонах. Тогда бы МЫ, все вместе, занялись бы прекрасными радостными делами, под музыку звездных сфер летая с планеты на планету, – а ведь их уже сотни открыты у соседних с нами солнц, астрономы увидели в космические телескопы... Вы в курсе?!

Но!

Рассказывали друг другу о своем духовном и мистическом опыте. В последние годы он ушел в Православие, все больше молился и постился, и проч. – вот и попал в Рай.

Первый раз он навестил меня с того света со СЛАВОЮ...

То есть, среди ночи меня разбудил яркий свет и песнопения, похожие на церковные, но больше музыки. Прямо над моей кроватью само пространство как бы раздвинулось, открыв новое, не наше пространство, и там возник мой счастливый друг, а с ним еще много народа радостного и светлого.

Но мне было не до разговоров, я сидел на кровати, крестился и повторял: “Господи, помилуй меня грешного”.

Второй раз, мы разговаривали, и долго – несколько часов. Мы встретились в некой комнате свиданий, где ничего и никого, кроме нас двоих, не было. В эту комнату я летал в своем “тонком теле”, – довольно долго добирался...

Тогда мы поговорили обо всем, я все расспрашивал, как там, в Раю и, особенно, меня интересовала сама природа: какие там деревья, травы и цветы? Как там поддерживается экологическое равновесие, какое небо, солнце?

– Все прекрасно: увидишь – и сразу поймешь!

И вот, однажды, когда перед сном я постоял на голове, а потом сосредоточился на незаметном дыхании и

замедлении сердцебиения, то на грани яви и сна, выскользнул из физического тела и – полетел, полетел...

Прочь из Москвы, через миазмы повсеместной купли-продажи, сквозь кровавые отсветы ее ночного быта, через багровый смог, сквозь мось и сырость московскую московскую... – к вершинам белокаменным, другого Вышнего Кремля... А там уже было недалеко: вот какое-то поселение средневековое, такое основательное, ухоженное, и вот – еще рывок – взрыв моего стремления и воли зовущего, и...

Только один взгляд! Эмоциональное потрясение было таким глубоким, что сотряслось и мое физическое тело: пусть оно где-то в другом измерении, но возвращение всегда мгновенно! Это потом долго приходишь в себя, и не скоро обретаешь способность шевелиться.

То, что я успел увидеть, запомнилось навсегда, ярко и четко. В моей памяти хранятся множество картин земной природы, галерея пейзажей: горы и воды, леса и отдельные любимые мной деревья, поля и луга. А теперь у меня есть еще одно полотно – кисти Великого Мастера.

Я успел заметить в тени ДЕРЕВА легкую светлую беседку, и понял, что надо лететь туда, там меня ждет Друг, но не смог – ПРИРОДА! Пока еще я не придумал, как можно об этом рассказать, – боюсь заляпать полотно...

При взгляде на ТРАВЫ, я успел

спросить: “Что это?” – и они сами мне ответили: “МЫ – СОДРУЖЕСТВО РАСТЕНИЙ!”

А цвет неба, прав был Даниил Андреев, – скорее, зеленый...

А какого цвета наше Солнце? Его относят к разряду желтых звезд...

Но, если смотреть из дальнего космоса, то цвет нашей Звезды удивителен! Вы видели яркие украшения из зеленого золота?

Наша планета – энергетическое единство существ...

Люди воюют с людьми, звери едят друг друга, демоны сражаются с ангелами, но все это – единая, хотя и не очень благополучная Земля, все черти наши, один ДОМ на всех.

И вот однажды к нам прилетел на своем межгалактическом корабле инопланетянин. Совсем другой, чуждый нашему дому, и поэтому для нас он был жутким, уродливым существом, с никуда не годными флюидами. То есть, здесь он настолько никому не нравился, что даже черти не захотели обмениваться с ним энергиями. А ведь энергетический взаимообмен существ – закон жизни! Бедный несчастный инопланетянин! Ведь у него тоже, – как нас учила еще Блаватская – семь тел, не только физическое, но и: астральное, ментальное, эфирное...

И стал он чахнуть и погибать не только физически, но и всеми другими своими телами...

Лишь одно могло спасти инопланетное чудовище – Любовь. Если хоть один элемент планеты Земля протянет ему руку дружбы, то через него он сможет влиться во всеобщее энергетическое единство, и будет – жить!

Как раз тогда я был в экстазе, любил всех и все, да и с детства никогда не испытывал отвращения ни к одной твари. Вот он меня и нашел!

Мы подолгу беседовали, бродили вместе по лесам, и даже моя собака перестала безумно выть в его присутствии...

Потом оказалось, что это существо не то, чтобы женского рода, но скорее “инь”, чем “ян”, – и я прозвал ее – Оса. За некую схожесть с земным насекомым и за преобладание в ее немислимых одеяниях желтого цвета.

Когда Оса полностью выздоровела, то смогла продолжить свое межзвездное путешествие. Улетая, она пообещала мне когда-нибудь вернуться и спросила, что бы я хотел в дар за оказанную ей помощь. Мне тогда совсем ничего не было нужно, но я посмеялся и сказал: “Привези мне летающую тарелку, мешок золота и ведро алмазов”. А она серьезно ответила, что все обязательно привезет, только не скоро, т.к. расстояние огромно, и – улетела...

Находясь в астральном теле, или просто осознавая себя в нем, мы можем воспринимать события весьма далекие, – не знаю точных пределов...

Недавно, если мне не привиделось, я получил сообщение, что Оса возвращается, и – ужаснулся! Летающая тарелка может и пригодится, т.к. у меня нет машины, но что я буду делать с мешком золота и ведром алмазов?!

И отказаться, вроде бы, неудобно...

Мне бы кто-нибудь Любовь вернул!

А то я теперь здесь, как инопланетное чудовище, бедный, несчастный, никому не нужный, никто со мной не дружит, даже черти. Во всех мирах – чужой, нигде нет Дома. Маюсь и маюсь, особенно ночами, как мое знакомое привидение, помните! – Иван Иванович Лутовинов, который вот уже 250 лет бродит по темным ночным аллеям своей бывшей усадьбы Спасское-Лутовиново.

Тогда в парке, когда я жил в гнезде на дереве, мы встречались и беседовали почти каждую ночь. Наверное, он на меня обиделся, т.к. я отказался выкопать его сундук с серебром и жемчугом, доказывая тем, что хочу от него не сокровищ, а – знания, неведомого живым людям. Кое-что мне удалось выведать, магию всякую, – абрадакадарба – 13 букв в треугольнике высотой в 7, а

ниже пирамиды – 3 “К”... – “там и копай!”

Тургенев, кстати, несколько повестей о призраках написал, тоже, наверное, с ним встречался. А теперь, дружит ли кто с “призраком старого барина”? Вот и я один брожу, даже собаки нет.

Выбиты зубы, сломаны ребра,
Сердце застыло, оледенело...
Кто он такое? –
Старое страшное тело...

Но! Мое ментальное тело, даже наоборот, – совсем еще юное...

Пока дышу, – надеюсь, а вдруг найдется Красавица, которая полюбит Чудовище!

Каким я раньше принцем был!

Помните? Когда мы по марийским лесам гонялись за последним дожившим до наших времен мамонтом, лет так 30 или 300? – назад. Под штормовкой, несмотря на морозы, – одна дырявая тельняшка, а сквозь дыры – молодое огненное тело. За поясом ракетница 8-го калибра, огромный нож на бедре и ружье на шее, а рядом черный дог, тоже с рюкзаком, но в шубе, и тоже нож у него на боку. Туристы, увидев нашу группу, кричали: “Гунны! А с ними сам батюшка-Аттила – мало не покажется”...

Я расскажу потом о приключениях, а сейчас – пора на Луну, там событие: Данет Яснетов зашевелился!..

ЛУННОЕ ВИНО

Беда с Яснетовым!

Он застрял между вечностями, – ДА-НЕТ, он не Тьма и не Свет. И думает, что он в промежности этой, в космических играх Ян и Инь – трушаяся страдающая поверхность, – презерватив. Старый советский презерватив, многоразовый, из толстой резины, что по 2 копейки, – помыли, постирали, и повесили сушиться на Луну до следующих страстей.

– Не плачь, выпей вина! – возится с ним Лунный Заяц. – Единственность и неповторимость “Я” – есть следствие неповторимости формирования самосознания в сознании сознающего существа. Но существует и неповторимость самого существа, вызванная его индивидуальной формой, местом и временем существования. Во всех случаях страдает только неповторимость, вызванная определенностью. Вот поэтому, чтобы не страдать, я и практикую неопределенные формы, расплываюсь и растворяюсь, – в Винное Море вливаюсь. Выпей вина!

Сидит на Луне Заяц – древний, мудрый – и пьет Вино из Кувшина, а Вина этого у него – МОРЕ!

Еще одна беда: Иван Скорпионов, великий коллекционер средств и способов самоубийства, отхлебнет из кувшинчика, и давай носиться на своем зеленом полосатом звере, – на бывшей скамейке садовой по улицам своей субъективной Казани. Весь этот псевдо город – помните! – у Зайца под колпаком из затвердевшего желтого осеннего тумана, но все равно – безобразие на Луне, на обратной ее стороне. И Заяц сердится.

– Ничего у тебя, Скорпионов, не получится, сворачивай-давай свою Казань!

В субъективном мире нет смысла жизни, т.к. истинный смысл всегда объективен и совпадает со смыслом ВСЕГО ТВОРЕНИЯ. Вот от чего твое субъективное личностное творчество по перестройке Казани, всегда заканчивается одним и тем же, – повеситься хочется. Брось это дело, пусть татары сами перестраивают и достраивают.

Взгляни на звезды и выпей вина!

Любое творчество – зло, если оно не сотворчество, только под музыку звездных сфер можно доброе сотворить, только когда на благо всеобщей цели, и поэтому имеющее истинный смысл, тогда – жизнь оправдана, а творчество – полет в бесконечность! Выпей лунного вина! Оно помогает петь нашу песню в хоре звезд и галактик...

Не спи, не спи Художник!
Не предавайся сну...
Ты Вечности заложник
У времени в плену –

Так что ли у Бориса Леонидовича?

АЙЯ

Приключения

Все же я потерял мою старую рукопись, которая называлась – “Айя”...

Она тоже была о самом главном, хотя тогда, когда я писал, самого – САМОГО ГЛАВНОГО в моей жизни еще не случилось.

Вы понимаете, о чем я говорю? Конечно о мистике всякой. “Первое преимущество мага – видеть Бога, не умирая при этом”. Вот что меня особенно восхищает.

Тогда самым главным была – романтика. “Айя” – это не только о приключениях, но и о романтическом состоянии души и окружающего мира. Пусть рукопись пропала, но осталось то, что не горит, чего не забуду и всегда могу рассказать.

Последний раз я читал повесть в лесничестве, в такой маленькой избушке посреди леса, зимой, после работы.

Я тогда был бригадиром лесорубов, со мной работали: два художника, один бывший регент – мощный бас, еще один странный студент, который уже 10 лет учился в университете Лумумбы, и чудной такой тракторист по фамилии – Чудненко. Так вот, пока я читал, погас огонь в печи, и стало холодно. Я прервался, схватил канистру с бензином и плеснул в печь. Но оказалось, что огонь-то потух не совсем...

Огонь, пламя, взрыв, пожар! Тушил – и сгорели все наши телогрейки. Сгорели мои брови и ресницы, равномерно поджарилось лицо и руки, и я завыл как койот, объяснив, конечно, что это лучшее средство от боли. Так постоянно поступал Дон Хенаро из сочинений Карлоса Кастанеды. Тогда все завывали как койоты, даже тракторист. Тут за любимое дело взялся наш регент, превратив простое вытье в искусное многоголосное завывание, в котором особенно жутко звучал рев его баса.

Нам было хорошо и весело, а вот человеку со стороны... А такой как раз пришел, он устроился к нам в лесничество ночным сторожем и вышел на первое дежурство. На следующий день этот человек уволился, ссылаясь почему-то на преждевременную седину...

Нет, тогда рукопись не сгорела, а просто пропала так же, как обычно книги пропадают: дал почитать, и не вернули.

Айя! – это мыс, скалы над морем. Айя – имя спящей красавицы: если смотреть с проплывающего мимо корабля, видно как она лежит вдоль берега. Где у нее колени – отвесная стена, 700 м высотой. Полезли!..

И мы полезли, я и Мишка, нам тогда было по 17 лет. На вершине скалы мы развернули флаг и спели нашу песню. Мы стали первыми жителями удивительной страны – Романтики. Чудеса стали обычным делом. Нам открылся огромный мир, полный красот и невероятных приключений. Мы разбудили красавицу Айю, и там, на вершине, открылась для нас дверь в неведомое, жизнь получила прекрасный смысл – только вперед! – к новым высотам, к новым красотам, приключениям и чудесам. Айя! Айя!!!

Айя – начало, начало нашей истории...

Как бы мне рассказать про ЭТО?
Приходится быть – поэтом...

Сначала – великая тишина,
Объятая могучие леса...
ЭТО приблизится к нам,
Сделает зорче, сдернет завесу...

Потом – восторг, опьяненье волей...
Кричите, лесные боги!
ЭТО мы ощутим до боли –
Простор и радость дороги.

и распевая бравые туристские марши: “Какао – Эх! – на сгущенном молоке...”

Можно и больше пройти, однажды я шел, не останавливаясь, двое суток, остановиться не мог, т.к. могло остановиться мое сердце, средняя скорость была не менее 5 км в час... Вот и считайте!

Но эта история скорее из приключений астральных. Тогда я не полностью вернулся, не смог, почему-то, совместиться с телом физическим, но смог заставить его идти, чтобы сердце билось, – вот оно и шло, бесчувственное, как деревяшка, а я шел сзади в странном дивном мире, окружавшем вполне земную дорогу.

Никак не решусь начать рассказывать о приключениях. Конечно, интересно вспомнить, да и вам, Мои Друзья, всегда было интересно меня послушать, но... Как же смысл и цель моего писательства? Ведь приключения – бесконечны. А вывод? А нетленный результат?

Мне надо успеть сказать о Главном, пусть моя “философия” не так занимательна, но только она – мое истинное достояние, мое сокровище, которым я хочу поделиться с вами.

Я хочу поделиться РАДОСТЬЮ, которая венчает путь постижения, осознания и осмысления, которая неотделима от понимания как критерий его истинности. Вот и Лунный Заяц

мою правоту подтверждает, поднимая кувшин с Лунным Вином, да и Блок А.А. меня бы понял.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне.
Ты право, пьяное чудовище,
Я знаю – истина в вине.

*Так как же быть – ДА или НЕТ,
Как поступить,
если ясности нет?*

Вот и Данет Яснетов никак не может выбраться из промежуности этой: в сомнениях, в раздумьях напрасных увяз его разум, и мысли буксуют в лунной пыли. Какая это мука! – ВЫБОР, особенно между осиной и березой...

Где музыканты?!

“Музыкантов! Непременно хочу музыкантов!” – кричал Гоголевский Хома, вот и я хочу музыки и танцев после приключений этих, особенно, – астральных...

Даже деревья танцуют на месте! –
Ведь есть листья и ветер,
И музыка солнечных зайчиков.

Так как же – приключения или философия с танцами?

СЛЕДЫ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Конечно, мне никто не верит, если...

Вот ребята не поленились слазить и измерить, с какой высоты я падал, только лишь потому, что сами видели, как падал, – тот неудачный прыжок с дерева на дерево...

Захожу в лесничество, мокрый до нитки, страшнейшая гроза, ливень, а они сидят, и мне не верят. Говорю: так быстро бежал, что зайца поймал. Конечно, поверили, когда я зайца из-за пазухи достал! Он у нас всю ночь по лесничеству прыгал. А утром, когда мы его выпустили, они опять не поверили, как это я такого зайца – быстро бегущего – поймал?! Пришлось снова рассказывать, о том, что была гроза...

Мы не одиноки, т.к. там, внутри, сопричастны ВСЕМУ – ВЕРА называется, потому что, никуда не денешься – ЕДИНСТВО!

Ведь теперь у нас – второй вопрос, на первый мы ответили – БОГ ЕСТЬ! А теперь – КАКОВ ОН?

Как? Почему? Где?..

Радость познания! Если предмет познания – Бог! – то РАДОСТЬ беспредельна – ничем не ограниченное познание и радость...

И ЛЮБОВЬ!..

Однажды я искал следы. Я ведь – собака, если собака меня воспитывала, то много во мне от собаки осталось. И всегда у меня была – собака...

И вот, как-то, в поисках Бога, собрался я в Троице-Сергиеву лавру. Но по дороге зашел к моему другу. А он где-то раздобыл чистейший спирт – 97°. У нас с ним тогда состоялась напряженная философская беседа, – огненная! Мы пытались осмыслить вещи наиважнейшие, а так же и российское подвижничество, старчество. Пришли к выводу, что в таких местах, как Троице-Сергиева лавра, – остались светлые следы...

Но поехать в тот день я уже не смог, и с собой он мне спирта отлил...

И вот, просыпаюсь я дома оттого, что трясет меня жена, т.к. жутко храплю, лежа на спине. Понимая в чем дело, я изо всех сил пытаюсь повернуться на бок.

А потом, как всегда, вдруг слишком легко переворачиваюсь, и продолжаю крутиться, а потом уже над улицей, над домами, уже не крутятся, – все быстрее лечу, и начинаю сознать – куда!

И вот, белая стена монастыря, взлетаю и полуиду – полулечу вокруг всей Лавры. Замечаю, что в одном месте монастырская стена чуть ли не касается стены храма, и думаю, что если пре-

подобный Сергей здесь проходил, то его следы именно здесь будет легче найти...

Слетаю со стены и ползу на четвереньках в поисках следа. Снова вернулась тяжесть, каждое движение дается с таким трудом, через силу. Но все равно ползу и ищу!

Вот ОН – вижу ясно, – ослепительный серебряный след Святого, вот ОН! Я припадаю к нему и плачу, и молюсь.

Господи, помилуй меня грешного!

Кто-то жалеет меня, кто-то рядом со мной, и – осушает мои горькие слезы. Я дома, в глубоком поклоне в углу перед иконами, а моя собака скулит и слизывает слезы горячим языком.

Я встал, погладил и успокоил собаку, а потом громко сказал:

Собаки мы с тобой, собаки!

По следам приключений долго ходить не надо: на лбу у меня след от лошадиного копыта, а еще одна рыжая кобыла зуб передний выбила...

“А мы его по морде чайником, чайником – и научили танцевать...”

Сколько следов видимых – шрамы на теле! А сколько невидимых, я бы рассказал, от чего они остались, да кто поверит, если не увидит, – как падал...

Ведь верой обычно называют, не то истинное внутреннее сочувствие ВСЕМУ, не ту нашу СОПРИЧАСТНОСТЬ всем

и каждому – и Богу – а лишь то, что вписывается в “менталитет”. То есть только то, что не разрушает привычное мировоззрение человека. Менталитетов много, а ВЕРА одна и едина для всех, ведь есть только один Мир, и ОДИН Бог!

Вера – это сильнейшее переживание. В это вы верите?

*Бедный я, несчастный писатель
про зайцев на Луне!*

Пора на грустную планету,
Я не прижился на Земле...
Вина хочу, и быть поэтом!
На небе, с Зайцем, на Луне...

Пора мне возвестить о Главном:
О Море Лунного Вина,
О вечном равенстве неравных,
И что Кувшины все без дна...

Кувшины с дном? – Бездонно Море,
С поклоном почерпни, – еще налей!
Уйдет страданье и печаль, и горе...
Терпи! Пей и терпи, терпи и – пей!

СЧАСТЬЕ

Это когда все здесь и сейчас, в этом настоящем моменте времени, и ты тоже весь здесь и сейчас, сейчас – счастье!

Когда нет сожалений о прошлом, и нет мечтаний о будущем, и все, что хочешь и любишь – здесь, немедленно, сейчас – с тобой и в тебе...

Много лет назад я написал эссе о счастье, все правильно написал, но не сумел стать счастливее, не избавился от страдания. Ведь когда сейчас все не сейчас, то это – несчастье. Когда даже собаки нет...

Как может быть ВСЕ сейчас? Очень просто! Может быть внутренняя не отдельность от ВСЕГО, и реальное переживание причастности ко ВСЕМУ. Когда гладишь собаку, а сердцем прикасаешься к каждому живому существу...

Но собака должна быть!

И ВСЕ, кого ты ЛЮБИШЬ, должны быть с тобой, а КТО-ТО – рядом. А когда с тобой Бог, то воистину! – ВСЕ ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС, и НЕМЕДЛЕННО. Такое переживание истинной СОПРИЧАСТНОСТИ ВСЕМУ называется – БЛАГОДАТЬ!

Какие бывают благие переживания? Радость, восторг, восхищение, тихое нежное счастье...

Но бывает такая Любовь! И такое громкое Счастье, как удар молнии, что вынести не просто эти переживания...

Надо быть сильным и отважным и, главное, полностью отказаться от своего

ЭГО, – чтобы слиться с ЦЕЛЫМ, надо отказаться от части, только тогда – СЧАСТЬЕ! А счастье, которое только в своей, сколь угодно большой части, но отделенное от всего остального, не будет великим истинным СЧАСТЬЕМ.

Есть такое счастье аскета, счастье отшельника, которое даже не снилось буржуям. А другие, бедные люди, обычно тоже не очень бедны... Ведь человек всегда богат своим эгоизмом, от того и несчастлив. Рецепт один – “отвергни себя” – и... ЛЮБИ!

Но нет дела сложнее, и нет более коварной вещи, чем собственное “Я”.

Что же тогда мне нужно для счастья? Может быть – СТРАДАНИЕ?

– Не надо тебе больше страдать, – пожалел меня Лунный Заяц. – Выпей лучше вина! Вот кувшин – космический лунный напиток, тоже от эгоизма лечит, не хуже страданий, унижений и оскорблений, стыда и страха...

Мы выпили, и Заяц запел свои древние лемурийские гимны: “Лямур! Лямур! Лямур – дитя, дитя свободы...”

Лунное счастье – Море Вина и бескрайняя Вселенная вокруг. Неспроста собаки воют на Луну!

Собаки мы с тобой, собаки!

Счастье части лишь частично,
И пока несчастлив кто-то,
Слыть счастливым неприлично

И хвалить свое болото...
Квакать стыдно, сидя в луже,
Что раскрыл его секреты:
Счастью *вечному* не нужны
Счастья частного советы...

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

*Ивана Скорпионова на Луне
в городе Казани*

Скорпионов подозрительно долго прошался, раскланявшись, вдруг снова начинал о чем-то говорить и вновь прикладывался к кувшинчику лунного вина...

И, наконец, признался, что боится возвращаться в свою субъективную Казань: “Ведь опять побьют...”

Лунный Заяц очень удивился.

– Это же твой внутренний мир, ты в нем абсолютный хозяин, творец, ваятель, архитектор и строитель своей Казани. А сами субстанции лунных флюидов нежны и безвредны. Кто же тебя там может бить?!

Скорпионов кивнул головой и тяжело вздохнул.

– Все понимаю, но – бьют! Все время бьют и очень сильно...

– Вот он – парадокс самосознания! –

воскликнул Заяц и предложил Ивану Скорпионову обо всем подробно рассказать...

Постоянно упоминая то Фрейда, то Юнга и проч. столпов психоанализа, несчастный скорпиончик стал пытаться объяснить, почему он сам себя обижает в своем же, но в овеществленном на Луне, сознании. Говорил, что не только у него, но и у многих не получилось бы, и приводил примеры из классической литературы – “трудно быть богом”...

Заяц, наполнив вином кувшин, сказал, что лучше сам пойдет и посмотрит на весь этот фрейдизм...

Бедный “творец” перепугался вконец, и умолял его ничего не разрушать, не вмешиваться в жизнь обитателей субъективного города, и принять какой-нибудь человеческий облик, или облик обычного для города животного. Хотя бы, черного кота, как у Булгакова...

Перед самой стеной из осеннего тумана они снова поспорили. Заяц хотел войти в Казань как Иван Грозный, а Иван Скорпионов кричал, что и одной улицы Проломной достаточно. В общем, вошли тихо, но сразу на улицу Проломную, где и – столкнулись с милицией...

– Бежим! – закричал Скорпионов.

– Еще чего не хватало! Сейчас я их трансформирую.

Кстати, Заяц принял облик почтенного старца, с длинной седой бородой и в

чалме... Старик Хоттабыч! Только уши очень длинные...

– Ладно, трансформируй, только не в козлов, а то бодаться будут! – заорал Иван.

– Трах-тибидох! – и стайка хорьков, но с маленькими дубинками и в погонах, злобно набросилась на наших путешественников. Пришлось спасаться в ближайшем баре под вывеской – “ЧАК-ЧАК”.

Высокая стройная девица предложила им к чак-чаку любые напитки, но только не в кувшинах, а в бутылках, бокалах и рюмках, что совершенно не устроило Зайца.

– Да ты на саму девицу посмотри! – ткнул его в бок Скорпионов.

И Лунный Заяц, прищутив мудрые глаза Старика Хоттабыча, посмотрел...

Шортики на девице лопнули по швам, и все из них вывалилось, и все оно продолжало вываливаться, пучиться и круглиться, пока на заду классических размеров и очертаний ни проступила размашистая подпись – П.П.Рубенс.

– Верни зад взад! – вскричал Скорпионов...

Вот так они и начались, приключения эти, в субъективном городе-скорпионе на Луне, на обратной ее стороне... – что Казань называется, и – больно кусается...

Но ведь наша цель – философская

сентенция, вывод, мораль, – не сами приключения, а их идеальный результат.

Когда в нашем сознании нечто приключается, – субъективные приключения, – то все меняется, и сам человек может даже очень измениться...

Бывают социальные революции, – наша “Октябрьская” и прочие страшнейшие “приключения”. Но для человека нет более страшной революции, чем смена власти и строя в его собственном сознании. Думаю, что каждый, кто пережил “белую горячку”, с этим согласится, но речь о вещах посерьезней этих. Ведь “белая горячка” чаще заканчивается ничем – никакого радикального изменения структур сознания не наблюдается, – повяжут бедолагу, накачают, откачают и выпустят, а он и дальше все такой же.

Как-то приходим мы утром в лесничество, все двери нараспашку, в печи огонь, собаки лают, а сторожа Клячкина нет нигде. И окно выбито. Целую неделю его никто найти не мог, а потом позвонили из “Кашенко”.

Оказывается, в то утро, чуть стало светать, к нему черт пришел, огромный, страшный и злой. Он в окно, черт за ним, и трое суток по лесам его гонял.

В конце концов, Клячкин выскочил из леса к посту ГАИ, конечно, весь

пост разгромил, пока они поняли, в чем дело...

И ничего, кроме черта! – примитивно и скучно...

Но я знавал людей, которые выстояли, пережили “беленькую” без помощи врачей, это было не скучно, и они действительно изменились (в лучшую сторону!)

А теперь обратимся к изменениям сознания, и к “приключениям” во время переоценки и переосмысления всего сущего, как к результату напряженных раздумий о смысле жизни...

У кого есть собственное выстраданное мировоззрение? Кто отважился иметь собственное, не обусловленное внушениями и авторитетами, суждение?

Только один Скорпионов, да и тот на Луне...

Все всем известно, ясно и понятно: “Вот это – стол, на нем сидят, вот это – стул, его едят...” Один только Данет Яснетов в сомнениях вечных, как относительно стола, так и относительно стула...

Ужасные бывают приключения, когда убеждаешься, что переосмыслению подлежит весь мир, который был дан тебе насильно, навязан с детства учителями шибко умными, которые уже ни в чем не сомневались, – что как и что почем.

“Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем...”

Когда верхи сознания уже не могут,

а низы не хотят жить ради ложных ценностей, рабски верить во всякий вздор, шагать в след слепых поводырей с громкими именами, – то...

Ведь у тебя должна быть своя неповторимая уникальная дорога, т.к. ты сам уникален и неповторим, иначе не было бы смысла в твоём существовании.

Открою тайну вам, субъекты, –
Один есть истинный Объект.
Есть настоящий объективный Некто!
И к центру субъективного субъекта
Всегда приложен –
объективный вектор!

Найди его!
Укажет верную дорогу
(твой уникальный путь),
Но – только! – только не забудь,
Когда твоя Дорога к Богу,
То субъективным, –
самым субъективным будь!

ЛЕСОРУБ

“Лесорубы! – удивительный народ между елкой и березой...

Привыкли руки к топорам...
Только сердце не послушно докторам,
Если иволга поет по вечерам.
Лесорубы!” – Э-ге-ге! –
может, споем?
Выпьем и снова споем...

Главное! – не забывайте о технике безопасности:

1. Подпил. Держи шину ровно, перпендикулярно стволу.

2. Запил. Не больше трети, а при наклоне и четверти Д. ствола.

3. Перепил. Остерегайся соскальзывания и падения не в ту сторону!

4. Недопил. Ствол может расщепиться, а комель высоко взлететь. Это самая опасная ситуация – остерегайся!

5. Пропил. Качество зависит от остроты и правильного угла заточки, плюс – опыт лесоруба.

Окликни лесоруба, если он тут же взглянет вверх, значит это – настоящий лесоруб, т.к. бережет голову, – не забывает о технике безопасности.

И как это меня угораздило в лесорубы податься!

Я не стал считать, сколько спилил деревьев, ведь, в основном, это – санитарные рубки, рубки ухода...

Но я посчитал, сколько деревьев я сам посадил – во время наших осенних и весенних посадок, получилось – не менее 100 тысяч деревьев! Кустарники и цветочки не считал.

И все же, как жаль каждое-каждое дерево, в которое с визгливым воем вгрызались хорошо заточенные зубья моей бензопилы.

Не буду больше лесорубом, да и на Луне деревья пока не растут...

А кем я буду? Писателем о Лунном Зайце?!

– Почему бы и нет? – успокаивает меня Лунный Заяц. – Вина у нас – Море, да и рассказать есть, о чем...

Вот, и уговорил...

Лесорубы – удивительный народ...

Удивительный народ на Луне теперь живет,

Чем живет, о чем поет? – Э-ге-ге!

Вместе с Лунным Зайцем,

От всего веселого народа, только я один осенью на Луне...

Один лесоруб несчастный, который все по комарам скучает, и хвалится, что ни одного комара не убил, т.к. – а вдруг за дело кусают! Никакими мазями и прочей защитой не пользовался: так эти комары его сами кусать перестали, на что он очень обижался, – самый невкусный что ли?! Ружье подарил, а дома детям запретил даже тараканов давить...

И никогда ничего не украл и, пока был женат, жене не изменял, но все равно в тюрьму попал, потому что зарекался...

Там нет никакой природы и никакого – уединения!

Все, конечно, очень удивлялись:

– А ты, как сюда попал? На экскурсию что ли?! Эй, Экскурсант, иди сюда, цифиром угостим!

Два месяца в “Бутырке” и месяц в больнице, с воспалением легких и переломанными ребрами...

– ПРИКЛЮЧЕНИЯ?!

Я сижу на солнце, прислонившись к дубу, на первом оттаявшем клочке земли. Передо мной поле, наст на котором сияет – где белыми искрами, где слепящей голубизной льда.

Я думаю о цвете неба – как трудно его определить! И даже трудно представить, когда закрываешь глаза.

Я думаю о наполненной светом БЕСКОНЕЧНОСТИ.

В лесу, за моей спиной, гремят птичьи голоса, но я слышу еще какой-то постоянный звук. Звук этот создает ветер, налегая на мои уши и пробегая по извилистым трещинам дубовой коры. Покрутив головой, я нахожу положение – как слышнее...

И вскоре свист, гул и вздохи преобразуются в изумительную музыку, слушая которую, я забываю обо всех ПРИКЛЮЧЕНИЯХ...

ТОЛЬКО ВПЕРЕД!

Все выше поднимаются ступени,
Ни на одной нам не найти покоя.

тельный миг”, только из него – из мгновения “СЕЙЧАС” и можно думать вверх!

Ведь в осознании “СЕЙЧАС” нет страдания... Так ли это?

Сейчас – счастье! Истинное настоящее СОЗНАНИЕ воспринимается мной, как вспышка ослепительного СВЕТА, с ним приходит безграничный восторг и запредельная радость понимания. А еще – СИЛА, которая меняет все. В общем, – “Сат – Чит – Ананда”....

Надо же! Мне приходится думать и разбираться самому с вещами, которые уже не раз, в истории мысли человеческой, были “разобраны”, поняты и осмысленны.

Знаю, как быть счастливым, но против меня космические силы: Самсара, Майя и карма всякая...

Путь к ИСТИНЕ преграждает Космическая Иллюзия...

Но!

Все же,

Немного ЛЖИ

должно быть в Мироздании!

Чтоб “Я” могло существовать

в своем самосознании.

Наверно это ЛОЖЬ,

сражаясь с ЭНТРОПИЕЙ,

И породила – множество суждений,

Таких оригинальных, разных

ваших – наших мнений...

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАЯЦ

Автопортрет с числом "ПИ"

Собаки! Собачьи бега – догнать вожделенного зайца, догнать и вонзить ненасытные зубы в горячую гонную плоть, растерзать...

Беги, заяц, беги!

Бедный Заяц! – Бедные собаки, если догонят, а ведь бывало и не раз на бегах собачьих, – Заяц то, оказывается, – железный...

Дразнить собак и обламывать им зубы – такая уж судьба у Железного Зайца.

Он с Луны свалился, в переносном смысле, конечно, и, как вам ни покажется странным, в прямом смысле тоже, – так взял и прямо с Луны и свалился...

У него все болело, и он не знал – выживет ли на этот раз, но, лежа здесь на солнышке, на берегу водохранилища, в самом начале лета, здесь на Земле...

Когда солнце играет в каждой волне, в каждой песчинке в его руке – солнце желтое, солнце зеленое танцует в шумящей листве, а в небе бескрайнем, синем и голубом, настоящее наше Солнце, живое, земное...

И вот, глядя на Солнышко, повторяя

любимую мантру – “разум Солнца божественен”, уподобившись ящерице, отращающей хвост... – он, как ни странно, выздоравливал.

Понемногу, помаленьку...

А потом появилась та, преуспевающая в астрологии, тетка, которая, опираясь на весьма авторитетные источники, доказала ему, что он по воле звезд – Железный Заяц.

Не иначе как, поэтому и жив еще! – подумал он и согласился...

– Если так хотят звезды, если они на этом настаивают, то! – хотя и не Мудрый Змей, не Острие Бревна, и не Зеленая Обезьяна, но... И он стал вспоминать, как его называли, – по воле звезд, в других мирах и в прошлых воплощениях...

Ох уж, эти звезды, ох уж, эта карма! Дадут они тебе, по своей воле, по своему усмотрению или присмотру, – форму, определенную жесткую, с именем и фамилией... И будет в этой форме замурована свободная воля твоей души, твоя воля к жизни, к счастью и любви.

А твоему божественному сознанию дадут содержание, соответствующее месту и времени твоего проживания...

Вот и будешь каким-нибудь Зайцем среди голодных собак, попробуй тогда изменить свое запрограммированное со-

знание, вырваться за пределы предписанной тебе судьбы!

Но Железный Заяц – это уже не плохо, т.к. не сразу съедят, может быть, будет время придумать что-то, запретное этому известному безысходному существованию, освобождающее и разум, и душу.

О, чистый благородный Разум, о, свободная и вольная бессмертная Душа! Где вы? – совсем, что ли, забыли вас люди, став тараканами в “тараканьих бегах” или собаками в бегах собачьих...

Беги Заяц, беги, пока еще помнишь о высшей цели, пока не забыл, что смысл есть. Беги, пока не померк твой разум, беги ради спасения своей животрепещущей души, беги ради Бога!

И Железный Заяц, – бежать ему, конечно, было невмочь, – заковылял дальше, вперед. Только вперед! – прочь от собачьих и тараканьих устремлений, все туда же, – не зная куда, искать то – не зная что. Но, зная точно, что это НЕВЕДОМОЕ – есть, по необходимости существует. И помня, что главное в поиске всего неизвестного – это открытость навстречу всему прекрасному и чудесному, что сейчас, здесь и немедленно наполнит тоскующую душу.

Открытость Солнцу, открытость цветам и листьям, каждой букашке, вороне, собаке... Самой высшей сущности в них...

Но вот открытость встречному чело-

веку почему-то в нем, обычно и привычно в последнее время, открывает злую борзую собаку – хищную сущность, которая стремится отнять жизни кусочек от зайца живого. И начинается гонка!

Ухватят шерсти клок и жадно ненасытно – еще давай, еще! Он же с радостью – берите! – вот они – мои высшие ценности, вот мои мысли о главном, а вот мои последние стихи...

– Кому нужны твои стихи и твои ценности, которые не едят!

Но все равно хватают от жадности и...

Одними зубами дело не обходится, – такое бывает! И всегда разное, невероятное, удивительное... Ведь каждый такой несчастный случай – это неповторимая трагедия для неповторимой индивидуальности, т.е. – души, судьбы и эгоизма...

Вот, например, последняя история, которая так бы порадовала Пифагора...

Потому что!

Как было бы хорошо, если бы у числа “пи” не было бы никаких дробей!

А ведь так оно и есть, если сам идешь и сам меришь своими шагами.

Ведь если встанешь ты на берегу, и твой горизонт – твоя окружность, потом вокруг себя замкнешь сей круг морской, –

измерь тогда владенья “Итаки” своей, и убедишься, – пройди вокруг, шаги свои считай, пройди насквозь и – раздели. Дробей не будет, “пи” = 3!

А история? Да самая простая история – Зайчиха выгнала Зайца, потому что, вместо полезных в хозяйстве дел, он сидел и вычислял число “пи” другого измерения, т.е. той своей Луны, откуда и свалился...

И утверждал, что у каждого Иного Мира свое “пи”, значение которого и является его координатами, – стоит нам изменить путем душевного внутреннего усилья свое “ПИ”, и тут же – в другую Вселенную попадешь.

Но координаты надо знать!

ПРОРУБЬ ДЛЯ ЛУЖКОВА

Я не писатель, но я рассказчик. Не писатель потому, что моими темпами, набирая одним пальцем, и плюс необходимые ежедневные обязанности – особенно не разгонишься. И еще! Если уж писать, то – и здесь мне мыслится необходимость – о самом главном и важном, а это – “Осень на Луне”.

Есть бесконечность историй и приключений на всех уровнях моего с вами

бытия, вот и рассказываю и пересказываю, развлекаю друзей и – найти бы слушателя...

Но я ведь – искатель истины, мне важен смысл, соль, вывод...

Уж если писать, то только о том, что на самом деле глубоко пережил, осмыслил, понял...

А что прорубь для мэра Ю.Лужкова? Ну, пилил для него полынью 2 на 10 метров, пруд около бывшего Дворца Пионеров, что на Воробьевых Горах...

Когда это было, в январе 98-го или 97-го? Может бессменный мэр помнит? Говорят, что это было его последнее моржевание...

Но морозец, точно, был изрядный. На работу меня попросили придти пораньше: в 7 часов утра я уже цепи точил и, под это ответственное дело, валенками на резиновом ходу разжился, тремя парами рукавиц...

Хотел сделать все по науке: в стороне пропилить до воды – измерить толщину льда, – мне и раньше приходилось не только деревья на Воробьевых горах, но и лед пилить, – а потом эти 20 кв. метров попилить на квадратики чуть-чуть, не до самой воды, а потом – ломиком, т.к. купаться в мороз не очень хотелось...

Но туда нагнали столько всякого бестолкового народу! Часам к 11-ти еще пильщиков привезли, только их иностранные пилы сразу от воды заглохли,

а моя, кстати, личная пила – “Дружба-4” вся в воде, я весь до нитки, но все нипочем – тра-та-та и тра-та-та...

И какой здесь смысл, какой вывод из истории этой? В зарплату: “Эй, лесоруб, тебе от Лужкова премия, персонально – 20 рублей” – по рублю за 1 кв. метр, что ли?..

Да, скоро полнолуние, и вы уже можете видеть Зайца на Луне, и понаблюдать, как он кувшин с вином все выше поднимает, кстати, угол наклона не одинаков от полнолуния к полнолунию, погоду можно предсказывать: если Заяц завалится на спину на 40 градусов – это к морозам...

Должен предупредить! Раз увиденный на Луне образ пьяного Зайца может потом вам всю жизнь мерещиться. Некто из моих друзей ругается:

Опять на Луне Заяц этот торчит!..

Литературно-художественное издание

Кузнецов Владимир Игоревич

ОСЕНЬ НА ЛУНЕ

Литературный редактор *Сергей Саканский*
Ответственный редактор *Мария Романова*
Художественный редактор *Ян Саканский*
Технический редактор *Наталья Базилевская*
Корректор *Александра Кулагина*
Верстка *Анна Рудой*

Подписано в печать _____

Формат 84 x108/32

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл.печ.листов 16. Общ.тираж 200 экз.

Заказ _____

Издательство «Дайджест-Пресс Лтд.»

г.Москва, 2006г.

111555, Москва, а/я 506

dtpress@mail.ru

Отпечатано филиал ГУП ТО ТОТ

Конаковская типография,

171280, Тверская обл., г.Конаково,

ул. Промышленная, 4.

Тел. (48242)430-39